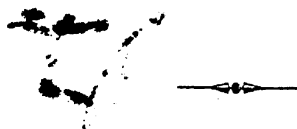

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВІЙ.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЯПОНИЮ. 2

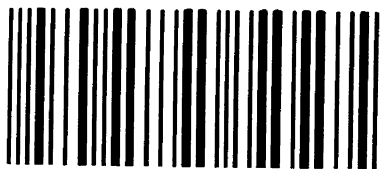
ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Дмитріева.

1854.

2007087260

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЯПОНИИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЯПОНИИ

ИЛИ

ОПИСАНІЕ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРІИ,

ВЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ, ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

Ф. ЗИБОЛЬДА,

ДОПОЛНЕННОЕ СВѣДѢНІЯМИ И ИЗВѢСТІЯМИ ИЗЪ КЕМПФЕРА,
ФИШЕРА, ДѢФА, ШАРЛЬВУА, ГРАФЪ ГОГЕНДОРНА, КРУЗЕН-
ШТЕРНА, ТУНБЕРГА, ТИТСИНГА, ВАРЕНИУСА И ДР.

ПЕРЕВОДЪ

В. М. Строева.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

1854.

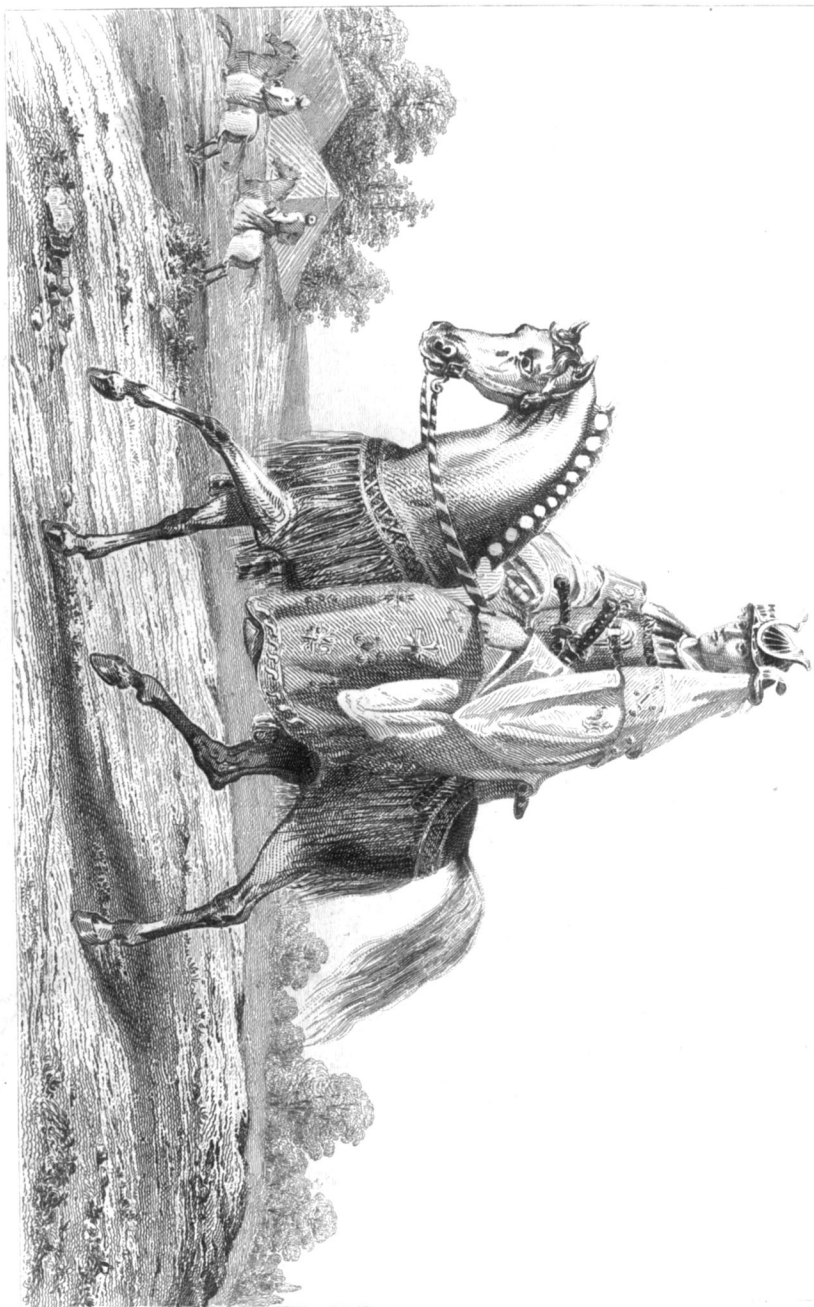
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ 20-го Іюля 1853 года.

Цензоръ А. Фрейманъ.

27-0

Генерал

ТЕХЕРАЛЪ

Лит. альб.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ЯПОНИЮ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ЯПОНЦЕВЪ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ.

Извѣстія, напечатанныя въ разное время членами голландской факторіи, дадутъ намъ матеріалъ для этой главы. Уже извѣстно, какъ стѣснены и связаны Голландцы въ Де-цимѣ, какъ строго смотрятъ за ними во время переѣзда въ Іедо; притомъ же они не знаютъ японскаго языка; стало быть, многого отъ нихъ и ожидать нельзя. Однакожъ они успѣли собрать занимательные факты объ этой таинственной странѣ. Изъ нихъ-то мы постараемся составить картину, которая могла бы дать общее понятіе объ этомъ обществѣ, котораго образованность, очень развитая, такъ мало похожа на нашу.

Прежде всего мы укажемъ на то, что даетъ народнымъ нравамъ оригинальный характеръ, поражаетъ особенно иностранцевъ и заставляетъ ихъ отыскивать религіозныя и политическія причины этой оригинальности. Съ этою цѣлю мы прослѣдимъ жизнь Японца съ минуты его рожденія до могилы. Но какъ женщины у всѣхъ народовъ имѣютъ всегда болѣе или менѣе вліянія на развитіе образованности и на счастье семействъ и самаго общества, то необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ о томъ, какое мѣсто женщины занимаютъ въ японскомъ обществѣ и семействѣ.

Въ этомъ двойномъ отношеніи, положеніе японскихъ женщинъ вовсе непохоже на положеніе другихъ восточныхъ женщинъ. Только Китай представляетъ, въ этомъ случаѣ, нѣкоторое сходство; однакожъ положеніе Японки занимаетъ середину между тѣмъ, что видимъ въ Европѣ, и тѣмъ, что встрѣчается въ Азіи.

Подобно европейскимъ дамамъ, Японки занимаютъ видное мѣсто въ обществѣ и раздѣляютъ всѣ честныя удовольствія отцевъ и мужей. Онѣ свободны какъ европейскія дамы, и даже свободнѣе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Однакожъ онѣ рѣдко употребляютъ во зло эту свободу, а въ среднихъ и высшихъ классахъ онѣ ведутъ себя примѣрно. Въ Японіи

можно встрѣтить невѣрную жену, но это рѣдкое исключеніе, диво (*).

Обучать ихъ стараются столько же, сколько и мужчинъ, и мы уже говорили, что въ даири (при дворѣ микадо) находится нѣсколь-ко женщинъ въ числѣ историковъ, морали-стовъ и поэтовъ, заслужившихъ громкую славу. Увѣряютъ, что онѣ вообще любезны, веселы безъ натяжки, любятъ наряжаться, чрезвычайно ловки, и мастерски принимаютъ и угощаютъ у себя въ домѣ (**).

Но свобода японскихъ женщинъ не простирается далѣе того круга, которому онѣ придаютъ столько прелести. Въ домашней жизни видна уже восточная женщина. Среди семейства она находится подъ опекою, въ зависимости отъ мужа, отъ сыновей или отъ ближайшихъ родственниковъ. Законъ не

(*) Старинные путешественники указываютъ на нѣсколько примѣровъ невѣрности женъ и притомъ въ различныхъ классахъ народа; но страшное наказаніе, налагаемое на виновныхъ, показываетъ, какъ мало привыкли Японцы къ нарушенію супружеской клятвы. Самый незнатный Японецъ столько же заботится о своей чести, сколько и сильнѣйшій князь, и также жестоко мститъ за себя. См. Мандельслю, т. II стр. 498—500, и *Chinese Repository*, Т. IX стр. 622.

(**) Въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, хорошо воспитанная женщина должна умѣть читать бѣгло, написать письменно складно, а это значитъ, что ея почеркъ и слогъ должны быть изящны. Если она умѣетъ при этомъ

*

даетъ женщинамъ никакихъ правъ. Онѣ не могутъ свидѣтельствовать въ судѣ. Мужъ можетъ ввести сколько угодно наложницъ въ домъ, гдѣ онѣ управляютъ, и нерѣдко случается, что наложницы имѣютъ свой особенный штатъ и находятся не въ совершенной зависимости отъ жены; но это бываетъ только въ домахъ знатныхъ и особенно у богатыхъ. Въ низшихъ классахъ рѣдко встрѣчаются эти бигамическіе случаи. Почти всегда незаконныя жены повинуются домашней власти законной супруги; въ знакъ униженія, имъ запрещено брить брови; но состояніе ихъ не считается въ Японіи ни преступнымъ, ни даже безчестнымъ. Мужъ всегда можетъ требовать развода; только интересъ и приличія могутъ помѣшать ему воспользоваться этимъ правомъ, которому не

сочинять быстро стихи на заданныя темы, то считается совершенною женщиной. Музыка и рисованье—необходимыя принадлежности хорошаго воспитанія. Разумѣется, что такое полное воспитаніе получаютъ только женщины, принадлежащія къ достаточнымъ семействамъ. Другія, находящіяся въ неблагопріятномъ положеніи, осуждены на незнаніе по недостатку средствъ къ воспитанію. Между этими послѣдними многія не въ состояніи даже написать письмо. Вообще японскимъ женщинамъ дается свободы болѣе, чѣмъ Китаанкамъ. Семейныя отношенія первыхъ не такъ стѣснены: притомъ же ноги ихъ не изуродованы, какъ у китайскихъ женщинъ, и онѣ могутъ ходить и прогуливаться, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

положено границъ. Мужъ обязанъ содержать отосланную изъ дому жену сообразно съ своимъ состояніемъ, если разводъ назначенъ не судомъ и не по законной причинѣ, напри-мѣръ, за безплодіе; но несчастная женщина, недавшая мужу дѣтей, не имѣетъ ни малѣйшаго права на пособіе отъ него. Ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ жена не смѣетъ просить развода. У себя она хозяйка, управляетъ всѣмъ семействомъ; но на нее смотрятъ болѣе какъ на драгоценную игрушку, чѣмъ на разумное созданіе, которое должно раздѣлять участь мужа. Она обязана развлекать его своими талантами, развеселять живымъ и игривымъ разговоромъ; но не можетъ и не должна брать на себя часть его заботъ и печали. Она не только не знаетъ его тайнъ, но онъ даже ни слова не говоритъ ей о своихъ обществен-ныхъ или частныхъ дѣлахъ; она не смѣетъ и спросить о нихъ, зная, что прослышетъ дерзкою и безумно-смѣлою.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ о женщинахъ, расскажемъ жизнь Японца, съ пеленокъ, съ той минуты, какъ онъ является на свѣтъ.

При первыхъ признакахъ беременности, обвязываютъ талию матери краснымъ крепомъ (по японски *геръ-оби*); церемонія эта совершается съ особенною торжественностію;

тутъ бывають и религіозные обряды, приспособленные къ этому обстоятельству. Выборъ особы, которая должна подать поясъ, производитъ всегда сильное волненіе въ семействахъ, какъ увѣряють Мейланъ и Фишеръ. Японскіе ученые приписываютъ этому обычаю довольно странное происхожденіе. Назадъ тому шестнадцать столѣтій, говорятъ они, умеръ микадо, оставивъ супругу беременною. Опоясавшись краснымъ поясомъ, она заняла въ арміи мѣсто умершаго мужа и довершила покореніе Кореи. Клапротъ называетъ эту амазонку *Сейнг-гу-Коногу*, а Зибольдъ *Зингу-кво-гу*; она сама происходила изъ фамиліи микадо и за храбрость получила въ награду верховную власть. Была-ли она или нѣтъ провозглашена микадомъ и пользовалась ли этимъ титуломъ? Японскіе историки не разрѣшаютъ этого вопроса; но нѣтъ сомнѣнія, что она управляла государствомъ до самой своей смерти. Она скончалась ста лѣтъ, процарствовавъ шестьдесятъ девять, и оставила престолъ сыну своему, которой родился у ней послѣ смерти ея мужа. Этому то повелителю Японцы обязаны за введеніе китайскихъ письменныхъ звуковъ; онъ выписалъ *Во-Нина* изъ Кореи въ 285 году (*).

(*) Эта амазонка болѣе извѣстна подъ именемъ *Тат-*

Они возвели и мать и сына на степень своихъ боговъ. Простой народъ смотритъ на красный поясъ, какъ на полезную предосторожность, потому что *зародыши можетъ подыматься и похищать пицу матери, такъ что она умретъ съ голоду*. Каково бы ни было происхождение этого обычая, онъ все таки существуетъ, и нельзя перемѣщать поясъ, съ той минуты, какъ онъ затянутъ, до самыхъ родинъ. Только для этого счастливаго событія снимаютъ съ матери несносный бандажъ; но она не расквиталась еще съ примѣтами, и ей остается вытерпѣть много другихъ суевѣрныхъ церемоній. Тотчасъ послѣ

шиманъ-го или *Фатсиманъ-го*, а сынъ ея подъ именемъ *Ко-Гатшиманъ-го* (ко значить сынъ). Кемпферъ называетъ его *Оозинъ* или *Воозинъ*, и говоритъ, «что онъ былъ знаменитъ въ войнѣ и мирѣ, и былъ истиннымъ отцемъ своихъ подданныхъ.» Онъ вступилъ на престолъ въ 270 году и умеръ ста тридцати лѣтъ, въ 313 году.

Геръ-Оби или красный поясъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, шириною въ три дюйма; главнѣйшее его дѣло, по понятію Японцевъ, поддерживать и укрѣплять беременную женщину, которая стягиваетъ его крѣпко-на-крѣпко. Говорятъ, что въ иныхъ мѣстахъ женщины родятъ первенцевъ въ родительскомъ домѣ, если родители-ихъ не совсѣмъ бѣдны. Въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, старушки, уважаемыя за характеръ и опытность, замѣняютъ повивальныхъ бабокъ; однакожъ родные часто призываютъ доктора, особенно послѣ родовъ. Тотчасъ послѣ родинъ, мать сбрасываетъ себѣ брови, а иногда даже и ранѣ. Съ этой минуты женщина не перестаетъ уже брить брови во всю свою жизнь.

родовъ, ее сажаютъ на кровать, между тремя мѣшками риса; два мѣшка у ней подъ мышками, третій за спиной. Такъ сидитъ она девять дней и девять ночей почти безъ пищи и совершенно безъ сна, чтобы во время сна не измѣнить какъ нибудь предписаннаго положенія. Всего удивительнѣе, что эта пытка не имѣетъ вреднаго вліянія на несчастныхъ женщинъ, которыя ей подвергаются. Замѣчено однакожь, что японскія женщины долѣе другихъ не поправляются послѣ родовъ; это очень естественное слѣдствіе такого варварскаго обычая. Въ продолженіе ста дней родильницу считаютъ больною; только по истеченіи этого срока принимается она за свои домашнія обязанности. Тогда исполняетъ она поѣздки или обѣты, данные въ минуту опасности.

Тотчасъ какъ родился младенецъ, его погружаютъ въ воду; но не пеленаютъ, чтобы ни что не мѣшало развитію его членовъ. Онъ лишается этой свободы только въ тотъ день, какъ надобно дать ему имя. Эту церемонію совершаютъ въ тридцать первый день послѣ рожденія мальчика, въ тридцатый послѣ рожденія дѣвочки. Съ большою торжественностію переносятъ младенца въ семейный храмъ; за нимъ идутъ служители и несутъ его гардеробъ; по богатству и количеству платьицъ судятъ о чинѣ и состояніи отца.

Шествіе заключаетъ служитель, который несетъ въ одной рукѣ ящикъ съ денежною наградою для жрицы, а въ другой бумагу, на которой написаны три имени (*).

Послѣ предписанныхъ обрядовъ, жрица подноситъ богамъ написанныя имена, и потомъ провозглашаетъ, какое они выбрали; даетъ имя ребенку, обливая его водою. Церемонія оканчивается пѣснями, которымъ вторятъ инструменты. Отсюда несутъ младенца еще въ нѣсколько другихъ храмовъ; передъ возвращеніемъ домой, представляютъ его ближайшему родственнику его отца; тотъ даритъ ему связку пеньки, символъ долголѣтней жизни, талисманы и другія драгоценности. Если младенецъ мальчикъ, то къ подаркамъ прибавляютъ два вѣера, въ видѣ сабли: они символъ храбрости; если же дѣвочка, то прибавляютъ цвѣтную раковину, символъ красоты.

Младенецъ растетъ и развивается въ полной свободѣ; только въ три года надѣваютъ ему поясъ; и эта церемонія утверждается религіознымъ обрядомъ, что бываетъ при всякой перемѣнѣ, на всякомъ шагу въ жиз-

(*) *Chinese Repository* (томъ IX, стр. 623 и 624) сомнѣвается, чтобы тутъ участвовала жрица. Вообще, наименованіе младенца производится различно, по разнымъ провинціямъ, и измѣняется по вѣрованію, чину и состоянію родителей.

ни Японца. Давая ему поясъ, учатъ его молиться. Семи лѣтъ одѣваютъ его въ парадный плащъ и даютъ ему новое имя; это очень странно, потому что и первое имя давалось съ особенными церемоніями. Надѣвъ плащъ, мальчики могутъ входить въ храмы и начинаютъ исполнять религіозныя обязанности.

Дѣтей воспитываютъ въ строжайшемъ повиновеніи. Японскіе родители думаютъ, что только строгій надзоръ можетъ избавить ихъ отъ необходимости наказывать дѣтей и образуетъ характеръ. Дѣти обоихъ половъ и всѣхъ званій соединяются въ низшихъ школахъ, гдѣ ихъ учатъ читать, писать и исторіи японской. На этомъ обыкновенно останавливается образованіе бѣдныхъ дѣтей; но во всей Японіи трудно найти человѣка, который бы не получилъ этого первоначальнаго образованія. Богатыя дѣти выходятъ изъ этихъ школъ въ высшія училища, гдѣ доканчиваютъ курсъ. Тутъ внушаютъ имъ правила умѣнья жить, искусство держать себя ловко, и непреложные законы этикета: благородный Японецъ долженъ всегда знать, что ему слѣдуетъ дѣлать въ сношеніяхъ съ человѣкомъ, каковы бы ни были порода, чинъ и семейство особы, съ которой онъ имѣетъ дѣло. Онъ обязанъ знать и точно исполнять кодексъ приличій. Отъ него требуется прежде всего полное знаніе календаря: нѣтъ ничего

глуше и опаснѣе, по мнѣнію Японцевъ, какъ жевитьея, или пуститься въ путешествіе, или предпринять какое нибудь важное дѣло въ несчастный день. Кромѣ того, мальчиковъ обучаютъ началамъ математики, гимнастикѣ и великой тайнѣ *гара-кири* или искусству распарывать себѣ брюхо; честному Японцу часто случается прибѣгать къ этому роду смерти. Ихъ учатъ умѣнно порядочно совершить эту операцію, съ надлежащею для этого случая церемоніею, и объясняютъ имъ разныя причины, по которымъ такого рода самоубійство бываетъ необходимо благовоспитанному человѣку. Дѣвушекъ, вмѣсто этихъ странныхъ уроковъ, приучаютъ къ рукодѣлю, къ управленію хозяйствомъ. Ихъ стараются сдѣлать хорошими матерями семейства и хозяйками.

Въ пятнадцать лѣтъ воспитаніе считается оконченнымъ; юноша вступаетъ въ общество, брѣетъ голову по японской модѣ и еще разъ перемѣняетъ имя. Но и это новое имя остается ему не навсегда: при полученіи каждаго новаго чина (а въ Японіи всѣ служатъ, кромѣ ремесленниковъ и поденьщиковъ), Японецъ принимаетъ новое прозвище. Кромѣ того, подчиненный не можетъ называться однимъ именемъ съ начальникомъ; и если начальнику вздумается принять имя подчиненнаго, то послѣдній долженъ перемѣнить свое имя; это

повторяется по всѣмъ ступенямъ іерархіи. Понятно, какая сбивчивость происходитъ отъ этого страннаго обычая въ исторіи и историческихъ изысканіяхъ, и какъ трудно слѣдить, напримѣръ, за похитителемъ власти въ этомъ лабиринтѣ именъ (*).

Въ Японіи женятся рано; тамъ ненавидятъ неровные браки; въ среднихъ классахъ не-

(*) Воспитаніе простыхъ гражданъ отличается отъ образованія молодыхъ людей высшихъ классовъ особенно тѣмъ, что послѣдніе учатся фехтованію, гимнастикѣ и всему, что можетъ слѣдовать изъ японскаго дворянина совершеннаго человѣка. Въ школахъ преподають только чтеніе, письмо, искусство переписываться, правила общежитія.

Хорошее воспитаніе дополняется изученіемъ исторіи и классическихъ писателей. Отъ семи до пятнадцати лѣтъ мальчикъ ходитъ въ школу. Когда ему минетъ семь лѣтъ, его вносятъ въ списокъ жителей и почти всегда даютъ ему при этомъ случаѣ новое имя. Но въ пятнадцать (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ шестнадцать) лѣтъ отецъ назначаетъ сыну новое имя, и это подаетъ поводъ къ семейному празднику и семейнымъ поздравленіямъ отъ родственниковъ и друзей, какъ бы малолѣтній достигъ до возмужалости. Часто случается, что по привычкѣ называютъ мальчика прежнимъ именемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ начинаетъ въ шестнадцать лѣтъ убирать голову по японски, и уже не сбираетъ волосъ на маковкѣ въ одну или двѣ связки.

Дѣвушка, при выходѣ замужъ, лишается своего *прозвища* (по нашему, крестнаго имени) и принимаетъ имя мужа съ прибавленіемъ *о* или *во*, что означаетъ женскій родъ.

Имена фамилій и прозвища въ Японіи, по мнѣнію Клапрота, идутъ съ 415 г. по Р. Х.

рѣдко женихъ и невѣста не имѣютъ случая видѣться до брака.

Казначей въ Нагазаки, на примѣръ, не такъ высокъ чиномъ, чтобы семейство его при-
нуждено было жить въ Иедо; онъ долженъ
искать своимъ дѣтямъ мужей и женъ равнаго
съ нимъ чина; но равные ему встрѣчаются
только въ отдаленныхъ городахъ или отдаленныхъ провинціяхъ.

Когда нѣтъ препятствія, происходящаго
отъ неравенства состояній, и когда юноша
выбралъ приличную себѣ невѣсту, онъ объ-
ясняетъ ей свои чувства тѣмъ, что привязы-
ваетъ вѣтку (*Celastrus alatus*) къ дому ея ро-
дителей. Предложеніе отвергнуто, если вѣтка
остается незамѣченною; если ее снимутъ, то
значитъ, что предложеніе принято. Если дѣ-
вушка хочетъ показать, что раздѣляетъ лю-
бовь будущаго своего супруга, то чернить себѣ
зубы, но не можетъ вырвать себѣ брови
прежде сватъбы. Объясненіе посредствомъ
вѣтки производится только въ томъ случаѣ,
когда родители не условились заранѣе о со-
единеніи своихъ дѣтей. Какъ скоро дѣло
улажено, друзья жениха и подруги невѣсты
принимаютъ на себя трудъ переговорить объ
условіяхъ и приготовить контрактъ. Эти по-
вѣренные, по взаимному соглашенію, выби-
раютъ съ особеннымъ стараніемъ два благо-
пріятные дня, одинъ для перваго свиданія

жениха съ невѣстой, другой для бракосочетанія.

Женихъ посылаетъ невѣстѣ подарки, которые соразмѣряетъ съ своимъ состояніемъ; дѣвушка тотчасъ же предлагаетъ ихъ родителямъ, въ признательность за то, что они лелѣяли ее въ младенчествѣ и воспитывали. Такимъ образомъ дочь Японца не только не подвергается стыду быть проданною (что случается съ восточными женщинами), но даже содѣйствуетъ приращенію родительскаго достоянія. Однакожъ невѣста не совѣмъ съ пустыми руками входитъ въ домъ будущаго супруга. Кромѣ мелочей, посылаемыхъ родителями за подарки жениха, они даютъ дочери хорошее приданое и часть своей движимости, но прежде сжигаютъ всѣ ея игрушки и такимъ образомъ празднуютъ перемѣну ея положенія. Движимость состоитъ изъ красивыхъ цыновокъ, которыя замѣняютъ столы, стулья, диваны и кровати. Къ нимъ всегда прибавляютъ прялку и разную посуду, которая употребляется для кухни въ Японіи. Въ день свадьбы, мебель и приданое перевозятся съ особенною торжественностію въ домъ мужа, гдѣ изъ присланныхъ вещей устраивается выставка.

Титсингъ увѣряетъ, что бракъ не утверждается религіозными обрядами. Но несмотря на такой сильный авторитетъ, можно возра-

зять, что начальникъ голландской факторіи могъ видѣть, какъ невѣста вводится въ домъ жениха, и не быть приглашеннымъ на ту религиозную церемонію, которая предшествовала брачному пиру, даже могъ не слышать о ней. Мейланъ увѣряетъ, что бракъ совершаетъ жрецъ, хотя это дѣло чисто гражданское. Фишеръ прибавляетъ, что бракъ долженъ быть записанъ въ томъ храмѣ, куда обыкновенно ходятъ молиться семейства новобрачныхъ. Тунбергъ говоритъ о жертвенникѣ, нарочно выстроенномъ для вѣнчанія, о молитвахъ, которыя бормоталъ жрецъ, стоявшій налѣво отъ невѣсты; что она зажигаетъ факель отъ лампы, стоящей на жертвенникѣ, и что женихъ зажигаетъ свой факель отъ факела невѣсты; потомъ объявляютъ, что женихъ и невѣста обвѣнчаны (*).

Невѣста, одѣтая въ бѣлый цвѣтъ, символъ чистоты, покрыта фатой, которая обвиваетъ ее съ головы до ногъ. Фата замѣняетъ саванъ и показываетъ, что дѣвушка, выходя изъ подъ

(*) Тунбергъ, томъ II, стр. 247.

Когда Японцевъ низшаго сословія спросили объ этомъ предметѣ, они отвѣчали, что при бракосочетаніи нисколько не нужно жреца. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что всѣ брачныя церемоніи въ Японіи чрезвычайно похожи на китайскія, въ которыхъ жрецы не принимаютъ ни малѣйшаго участія. Впрочемъ, можетъ быть, что въ некоторыхъ провинціяхъ и при какихъ нибудь особенныхъ случаяхъ родители призываютъ жрецовъ

родительскаго крова, навсегда умираетъ для семейства и должна жить только для мужа, которому ее отдаютъ. Послѣ торжественнаго объявленія, что бракъ совершенъ, ее сажаютъ въ богатый паланкинъ и несутъ, въ сопровожденіи юныхъ посредниковъ сватъбы, родственниковъ и друзей, приглашенныхъ на пиръ. Мужчины всѣ въ парадныхъ костюмахъ, а женщины въ самыхъ лучшихъ платьяхъ, съ золотыми бордюрами. Въ такомъ торжествѣ проходятъ по большей части улицъ города, и жители выбѣгаютъ толпой посмотреть на такое зрѣлище.

По прибытіи въ домъ жениха, невѣста, сопровождаемая двумя подругами дѣтства, входитъ въ пріемную комнату, гдѣ видитъ на почетномъ мѣстѣ своего жениха; возлѣ него отецъ, мать и ближайшіе родственники. Посреди комнаты, на красивомъ столѣ, поставлены искусственная сосна въ миниатюрѣ, сливное дерево въ цвѣту, журавли и черепахи (все это искусственное и тоже въ ми-

на сватъбу дѣтей своихъ. На японской сватъбѣ, о которой мы говорили, подарки, состоявшіе изъ одеждъ, сушеной рыбы, заки и проч., стоили не болѣе пятнадцати рублей серебромъ. Жена чернитъ себѣ зубы композиціей изъ угольнаго порошка и металлической окиси. Нерѣдко дѣвушки, дожившія до двадцати пяти лѣтъ, чернятъ себѣ зубы и брѣютъ брови, чтобы никто не зналъ, что онѣ имѣли несчастье остаться дѣвами.

ніатюрѣ); эти вещи представляютъ силу муж-
чины, красоту женщины и долговѣчную и
счастливую жизнь. На другомъ столѣ постав-
лено все, что нужно, чтобы выпить *заки*.
Невѣста садится къ этому столу. Тогда на-
ливаютъ *заки*, разносятъ его и пьютъ, съ
такими обрядами, которыхъ множество и
мелочность превосходятъ всякое вѣроятіе;
невозможно говорить объ этомъ подробно. Въ
книгѣ Титсинга расписаны всѣ шаги Япон-
цевъ во время сватъбы; но это такъ утоми-
тельно, что прочтя нѣсколько страницъ, нель-
зя не заснуть, при самомъ напряженномъ
вниманіи и если даже рѣшился не зѣвать и
не засыпать.

Дружки-дѣвушки, называемыя въ этомъ
случаѣ, *мужской бабочкой и женской бабоч-
кой*, играютъ въ этой церемоніи важную роль,
и потому бываетъ нѣсколько репетицій, что-
бы онѣ не сбились съ толку и исполнили
ее какъ слѣдуетъ. Потомъ собираются гости,
и весь вечеръ проходитъ въ томъ, что они
ѣдятъ и пьютъ *заки*. Свадебный пиръ обык-
новенно очень скромный и не роскошный,
въ память старинной умеренности древнихъ
Японцевъ. Многіе обычаи, существующіе до
сихъ поръ, имѣютъ цѣлю только напомнить
современникамъ о добродѣтеляхъ ихъ пред-
ковъ. Черезъ три дня послѣ сватъбы, ново-
брачные отправляются на поклонъ къ се-

мѣйству невѣсты; послѣ этого обряда сватьба считается совершенно конченною.

Новобрачная живетъ въ домѣ мужа или у его отца, если старикъ не рѣшился еще отказаться отъ права и названія главы семейства. Это званіе влечетъ за собой множество заботъ, хлопотъ и непріятностей; онѣ увеличиваются съ возвышеніемъ Японца въ чины. Подоженіе это такъ тяжело, что въ высшихъ классахъ нѣтъ отца, который бы не ждалъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ того дня, когда сынъ будетъ въ состояніи замѣнить его, и съ радостію отдаетъ себя, жену и младшихъ дѣтей подъ покровительство этого новаго главы семейства. Но вотъ что все-го удивительнѣе: при множествѣ такихъ отреченій отъ родительской власти, рѣдко встрѣтите такого сына, котораго неблагоразумное поведеніе заставило бы отца краснѣть или раскаяваться.

Не смотря на эти хлопоты и заботы, у Японцевъ вообще очень много свободнаго времени; даже чиновникамъ нечего дѣлать, потому что ихъ множество. Большая часть ихъ времени раздѣлена между удовольствіями и обязанностями въ обществѣ, котораго они покорные рабы. Между этими обязанностями много времени тратится на непрерывную и безпрестанную переписку, которую каждый Японецъ долженъ поддерживать со

всѣми своими знакомыми, и на безпрестанный обменъ подарками, заведенный между людьми всѣхъ сословій; онъ опредѣленъ такими же неизмѣнными законами, по какимъ движется вся жизнь Японцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлены самые подарки; въ иныхъ выборъ ихъ зависитъ отъ дарящаго, съ тѣмъ однакожъ, что начальникъ долженъ дарить подчиненному что нибудь существенно полезное, а подчиненный можетъ поднести начальнику только предметы искусства или рѣдкости. Между равными нисколько не смотря на цѣну подарковъ; не рѣдко дарятъ другъ другу дюжину яицъ, нѣсколько листовъ бумаги; наблюдаютъ только, чтобы все это было въ изящной коробочкѣ, связано шелковымъ снуркомъ, поставлено на красивый подносъ, и наконецъ, украшено бантомъ изъ цвѣтной бумаги, символомъ блаженства. При каждомъ подаркѣ, каковъ бы онъ ни былъ, дается кусокъ сушеной рыбы; эта же рыба, самая обыкновенная, непременно подастся на самыхъ роскошныхъ обѣдахъ; хотя никто до нея не дотрогивается, однакожъ ее непременно ставятъ на столъ, въ честь древнихъ Японцевъ, потому что они преимущественно питались ею. Въ праздники каждый посылаетъ пирогъ друзьямъ своимъ и даже простымъ знакомымъ.

Всѣ общественныя сношенія основаны на

самомъ строгомъ этикетѣ. Когда два благо-воспитанные господина встрѣчаются на ули-цѣ, они низко наклоняются и остаются нѣ-сколько времени въ этомъ положеніи; передъ разставаньемъ, они опять наклоняются и под-нимаютъ головы только тогда, когда теряютъ другъ друга изъ виду. Во время утренняго визита, хозяинъ и гость садятся на пятки, упираются руками въ полъ и одновременно опускаютъ голову, такъ чтобы достать ея до колѣнъ. Послѣ этого обмѣниваются обыкно-венными привѣтствіями, и потомъ говорятъ другъ другу *хе! хе! хе!* самымъ слабымъ го-лосомъ. Затѣмъ приносятъ трубки и чай, и только по окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ начинается разговоръ. Передъ концомъ ви-зита подаютъ, на листѣ бѣлой бумаги, ва-ренья и лакомства, и ѣдятъ ихъ палочками. Чего не можетъ сѣсть посѣтителъ, то онъ завертываетъ тщательно въ бумагу и кла-детъ въ карманъ, сдѣланный въ рукавѣ. Обы-чай уносить все, чего нельзя сѣсть, повсе-мѣстенъ въ Японіи; на большихъ обѣдахъ, лакеи приглашенныхъ особъ приносятъ кор-зины, такъ устроенныя, что въ нихъ можно уносить остатки пира. Кажется, что эти обѣ-дки раздаются бѣднымъ людямъ и нищимъ.

На парадные обѣды женщины не являют-ся; но въ домашнемъ быту и въ простыхъ собраніяхъ, онѣ обѣдаютъ съ мужчинами, и

это есть главное различіе между Японками и другими восточными женщинами.

На большихъ обѣдахъ гости садятся въ два ряда. Передъ каждымъ гостемъ, сидящимъ на пяткахъ, стоитъ маленькій столикъ, на который ставятъ кушанья; иногда къ этому столику приставляютъ столъ еще меньше. Люди разносятъ кушанье на томъ пространствѣ, которое осталось свободнымъ между двумя рядами гостей. Кушанья ставятся на столъ крестообразно. На одномъ блюдѣ рисъ, на другомъ рыба и овощи, вареные въ *зои*, на третьемъ вареная рыба, на четвертомъ *ашары*, и. т. д. Безчисленно множество сортовъ подаваемой рыбы, а еще безчисленнѣе способы готовить ее. Нѣкоторые сорта особенно любимы японскими лакомками, и за нихъ платятъ страшныя деньги, особенно въ то время, когда нѣтъ этихъ сортовъ рыбы. (*)

Также ѣдятъ дичину, свинину, кроликовъ и другое мясо, но въ небольшомъ количе-

(*) Самая любимая—*ака-те* или красная барыня, обыкновенно называемая Японцами *таи* (*sparus-avata* или *chrysophrys cristiceps*). Японцы особенно любятъ ее, потому, что она посвящена морскому богу Жебисъ, и потому, что она очень красива и нѣжна. Часто платятъ въ неблагопріятное время, за одну такую рыбу, по тысячѣ *кобанговъ*, то есть, до двадцати шести тысячъ руб. ассигнаціями.

ствѣ. При концѣ обѣда, подаютъ каждому гостю чашу съ рисомъ и варенье, такъ разложенное, чтобъ оно обманывало зрѣніе и вкусъ.

На праздникѣ, называемомъ *Гоззи* и даваемомъ по окончаніи времени, посвященнаго трауру, не ѣдятъ ничего что жило и не пьютъ *заки*; но на всѣхъ другихъ пирахъ это необходимый элементъ. Хозяинъ всегда садится возлѣ входа и привѣтствуетъ входящихъ или уходящихъ гостей. Пьютъ за здоровье другъ друга въ небольшихъ чашкахъ, опоражнивая ихъ въ одно время; иногда предложившій тосты выпиваетъ свою чашку прежде и передаетъ ее сосѣду, который наливаетъ въ нее *заки* и выпиваетъ. Въ такихъ случаяхъ употребляютъ только чай и *заки*. Вода не можетъ быть пущена въ дѣло.

Какъ въ Китаѣ, каждому гостю подаютъ отдѣльную порцію каждаго кушанья въ чашкахъ; у каждаго стоитъ чашка съ рисомъ, которую безпрестанно дополняютъ; слуги и служанки, очень внимательные, подаютъ пряности и приправы, между которыми *зои*, соленый пибиръ и соленая рыба играютъ главную роль. Обѣды состоятъ изъ растений всякаго рода (не исключая и морскихъ), дичины, домашнихъ птицъ и рыбы. Рыба—главное основаніе всякаго японскаго обѣда; это для нихъ то же, что жареная говядина

для Англичанъ. Нѣтъ такой рыбы, которой бы не ѣлъ Японецъ. Бѣдняки лакомятся лом-тами кита, изъ котораго выжали масло.

Большой обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ семи или восьми переѣвъ; послѣ каждой переѣвы хозяинъ обходитъ гостей и съ каждымъ пьетъ *заки*. Когда Японецъ даетъ обѣдъ, главная цѣль его не въ томъ, чтобы собрать у себя отборное общество; нѣтъ, онъ хочетъ только показать свой фарфоръ и лакированные вещи, и видѣть, какъ гости будутъ удивляться множеству и богатству ихъ. Всего пріятнѣе и лестнѣе ему, когда изумленные гости забрасываютъ его вопросами и съ участіемъ спрашиваютъ, сколько ему стоили эти богатства.

Чай, вареный или приготовленный по нашему, пьютъ со всѣми кушаньями; это самое обыкновенное питье всѣхъ Японцевъ. У нихъ, правда, есть другое средство готовить чай; но оно обходится очень дорого, требуетъ множества домашней утвари, которая по законамъ этикета должна быть дорогая. Даже богачи подаютъ этотъ чай рѣдко. Дороговизна происходитъ отъ великолѣпія фарфоровыхъ, лакированныхъ и шелковыхъ вещей, которыя ставятся и кладутся на столъ; самое же приготовленіе чая не можетъ стоить особенно дорого, если вѣрить описаніямъ путешественниковъ. Смѣ-

шиваютъ разные сорта самаго цѣннаго чая, превращаютъ листочки въ порошокъ, обдають его кипяткомъ и взбиваютъ бамбуковыми палочками до тѣхъ поръ, пока онъ начинаетъ пѣниться. Это питье чрезвычайно вкусно, но очень горячитъ.

Портретъ бонза-философа *Дарума* долженъ непременно висѣть въ комнатѣ, гдѣ подаютъ такой чай; вѣроятно философъ изобрѣлъ его; во всякомъ случаѣ, онъ его *ками*, то есть, покровитель или патронъ (*).

Украшенія комнатъ въ Японіи измѣняются, смотря по какому случаю принимаютъ гостей. Это наука очень сложная. Нѣтъ изящной залы безъ *токо*. Такъ называется углубленіе въ стѣнѣ, въ родѣ алькова; оно обыкновенно украшено этажерками драгоцѣнной работы и изъ самаго дорогаго дерева. Въ этомъ *токо* должна быть одна картина, никакъ не болѣе; подъ картиною ваза съ цвѣтами. Картина должна имѣть прямое отношеніе къ причинѣ праздника; перемѣнять ее надобно для каждаго новаго пира; также число

(*) *Дарума* или *Дарма*, двадцать восьмой изъ главныхъ буддистовъ, родомъ изъ южной Индіи и происходилъ изъ касты *Кшатріевъ*. Онъ жилъ въ Китаѣ и умеръ, по увѣренію китайскихъ историковъ, въ 495 году.—Кемпферъ, основываясь на японскихъ лѣтописяхъ, увѣряетъ, что *Дарума* пріѣхалъ въ Китай въ 518 году.

цвѣтовъ, ихъ родъ, пропорція листьевъ къ цвѣтамъ, измѣняются по обстоятельствамъ. Для устройства этихъ важныхъ дѣлъ существуютъ особыя правила, цѣлая система, толстая книга, которую дѣвушки въ школѣ обязаны изучать съ особеннымъ стараніемъ.

Не смотря на такой этикетъ, на такую церемонность, Японцы очень общежительны; въ своихъ изящныхъ комнатахъ, они собираются часто и въ большемъ числѣ; женщины занимаются разными работами, или поютъ и пляшутъ. Наконецъ въ этихъ собраніяхъ играютъ въ разныя игры.

Японцы страстно любятъ музыку; преданія ихъ приписываютъ этому искусству происхожденіе отъ боговъ. Они рассказываютъ, что какъ-то *богиня Солнца*, разсердясь на своего брата, скрылась въ пещеру. Во всей вселенной воцарились мракъ и безначаліе. Боги, находившіеся въ страшномъ затрудненіи, прибѣгли къ помощи музыки, чтобы выманить богиню изъ пещеры, и успѣли въ предпріятіи; но если японская музыка изобрѣтена богами, то въ теперешнемъ положеніи она нисколько не напоминаетъ о мнимомъ своемъ происхожденіи. У Японцевъ есть инструменты струнные, духовые и ударные. Болѣе прочихъ въ чести—знаменитый *самизенъ* или трехструнная гитара. Часто также можно слышать обыкновенную гитару, ко-

торая называется *биса*. *Кото* (родъ люти), барабаны или тамбурины, флейточки, кларнеты всегда слышны въ инструментальномъ концертѣ. Но при всѣхъ этихъ инструментахъ (ихъ двадцать одинъ), Японцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о гармоніи; они часто играютъ вмѣстѣ, въ одно время, но между ними нѣтъ согласія. Не далѣе ушли они и въ мелодіи: пѣсни ихъ не напоминаютъ ни простой мелодіи, ни ученыхъ аккордовъ западной музыки. Не смотря на все это, они по цѣлымъ часамъ предаются обаянію звуковъ. Только въ самомъ бѣдномъ и необразованномъ классѣ можно встрѣтить дѣвушку, которая не умѣла бы пропѣть пѣсню съ акомпаниментомъ *саммшана*. Пѣсни эти часто не болѣе какъ экспромты. Въ собраніяхъ, о которыхъ сейчасъ было говорено, перѣдко женщина сочиняетъ пѣсню, если представится удобный случай.

Пляска ихъ въ восточномъ вкусѣ; это пантомима, въ которой руки и тѣло дѣйствуютъ гораздо болѣе, чѣмъ ноги; ноги почти не передвигаются и прикрыты длиннымъ плащомъ. Какъ и всѣ характерныя пляски, она болѣею частію представляетъ страстную сцену или сцену изъ комедіи или даже изъ обыкновенной жизни. Только однѣ женщины участвуютъ въ этихъ домашнихъ балетахъ; мужчины же смотрятъ на нихъ и восхищаются.

Голландцы, не столь восторженные, хвалят только скромную осторожность таинцевъ и отдаютъ ей предпочтеніе передъ сладострастнымъ пыломъ баядерокъ. Однакожъ, и въ Японіи есть родъ женщинъ, которыя не уступятъ послѣднимъ.

Карты и кости запрещены; хотя и говорятъ, что этотъ законъ нарушается въ тайныхъ игорныхъ домахъ, однакоже Японцы уважаютъ его у себя. Любимыя ихъ игры: шахматы, шашки, и игра похожая на итальянское море. Она почти ничѣмъ не отличается отъ игры *micare digitis* древнихъ Римлянъ и состоитъ въ томъ, что противникъ угадываетъ, сколько вы раскрыли пальцевъ. Разумѣется, что движеніе рукою производится быстро. Другая игра состоитъ въ томъ, что одинъ отгадываетъ, въ какой рукѣ держать мячикъ. Всѣ сословія въ Японіи играютъ въ шахматы. Ихъ называютъ *шиюги* (*chiogi* или *gui*). На доскѣ восемьдесятъ одна клѣтка; у каждаго игрока двадцать шашекъ, въ томъ числѣ девять пѣшекъ. Эти двадцать орудій разставляются въ три ряда; въ первомъ ряду отъ играющаго ихъ девять; шахъ стоитъ посрединѣ перваго ряда. Во второмъ, на правомъ и на лѣвомъ концахъ—по одному офицеру; въ третьемъ—всѣ девять пѣшекъ. Ходъ офицеровъ не похожъ на нашъ, но духъ игры тотъ же.

Есть еще другая игра въ томъ же родѣ; ее играютъ камешками, на доскѣ въ триста шестьдесятъ клѣтокъ, по числу дней въ году.

Игра въ мячъ, воланъ, стрѣльба изъ лука, фехтованіе, самыя обыкновенныя увеселенія Японцевъ. Есть еще игра, свойственная только Японцамъ, о которой нельзя не упомянуть. Общество становится около таза, наполненнаго водой, куда пускаютъ куколку; пока она держится на водѣ, одни поютъ, другіе играютъ на трехструнной гитарѣ; когда она остановится противъ кого нибудь, то онъ долженъ выпить *заки* или дать фантъ; такое же наказаніе назначается и тому, кто не угадаетъ числа пальцевъ въ японскомъ *морю*. Во время этихъ игръ забываютъ строгость этикета, предаются самой безумной веселости, и вечеръ нерѣдко кончается развязкой, которая вовсе не идетъ къ людямъ, считающимъ невоздержность принадлежностію Сѣвера и Запада. Мужчины пьютъ *заки* въ наказаніе или добровольно, до того, что нужно приниматься за чай, чтобы прогнать опьяненіе; отъ этого лекарства переходятъ опять къ яду, отъ яда опять къ лекарству, и окончательно ихъ относятъ домой въ совершенномъ безпамятствѣ и безчувствіи.

Лѣтомъ Японцы часто собираются цѣлымъ обществомъ за-городъ; особенно любятъ они

кататься въ лодкахъ, чтобы имѣть возможность вполне насладиться красотами природы. Вотъ почему часто встрѣчаются красивыя лодки, богато убранныя, на озерахъ, въ заливахъ и по рѣкамъ; веселыя компаніи проводятъ такимъ образомъ вечеръ и часть ночи въ концертахъ и пирахъ. Если пируютъ днемъ, то забираются въ какую нибудь бухту, недоступную лучамъ солнца, откуда открыть видъ на большое пространство и гдѣ свѣжій вѣтерокъ съ моря навѣваетъ прохладу; тутъ то раздаются громкіе звуки инструментовъ, и въ водѣ отражаются тысячи дрожащихъ огоньковъ, отъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей.

Для большаго веселья и чтобъ не попасть въ скучные разговоры или на музыку любителей, на весь день нанимаютъ артистовъ-музыкантовъ, фокусниковъ, паяццо и пр. Часто тутъ бываютъ и рассказчики повѣстей, которые, не набивая головы романами, какъ прочіе рассказчики на востокѣ, излагаютъ просто сплетни и недавніе случаи изъ жизни сосѣдей. Часто прибѣгаютъ къ помощи этихъ людей, когда хотятъ развеселить больного. Но всего удивительнѣе, что эти люди должны быть для компаніи, которая ихъ наняла, образцами учтивости и тонкаго обращенія и, кажется, они превосходно исполняютъ обѣ эти обязанности, столь между собою не-

сходныя. Предаваясь въ качествѣ шутовъ, всякимъ неабытнымъ странностямъ, нестерпимымъ грубостямъ, они сохраняютъ возможное хладнокровіе и всегда кстати умѣютъ напомнить слушающей ихъ толпѣ о приличіи и порядкѣ.

Отъ удовольствій и церемоній, наполняющихъ японскую жизнь, надобно перейти къ плачевнымъ сценамъ, которыми она кончается. Мы видѣли, какъ Японецъ является на свѣтъ, теперь посмотримъ, какъ онъ сходить въ могилу.

Обыкновенно проходитъ нѣсколько времени между смертію и днемъ погребенія. Японцы высшаго сословія часто умираютъ *найбои* (инкогнито), естественною смертію или самоубійствомъ. Такъ смерть чиновника всегда держать въ тайнѣ и ничто не измѣняется въ жизни его семейства до тѣхъ поръ, пока сынъ не получитъ отцовской должности. То же бываетъ въ случаѣ смерти чело-вѣка, который много долженъ; жалованье идетъ мертвому, но деньги попадаютъ въ карманъ заимодавцевъ, и должника считаютъ живымъ, хотя всѣ знаютъ, что онъ умеръ. Вельможа, попавшій въ немилость, обыкновенно распарываетъ себѣ брюхо, въ присутствіи всего своего семейства, особенно если полагаетъ, что дѣтямъ будетъ выгодно наложить на его смерть *найбои*. Тотъ же, кто

такъ виновенъ, что подвергается строгому наказанію, напимѣръ, конфискаціи или казни, наносящей безчестіе всему его семейству, распарываетъ себѣ брюхо въ торжественномъ собраніи всѣхъ своихъ друзей. Такое самоубійство имѣетъ цѣлю удовлетворить правосудіе и отклонить заслуженную казнь.

Когда прекращается необходимость въ *наибилъ* и смерть Японца становится официальной (какъ бы онъ ни умеръ, съ цѣлымъ или распоротымъ брюхомъ), родственники его въ знакъ печали перевертываютъ всѣ *ширмы* и *двери* въ домѣ и надѣваютъ платья свои *наизнанку*. Жрецъ является стеречь трупъ. Семейство должно быть такъ огорчено, что не можетъ заняться приготовленіями къ печальной церемоніи и ея подробностями. Оно плачетъ въ уединеніи, которое ничѣмъ не нарушается. Короткіе друзья покойнаго принимаютъ на себя хлопоты и устройство погребенія. Одинъ не отходитъ отъ тѣла, а другой приготовляетъ церемонію. Третій находится у дверей, въ парадномъ костюмѣ, и принимаетъ знакомыхъ покойника, которые являются съ визитомъ для изъясненія сожалѣній. Визиты эти оканчиваются у дверей, чтобы не оскверниться порогомъ, до котораго прикоснулась смерть. Могилу вырываютъ подъ надзоромъ четвертаго друга. Вообще стараются, чтобы она была поближе къ хра-

му; даютъ ей форму колодца и обмазываютъ крѣпкимъ цементомъ, чтобы въ нее не просасывалась вода. Если покойникъ былъ женатъ, то колодецъ дѣлается вдвое шире, чтобы можно было похоронить въ немъ и вдову, когда она умретъ; потомъ ставятъ памятникъ съ именемъ умершаго. Если онъ женатъ, то имя вдовы пишется на памятникѣ красными буквами; когда она умретъ, ихъ выкрасятъ черною краскою или позолотятъ, смотря по состоянію умершихъ. Тотчасъ послѣ смерти Японца, посылаютъ за жрецами. Они поютъ погребальныя гимны, готовятъ *Игаи* или *И-фай* (мертвенную таблицу), и проч.

По окончаніи приготовленій, обмываютъ тѣло и окутываютъ бѣлымъ саваномъ, на которомъ жрецъ начертываетъ священныя слова; въ такой одеждѣ его вкладываютъ, на японскій манеръ, въ цилиндрическій гробъ, который вставляется въ большой глиняной горшокъ такой же формы. Потомъ выносятъ покойника изъ дому. Шествіе открывается носильщиками факеловъ; за ними множество жрецовъ съ священными книгами, курильницами и пр. За ними идетъ толпа служителей, съ длинными бамбуковыми палками, на которыхъ фонари, зонтики, листы бумаги, росписанные священными изреченіями. Потомъ несутъ покойника подъ бумажнымъ

балдахиномъ; служитель несетъ надъ нимъ вѣнокъ, прикрѣпленный къ бамбуковой палкѣ. За гробомъ идутъ въ парадныхъ одеждахъ друзья и знакомые покойника; они окружаютъ его родственниковъ. Родственники, служители и носильщики въ глубокомъ траурѣ, то есть всѣ въ бѣломъ.

Родственницы и ихъ подруги, въ *норимонахъ* и въ сопровожденіи своихъ служанокъ, замыкаютъ шествіе. *Норимоны* родственницъ отличаются тѣмъ, что носильщики ихъ одѣты въ бѣлую одежду. При похоронахъ небогатаго и незнатнаго покойника (въ Японіи, какъ и въ Европѣ, есть разные сорта похоронъ), родственницы идутъ пѣшкомъ послѣ мужчинъ, въ самомъ концѣ погребальнаго шествія.

Въ храмѣ его встрѣчаютъ жрецы и поютъ молитвы по усопшемъ; потомъ погребаютъ его иногда при стукѣ гонговъ или другихъ инструментовъ, иногда вовсе безъ музыки. Два человѣка изъ родственниковъ покойника становятся въ боковой комнатѣ храма и тщательно записываютъ имена находившихся при церемоніи.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ погребальные обряды измѣняются; и самая церемонія болѣе или менѣе великолѣпна, смотря по состоянію семейства покойника. Кроме того, нѣкоторыя измѣненія производятся

сообразно чину, лѣтамъ, вѣрованію умершаго. Японцы погребаютъ тремя различными образами: или опускаютъ тѣло въ могилу, что называется *дозо*; или сжигаютъ его и собираютъ прахъ въ вазу, которую хоронятъ въ землю: это называется *квazo*; или, наконецъ, бросаютъ тѣло въ океанъ, что называется *суизо*. Последнее случается нынѣ очень рѣдко.

Титсингъ напечаталъ всѣ подробности церемоній. Вѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ *Chinese Repository*, Т. IX, стр. 633, 634 и 635, показанія Титсинга подтверждены и дополнены новѣйшими несомнѣнными свидетельствами.

Прежде похороны производились совершенно иначе. Хотя Японія представляется типомъ неподвижности, однакожъ время мало по малу измѣнило и въ ней все, что было въ обычаяхъ жестокаго или нелѣпаго. Въ древности, по смерти Японца сжигали домъ его и брали изъ дому только то, что могло служить къ сооруженію его гробницы. Нынѣ довольствуются очищеніемъ дома, гдѣ былъ покойникъ, и для этого передъ входомъ раскладываютъ огонь и бросаютъ въ него пряности и благовонныя масла. Въ первыя времена варварства, служителей хоронили живыхъ вмѣстѣ съ господиномъ; потомъ при смягченіи нравовъ, дозволили имъ самоубій-

ство прежде погребенія, но все таки въ уговорахъ съ ними упоминалось, что они непременно должны идти въ могилу съ господиномъ, которому служатъ. Теперь служители замѣняются простыми куклами (*). Извѣстно, что Конфуцій порицалъ даже подражаніе этому варварскому обычаю хоронить живыхъ людей. До сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ странахъ Востока, слуги и служанки добровольно убиваютъ или сожигаютъ себя на могилѣ своего господина.

Трауръ для семействъ, принадлежащихъ къ сектѣ *Синту*, продолжается цѣлый годъ. Прочія секты, какъ кажется, оплакиваютъ своихъ умершихъ не болѣе сорока девяти дней (**).

Въ продолженіе сорока девятидневнаго траура, всѣ родственники умершаго должны ежедневно являться на его могилу, молиться о немъ и приносить ему особенные пирожки, которыхъ число должно равняться числу

(*) Эти человѣческія жертвы (какъ увѣряетъ Бургеръ) запрещены въ царствованіе Сунцинтено, въ началѣ христіанской эры; но куколъ клали въ могилы до 1650 г. До сихъ поръ у иныхъ семействъ хранятся глиняныя статуи, замѣнявшія несчастныхъ служителей.

(**) Зибольдъ утверждаетъ, что бываютъ случаи, когда ближайшіе родственники покойника остаются тринадцать мѣсяцевъ въ состояніи нечистомъ, а это синонимъ траура.

дней, истекшихъ съ минуты похоронъ покойника. Въ пятидесятый день, *кванъ* или выѣшнй гробъ, стоявшй на могилѣ, уносится и замѣняется *си-секи*, или могильнымъ камнемъ; мужчины брѣютъ себѣ бороду и голову, чего не дѣлали въ продолженіе семи недѣль. Отлагаютъ въ сторону всѣ знаки траура; мужчины и женщины предаются обыкновенной жизни; первое дѣло — ѣхать съ визитомъ и благодарить всѣхъ, кто былъ на похоронахъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ дѣти и внуки обязаны возлагать приношенія на могилы отцевъ и дѣдовъ. Полвѣка! Если это исполняется, нельзя не похвалить японскаго закона, продолжающаго на полвѣка память благодарности: людей, и самыхъ знаменитыхъ, забываютъ такъ скоро!

ХАРАКТЕРЪ ЯПОНЦЕВЪ.

Въ старинныхъ разсказахъ, и особенно у Кемпфера, наивнаго и умнаго, но слишкомъ довѣрчиваго наблюдателя, находимъ множество анекдотовъ, которые показываютъ разительнѣйшія черты характера Японцевъ. Кромѣ Кемпфера, мы будемъ въ этомъ случаѣ руководствоваться воспоминаніями Дѣфа и Титсинга и основываться на Фишерѣ, который писалъ послѣ всѣхъ ихъ.

Эти авторы содержатъ много подробностей, въ высшей степени любопытныхъ. Онѣ показываютъ мстительность, упрямство Японцевъ, какъ мало цѣнятъ они человѣческую жизнь, любовь ихъ къ шуткѣ и мысли ихъ объ умѣннѣ жить, и если можно такъ выразиться, объ умѣннѣ *умирать*.

Слѣдующій разсказъ взятъ изъ Дѣфа.

Въ 1808 году, капитанъ Пеллю (Pellew), командиръ *Фазтона*, крейсировавшій въ моряхъ Индіи, искалъ случая завладѣть гол-

ландскими кораблями, производящими торговлю съ Японіей. Предпріятіе его не имѣло успѣха, потому что въ этотъ годъ голландскіе корабли не ходили въ Японію; одна-кожъ онъ дошелъ до Нагазаки.

Когда фрегатъ показался около береговъ, въ Нагазаки объявили, что видѣнъ иностранный корабль; тотчасъ приняли обыкновенныя мѣры; но въ то время не брали еще заложниковъ: это началось только послѣ разсказываемаго случая. Депутація выѣхала на встрѣчу новоприбывшимъ. Лодка голландской факторіи шла передъ тою, въ которой сидѣли японскіе комиссары; все это направлялось къ шлюпкѣ фрегата, который поднималъ голландскій флагъ. Едва лодки сѣхались, какъ схватили Голландцевъ и насильемъ увезли на *Фазтонъ*. Японскіе комиссары и переводчикъ; испугавшись такой неожиданной развязки, повернули назадъ и поспѣшили донести объ измѣнѣ и несчастіи своихъ товарищей. Губернаторъ, отвѣчающій головою за всѣхъ голландскихъ агентовъ, поручилъ двумъ *гобаніози* воротить плѣнниковъ, во чтобы то ни стало, подъ страхомъ смертной казни; потомъ послалъ спросить у Дѣфа, что значитъ этотъ случай и какія тотъ полагаетъ употребить мѣры, чтобы выручить своихъ товарищей. Дѣфъ отвѣчалъ, что это долженъ быть англійскій военный корабль,

а какъ Голландцы, взятые въ плѣнъ, люди невоенные, то ихъ можно вытребовать дипломатическими переговорами. Но во время этой переписки, Фаэтонъ подвигался впередъ безъ лодмана, и Японцы, испуганные этою безпримѣрною дерзостію, увѣряли, что онъ идетъ въ Дециму.

Губернаторъ началъ опасаться, что у него похитятъ всю факторію, и призвалъ въ свой дворецъ всѣхъ Голландцевъ, приказавъ имъ перенести туда всѣ драгоценныя вещи. Они нашли его въ бѣшенствѣ.—«Будьте спокойны, *opperhoofd*, сказалъ онъ Дѣфу, я сейчасъ выручу вашихъ товарищей». Вскорѣ потомъ получили письмо отъ одного изъ плѣнниковъ; онъ писалъ, что корабль англійскій и что капитанъ Пеллю просить позволенія купить съѣстныхъ припасовъ и запастись водой.

Губернаторъ, слѣдуя даннымъ ему инструкціямъ, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на эту просьбу и спѣшилъ приготовленіями къ истребленію дерзкихъ иностранцевъ. Онъ приказалъ прислать немедленно помощь изъ сосѣднихъ войскъ, изъ земель князя Фицена, гдѣ всегда должны быть тысяча человекъ подъ ружьемъ; но ихъ оказалось не болѣе шестидесяти или семидесяти; самъ комендантъ находился въ числѣ отсутствующихъ. Губернаторъ зналъ, что это от-

существо будетъ вменено ему въ преступленіе, за которое непременно послѣдуетъ смерть; однакожъ всѣми силами старался воротить плѣнниковъ.

Трудно угадать къ какому средству онъ прибѣгнулъ; такая мысль могла придти въ голову только Японцу. Старшій секретарь явился къ Дёфу и объявилъ, что получилъ приказаніе выручить Голландцевъ. «Но какимъ образомъ?»—«Ими завладѣли измѣной, и потому я поѣду туда одинъ и постараюсь быть какъ можно ласковѣе. Я попрошу капитана выпустить плѣнниковъ. Если онъ откажетъ, я убью его и потомъ самъ распоряжусь брехою». Не безъ труда Дёфъ могъ убѣдить губернатора и секретаря, что вѣроятно плѣнники будутъ умерщвлены раздраженными матросами, если онъ исполнитъ свое намѣреніе.

Между тѣмъ, капитанъ Целю отпустилъ на берегъ одного изъ плѣнниковъ, на честное слово, чтобы попросить съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ имѣлъ нужду. Голландецъ рассказалъ, что ихъ допрашивали о прибытіи голландскихъ кораблей; что имъ грозили смертію и сожженіемъ всѣхъ японскихъ и китайскихъ судовъ, стоявшихъ въ портѣ, если отвѣты ихъ окажутся лживыми. И на этотъ разъ большихъ трудовъ стоило убѣдить губернатора, что плѣнникъ долженъ

воротиться на англійскій фрегатъ и что отъ исполненія даннаго имъ честнаго слова зависить участь и спасеніе его товарища. Наконецъ отослали Голландца съ съѣстными припасами и небольшимъ количествомъ воды; обѣщали прислать больше, желая удержать Англичанъ у береговъ и выиграть время для приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ. Но англійскій капитанъ убѣдился, что въ портѣ нѣтъ голландскихъ кораблей, удовольствовался присланными припасами и отослалъ обоихъ плѣнниковъ на берегъ. Это значило возвратить жизнь двумъ несчастнымъ *гобаніози*, которые вертѣлись около *Фазтона* и не знали, какъ приступить къ исполненію даннаго имъ порученія.

Губернаторъ все еще занимался сборомъ войска, необходимаго для нападенія на Англичанъ; но подкрѣпленія подходили медленно, и начали искать другихъ средствъ. Князь Омура, прибывшій съ своими людьми чѣмъ свѣтъ, предложилъ сжечь корабль посредствомъ пятидесяти лодокъ, наполненныхъ горючими матеріями. Пока разсуждали о неудобствахъ этихъ плановъ, пока войска собирались, пока комиссары собирались ѣхать на корабль для начатія переговоровъ, фрегатъ, вошедшій въ заливъ безъ лоцмана, безъ лоцмана же вышелъ, къ величайшему удивленію Японцевъ!

Голландцы возвратились въ Дециму. Это событіе не могло имѣть для нихъ другихъ послѣдствій; но не то случилось съ Японцами. Губернаторъ, поневолѣ выпустивъ изъ рукъ своихъ этихъ дерзкихъ иностранцевъ, не исполнилъ своей обязанности; во всякомъ случаѣ, онъ былъ кругомъ виноватъ тѣмъ, что не зналъ, какъ небрежно содержатся прибрежные караулы. Японецъ понялъ, что ему остается дѣлать, и немедленно рѣшился на то, что ему предписывали японскіе обычаи. Вотъ какъ Дѣфъ рассказываетъ эту развязку:

«Онъ такъ хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его, что черезъ полчаса послѣ нашего отъѣзда собралъ все свое семейство и при всѣхъ распоролъ себѣ брюхо. Начальники прибрежныхъ карауловъ, зависѣвшіе отъ князя Фицена, послѣдовали его примѣру. Это было единственное средство спасти семейства отъ вѣчнаго позора. Нѣтъ сомнѣнія, что неисправность навлекла бы на нихъ страшную казнь, потому что самъ князь Фицена, бывшій тогда въ отсутствіи и удерживаемый силою въ Иедо, былъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ въ продолженіе ста дней, за небрежность подчиненныхъ. Надобно прибавить, что молодой сынъ губернатора Нагазакіи теперь въ большой милости при дворѣ и ему дана важная должность.

Въ 1810 году, когда я ѣздилъ въ Іедо, мнѣ рассказывали, что князь Фицена, обвиняя себя въ смерти губернатора, просилъ у государственнаго совѣта позволенія предложить сыну несчастнаго 2,000 кобанговъ (около 53,000 р. асс.). Не только согласились на эту просьбу, но изъ особенной милости позволили дарить такую же сумму ежегодно, чтобы онъ не имѣлъ нужды часто повторять объ этомъ просьбу. Это позволеніе, столь же неожиданное, сколько и характеристическое, совершенно замѣнявшее приказъ, принуждало князя Фицена производить ежегодную пенсію дѣтямъ несчастнаго погибшаго губернатора» (*).

Эта исторія, въ которой самъ Дѣфъ принималъ дѣятельное участіе, хорошо обрисовываетъ духъ японскаго правительства и показываетъ, какія причины заставляютъ Японцевъ посягать на самоубійство. Съ сожалѣніемъ надобно сказать, что докторъ Зи-

(*) Мейланъ и Фишеръ упоминаютъ о появленіи Фазтона у береговъ Японіи и о бѣдствіяхъ, которыя послѣдовали отъ этого посѣщенія. Они входятъ въ нѣкоторыя подробности на счетъ поведенія капитана Пеллю; если эти подробности вѣрны, то оно не совсѣмъ безукоризненно; но они рассказываютъ по слухамъ и подъ вліяніемъ предрасудковъ. Только рассказъ Дѣфа заслуживаетъ полной вѣры, потому что онъ былъ очевидцемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ въ этой странной драмѣ.

больдъ былъ причиною такого же бѣдствія, хотя за него погибло менѣе жертвъ. Подробности этого дѣла еще не напечатаны, но вотъ что рассказываютъ о немъ. Молва объ учености доктора и покровительство многихъ важныхъ Японцевъ доставили ему позволеніе остаться въ Іедо послѣ отъѣзда полковника Стюрлера въ Дециму; потомъ, — что еще изумительнѣе — дозволили ему разъѣзжать по внутреннимъ провинціямъ имперіи, подъ условіемъ, чтобы онъ не снималъ ни картъ, ни плановъ. Онъ не исполнилъ послѣдняго условія, попалъ въ тюрьму и успѣлъ бѣжать при помощи вѣрныхъ своихъ служителей изъ Японцевъ. Но люди, которымъ было поручено стеречь его, могли искать спасенія только въ *гара-кири*, то есть, должны были распороть себѣ брюхо. Такъ рассказывали эту исторію; можетъ быть, не всѣ подробности вѣрны, однакоже бѣгство ученаго Нѣмца и отъѣздъ англійскихъ моряковъ повлекли за собой смерть нѣсколькихъ Японцевъ (*).

Слѣдующая исторія, взятая изъ лѣтописей *сіюгуновъ* династіи Гонгенъ, покажетъ вдругъ

(*) Въ восьмомъ номерѣ *Индійскаго Монитёра* (томъ II), докторъ Зибольдъ намекаетъ на слѣдствіе, которое производилось надъ нимъ и нѣсколькими Японцами за то, что онъ добылъ географическія карты и другіе этнографическіе предметы, что запрещено ту-

и мстительность, и непреклонную твердость, и чувства дружбы и кровожадности Японцевъ.

Во время междоусобной войны Гонгена съ Гиде-іори, мужемъ его внучки, князь Тозы явно дѣйствовалъ въ пользу послѣдняго. Послѣ пораженія и уничтоженія этой партіи, онъ попалъ въ руки побѣдителя. Его заставили переносить самыя грубыя жестокости; наконецъ рѣшили, отрубить ему руки, а эта казнь считается самою позорною въ Японіи. Плѣнникъ сильно упрекалъ Гонгена, который лично присутствовалъ при казни, и за измѣну законному владѣльцу, и за жестокой поступокъ съ побѣжденнымъ. Въмѣсто отвѣта ему отрубили голову. Марубози, сынъ князя Тозы, съ этой минуты рѣшился отмстить за отца; но онъ былъ еще ничтожный мальчикъ лѣтъ девяти, не болѣе. Онъ скрывалъ намѣреніе свое отъ всѣхъ и терпѣливо ожидалъ удобнаго случая. Спустя долгое время, въ 1651 году, при Минамото-но-іеіе-Митсу, правнукѣ Гонгена, онъ былъ назначенъ начальникомъ стражи дяди новаго сіюгуна. Марубози—Чуя думалъ, что

земными законами. Зибольдъ общаетъ напечатать нѣсколько документовъ, которые вполнѣ объяснятъ какъ самое событіе, такъ и личные поступки ученаго. Дѣло Зибольда случилось въ то время, когда Мейланъ былъ начальникомъ голландской факторіи въ Децимѣ.

наступила пора мстить. Онъ принялъ въ товарищи Зіозица, сына *красильщика*, чрезвычайно умнаго человѣка, бывшаго опекуномъ Гори-Нобу (дяди сіогуна).

«Пять лѣтъ умѣлъ молчать Чуя; на шестой одно неосторожное слово разрушило его замыслы. Тотчасъ приказали схватить Чую и Зіозица. Всего важнѣе было захватить ихъ обоихъ живыми, особенно Чую, который жилъ въ Іедо и могъ сообщить важныя свѣдѣнія. Передъ его дверьми закричали: пожаръ! Онъ вышелъ посмотрѣть, что тутъ такое; на него напали, и хотя онъ защищался отчаянно и убилъ двухъ человѣкъ, однакоже наконецъ принужденъ былъ сдаться.

Всѣхъ знакомыхъ Чуи взяли подъ арестъ. Зіозицъ распоролъ себѣ брюхо; но успѣли захватить Икіемона и Фатсіемона. Они рассказали все дѣло, но не сказали именъ своихъ товарищей. Бумаги Чуи были истреблены; оставалось дѣйствовать допросами; плѣнниковъ истязали страшными пытками, о которыхъ мы будемъ говорить для того только, чтобы показать жестокость японскихъ законовъ и твердость японскаго характера.

Прикрывъ Чую, Икіемона и Фатсіемона мокрою глиною, положили ихъ на горячую золу. Глина, высыхая, раздирала имъ кожу. Фатсіемонъ сказалъ палачамъ: «Я вернулся изъ далекаго путешествія; эта теплота бу-

детъ мнѣ полезна; мои члены станутъ по прежнему гибки и сильны.»

Потомъ имъ разрѣзали спины; разрѣзъ былъ въ восемь дюймовъ длиною, и въ рану налили растопленной мѣди. Когда она застыла, ее вырвали вмѣстѣ съ мясомъ, къ которому она пристала. Чужа, послѣ этого, сказалъ судѣ: «Мнѣ было девять лѣтъ, когда я рѣшился отмстить за отца. Мужество мое непоколебимо, какъ мѣдная стѣна; пусть ваша адская наука изобрѣтаетъ новыя казни: жестокость ихъ никогда не сравнится съ твердостью души моей.»

Видя, что нельзя заставить плѣнниковъ говорить, назначили день казни. Съ равняго утра торжественно повели по улицамъ осужденныхъ; всѣхъ ихъ было тридцать четыре. Чужа шелъ впереди; позади всѣхъ шли его жена и мать, жена Икіемона и еще четыре женщины. Жены Чуи не пытали, потому что по японскимъ законамъ показанія женщины не имѣютъ судебной силы.

Когда шествіе подходило къ мѣсту казни, человѣкъ съ двумя саблями съ золотымъ эфесомъ, пробрался сквозь толпу къ командовавшему чиновнику и сказалъ: «Я называюсь Зибата-Цабробе, я другъ Чуи и Зію-зица; живу очень далеко отсюда; но тогда-часъ поѣхалъ въ Іедо, какъ узналъ, что они взяты подъ караулъ. Я думалъ, что Чую

простять, и потому скрывался; но ему суждено погибнуть, и я пришелъ проститься съ нимъ въ послѣдній разъ, и раздѣлить его участь, если это нужно.—«Вы честный человекъ, отвѣчалъ чиновникъ; я бы желалъ, чтобъ всѣ люди были на васъ похожи. Мнѣ не нужно позволенія губернатора: можете идти къ вашему другу».

Друзья поговорили спокойно; выпили *заки*, принесенное Зибатою, и простились навсегда. Оба плакали. Чую нѣжно благодарилъ друга за это послѣднее свиданіе. Зибата говорилъ: «Тѣло наше на землѣ похоже на великолѣпный цвѣтокъ *озагаву*, который разцвѣтаетъ до зари и блекнетъ при появленіи первыхъ лучей солнца;—оно проходитъ какъ быстрое насѣкомое *когеро*, которое живетъ такъ недолго». Послѣ этихъ словъ онъ всталъ, ушелъ и благодарилъ чиновника за его снисхожденіе.

Кресты были приготовлены; на нихъ повѣсили осужденныхъ, и палачи начали дѣйствовать пиками. Перваго доконали Чую; послѣ него, очередь дошла до его несчастныхъ друзей. Жена его умерла съ твердостью, которой можно было ожидать отъ нея.

Разсказъ объ этой казни подкрѣпляетъ мнѣніе, выраженное выше, что форма смертной казни зависитъ отъ судьбы.

Путешественники могутъ описывать и раз-

сказывать только то, что видѣли; но закона мы все таки не знаемъ.

По окончаніи казни, Зибата подалъ объ свои драгоцѣнныя сабли чиновнику и сказалъ: «Вамъ обязанъ я послѣднею бесѣдою съ другомъ; будьте же милостивы и распорядитесь, чтобы я могъ умереть подобно моему другу». — «Нѣтъ! вы заслуживаете лучшей участи. Въ то время, какъ всѣ его друзья скрывались, вы неустрашимо пришли обнять его».

Въ лѣтописяхъ ничего болѣе не говорится о Зибатѣ, и потому должно думать, что храбрый и вѣрный другъ избѣжалъ казни и спокойно воротился домой.

Но оставимъ эти печальные рассказы о мести и японскихъ казняхъ и выставимъ менѣе темныя стороны японскаго характера, и особенно ихъ изобрѣтательность.

Ока-Ечизенъ-но-Ками, одинъ изъ губернаторовъ Іедо, получилъ приказаніе найти для службы сіюгуна нѣсколько дѣльныхъ людей, и въ томъ числѣ счетчика. Ему рекомендовали нѣкоего Нода-Бунзо, какъ опытнаго ариеметика и какъ человѣка вообще способнаго занять эту должность. Губернаторъ призвалъ ариеметика и важно спросилъ: «Если раздѣлить 100 на 2, какое выдетъ частное число?» Кандидатъ съ такою же важностію

вынулъ записную книжку, написалъ задачу, рѣшилъ и отвѣчалъ: *пятьдесятъ*. «Хорошо, я вижу, что вы столько же осторожны, сколько и учены; вы созданы для этой должности. Еслибъ вы поспѣшили мнѣ отвѣчать, я бы составилъ себѣ невыгодное понятіе о вашемъ воспитаніи; сіюгунъ нуждается въ такихъ людяхъ, какъ вы, и вы непременно получите мѣсто.»

Слѣдующій фактъ беремъ мы изъ разсказовъ Дѣфа о томъ, что случилось замѣчательнаго въ децимской конторѣ, во время его управленія.

Батавскіе Голландцы снарядили американскій корабль для поѣздки въ Японію; это было во время войны, въ ту эпоху, когда голландскіе корабли подвергались страшной опасности и только нейтральныя суда могли пускаться въ далекія экспедиціи. Корабль этотъ, нагруженный шѣдой и камфорой, снялся съ якоря ночью, попалъ на утесъ и пошелъ ко дну. Экипажъ спасся на берегъ въ лодкахъ; оставалось спасти грузъ. Американскій капитанъ, членъ факторіи, японскіе чиновники ломали себѣ головы надъ разрѣшеніемъ этой трудной задачи.

Сначала думали, что можно вытащить шѣду помощью японскихъ водолазовъ. Но

двое изъ нихъ умерли при первой попыткѣ, потому что камфора распустилась въ водѣ.

Нельзя было надѣяться разгрузить корабль, а если не разгрузить, такъ нельзя и поднять его. Не знали что дѣлать, какъ вдругъ явился рыбакъ изъ княжества Фицента, по имени Кіемонтъ, и предложилъ поправить все дѣло, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ удачи ему были уплачены его издержки; въ противномъ случаѣ, онъ принималъ ихъ на себя.

Разумѣется, сначала смѣялись надъ этимъ человѣкомъ, который можетъ быть никогда не видывалъ европейскаго корабля; но тщетно пытались отвлечь его отъ этого предпріятія. Онъ привязалъ къ каждому борту потибшаго корабля по нѣскольку барокъ, всего барокъ восемнадцать, и связалъ ихъ крѣпкими канатами; во время отлива привязалъ большую лодку къ задней части корабля и, вытянувъ канатъ, ждалъ прилива. Когда приливъ начался, вездѣ подняли паруса; погруженная масса приподнялась и отдѣлилась отъ утеса; остроумный рыбакъ вытащилъ ее на песчаный берегъ, гдѣ уже было легко произвести разгрузку и починку поврежденных частей. Рыбаку заплатили за его издержки, и князь Фицента дозволилъ ему носить двѣ сабли и далъ ему гербъ, гдѣ помѣщены голландскія шляпа и двѣ

*

трубки, лежащія одна на другой крестообразно.

Не будемъ дѣлать замѣчаній ни на счетъ странности этого герба, ни на счетъ скупости Европейцевъ, которые ничѣмъ не вознаградили рыбака, оказавшаго имъ такую важную услугу; замѣтимъ только, что позволеніе носить двѣ сабли, данное простолудину, доказываетъ, что въ Японіи не такъ трудно переходить изъ одного сословія въ другое.

Разсказываютъ другую исторію, тоже про рыбака, которая показываетъ въ героѣ разсказа необыкновенную изобрѣтательность. Долго думалъ онъ, какъ бы повыгоднѣе воспользоваться страстію Японцевъ ко всему новому и странному, и наконецъ придумалъ пришить къ обезьянѣ, вмѣсто ногъ, рыбій хвостъ, и сдѣлалъ это такъ мастерски, что самые любопытные не могли разглядѣть, гдѣ шовъ. Онъ объявилъ, что поймалъ этого звѣря живаго; но когда вынулъ изъ воды, то звѣрь немедленно околѣлъ. Шутка эта удалась вполне и доставила рыбаку славныя деньги. Сбирая плату за входъ, онъ увѣрялъ зрителей, что звѣрь, до выхода изъ воды, говорилъ человѣческимъ голосомъ и предсказалъ, что будетъ нѣсколько годовъ необыкновенно плодородныхъ, а потомъ появится

заразительная болѣзнь, отъ которой избавятся только тѣ, кто будетъ имѣть у себя въ домѣ портретъ морскаго чуда. Разошлось безчисленное множество этихъ портретовъ. Такое же чудовище, можетъ быть то же самое, или потомокъ его, порожденный ус-пѣхомъ перваго, было продано голландской факторіи и выслано въ Батавію, гдѣ оно попало въ руки американскаго спекулятора. Онъ привезъ покупку свою въ Европу и показывалъ ее во всѣхъ извѣстнѣйшихъ городахъ въ 1822 и 1823 годахъ. Сирена возбуждала восторгъ въ зѣвакахъ, породила споры между учеными и наполнила его кошелькъ такъ хорошо, какъ будто въ его рукахъ была настоящая сирена (*).

(*) Подражаніе этой японской сиренѣ мы видѣли здѣсь въ Петербургѣ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Она также состояла изъ туловища обезьяны, къ которому былъ пришитъ рыбій хвостъ; но шовъ былъ скрытъ такъ мастерски, что не было никакой возможности найти его. Господинъ, показывавшій сирену, рассказывалъ подробно, гдѣ она поймана, кѣмъ и когда; онъ увѣрялъ даже, что она пѣла въ водѣ, и это то пѣніе было причиною ея гибели: еслибъ она не пѣла, то на нее не обратили бы вниманія. Всѣ эти подробности вымышлены и замѣняютъ японскую сказку о плодородныхъ годахъ и эпидеміи; если японская сказка не остроумна, то рассказъ Нѣмца, показывавшаго въ Петербургѣ сирену, нисколько не лучше.

Нельзя не указать еще на одинъ случай, который показываетъ, до какой степени японскіе чиновники, опредѣляемые главнымъ совѣтомъ, дѣйствуютъ иногда совѣстливо въ дѣлахъ правосудія.

Ростовщикъ, по имени Томоя-Кіугеро, потерялъ 500 кобанговъ (около 16,000 руб. ас.). Около дома не видали постороннихъ людей; подозрѣніе пало на его служителей и, послѣ продолжительнаго слѣдствія, остановилось на одномъ изъ нихъ. Несчастнаго называли Щудіетсъ. Доказательствъ и уликъ не было; обвиненный не признавался въ преступленіи, не смотря на угрозы, обольщенія и допросы. Томоя подалъ просьбу губернатору Огозаки и требовалъ, чтобы служителя судили и наказали. Губернаторъ Мацора-Кавачъ-но-Ками, получившій эту должность въ награду за искусство, мудрость и добродѣтель, призывалъ къ себѣ Щудіетса и самъ допрашивалъ его. Обвиненный клялся, что ничего не знаетъ и ничего не бралъ, и увѣрялъ, что даже пытка не вырветъ у него признанія въ такомъ дѣлѣ, котораго онъ не дѣлалъ. Мацора-Кавачъ приказалъ отвести обвиненнаго въ тюрьму; позвалъ къ себѣ Томоя и другихъ его служителей, сообщилъ имъ послѣдствія допроса и спросилъ, почему они думаютъ, что обвиненный укралъ деньги. У нихъ не было доказательствъ; однакоже они продол-

жали утверждать, что Щудіетсь точно воръ. Томоя настаивалъ, чтобы его тотчасъ же предали смерти. Губернаторъ спросилъ, готовы ли они подписать свои показанія и требованіе смерти виновному? Они отвѣчали, что готовы. Дѣйствительно, Томоя, его родственники и служители подписали слѣдующее объявленіе: «Щудіетсь, служитель Томоя-Кіугеро, укралъ у господина своего 500 кобанговъ. Симъ свидѣтельствуемъ въ этомъ преступленіи и просимъ наказать виновнаго, чтобы смерть его служила примѣромъ. Для чего всѣ мы, родственники и служители Томоя, подписали и печатями скрѣпили сей актъ, втораго мѣсяца перваго года Женбунъ (1736)». Объявленіе подали губернатору; онъ сказалъ истцу: «Теперь отвѣтственность лежитъ не на мнѣ, и потому я дамъ приказаніе обезглавить Щудіетса; довольны ли вы?» Томоя отвѣчалъ, что совершенно доволенъ, поблагодарилъ его и воротился домой съ своею толпою.

Черезъ нѣсколько времени, воръ, пойманный въ нѣсколькихъ кражахъ, признался во время пытки, что онъ обокралъ Томоя. Объ этомъ доложили губернатору; онъ тотчасъ призвалъ ростовщика, родственниковъ и служителей его, передалъ имъ признаніе настоящаго преступника и сказалъ: «Видите ли, вы обвинили Щудіетса безъ доказа-

тельствъ; свидѣтельствовали противъ него и подписали объявленіе. А я, повѣривъ увѣреніямъ вашимъ, приказалъ невиннаго чело-вѣка казнить смертію. За такое ваше преступленіе слѣдуетъ всѣмъ вамъ, вашимъ женамъ, родственникамъ и слугамъ, отрубить головы. Самъ же я, за безпечность въ этомъ дѣлѣ, распорю себѣ брюхо.»

Такая строгая рѣчь поразила Томоя и его товарищей; они плакали, проклинали судьбу свою, просили прощенія; судьи и чиновники, присутствовавшіе при этой сценѣ, просили губернатора смягчить рѣшеніе; но онъ не слушалъ ни моленій, ни просьбъ.

Долго находились осужденные въ страхѣ и отчаяніи. Думая, что они уже довольно наказаны, Мацора-Кавачъ смягчилъ голосъ и сказалъ наконецъ: «Успокойтесь: Щудіетсѣ жпвѣ еще. Отвѣты его убѣдили меня въ его невинности, и я скрылъ его до той минуты, какъ объяснилось дѣло.» Потомъ онъ приказалъ привести Щудіетса.—«Томоя, прибавилъ губернаторъ, ваше ложное свидѣтельство заставило меня держать невиннаго въ тюрьмѣ, и онъ едва не лишился жизни. По счастью, не случилось этого неисправимаго бѣдствія. Оставляю вамъ жизнь; но за то, что вытерпѣлъ этотъ несчастный, вы заплатите ему 500 *кобанговъ* и будете впередъ

считать его вѣрнымъ служителемъ. Пусть страхъ, который вы теперь чувствовали, надолго останется въ вашемъ сердцѣ, и пусть этотъ урокъ научить васъ, что не должно никогда свидѣтельствовать безъ, достаточныхъ основаній».

Всѣ хвалили рѣшеніе губернатора, и сіюгунъ, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, далъ ему важное и выгодное мѣсто губернатора въ Нагазакѣ.

ЯПОНСКАЯ МИЕОЛОГІЯ

II РЕЛИГІОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ ЯПОНИИ.

Первоначальная и народная религія въ Японіи называется *синсју*, отъ словъ *синъ* (боги) и *сју* вѣра. Послѣдователи ея называются *син-ту*. Такъ покрайней мѣрѣ всѣ думаютъ, хотя Зибольдъ увѣряетъ, что настоящее имя этого ученія *ками-но-мицци*, то есть, путь къ *ками* или богамъ; что Китайцы перевели это слово выраженіемъ *синъ-тау*, и Японцы приняли его, передѣлавъ въ *синтоо*. Японская миѳологія и космогонія ничѣмъ не уступаютъ страннымъ миѳологіямъ многихъ другихъ восточныхъ народовъ; но достойны изученія въ этнографическомъ отношеніи, потому что сравненіе миѳовъ у древнихъ народовъ можетъ пролить яркій свѣтъ на ихъ происхожденіе, не только по сходству самыхъ миѳовъ, но и по сличенію оборотовъ, которыми эти миѳы изложены. Однакоже, мы ограничимся только тѣмъ, что

существенно касается до исторіи Японіи и власти микадо.

По понятіямъ Японцевъ, изъ первоначальнаго хаоса произошло высшее божество и поставило себѣ тронъ на самой вышинѣ небесъ, (что и объяснено въ его имени, довольно длинномъ: *аме-но-ми-нака-нузуи-но-ками*). Потомъ явились два создающія божества, которыя превратили хаосъ во вселенную, но остановились на нашей планетѣ и оставили ее въ величайшемъ безпорядкѣ. Міръ управлялся семью божествами, которыя являлись одно за другимъ; имена ихъ чрезвычайно длинны. Земля обязана существованіемъ послѣднему изъ этихъ божествъ; имя его *Ицана-гико-микото*; изъ всѣхъ божествъ, онъ первый взялъ себѣ супругу. Звали ее *Ицана-мико-микото*. Разъ онъ сказалъ ей: — «Гдѣ нибудь должна быть обитаемая земля; поищемъ ее подъ водою, которая кипитъ подъ нами.» Онъ омочилъ драгоцѣнное копье свое въ воды, и когда вынулъ его, то сгущенныя капли, падавшія съ него, образовали островъ. Островъ этотъ, называвшійся въ древнія времена *Онокоро-зима*, долженъ быть нынѣшній *Киузіу*, самый большой изъ восьми острововъ, составлявшихъ въ то время Японію (*).

(*) Эти мифологическія подробности взяты у Зиболь-

Ица-нагино-микото создалъ восемь милліоновъ божествъ и десять милліоновъ вещей (*іорочуно-моно*) и ввѣрилъ управленіе всѣмъ этимъ любимой дочери своей, богинѣ Солнца, которая извѣстна подъ тремя различными именами, *Ама-теразу-ого-Ками*, *Го-гиру-мено-микото* и *Тенъ-зіо-дай-цинъ*. Послѣднее дано ей за отношенія ея къ Японіи преимущественно.

Съ царствованія ея началась новая эпоха. Она царствовала не болѣе двухъ сотъ пятидесяти тысячъ лѣтъ; послѣ нея управляли четыре божества или полубога въ продолженіе двухъ милліоновъ девяносто одной тысячи сорока двухъ лѣтъ. Это боги земные. Послѣдній изъ нихъ, взявъ себѣ смертную женщину въ супруги, оставилъ на землѣ смертнаго сына, *Цинъ-му-тенъ-вою*, предка всѣхъ *микадо*.

Но изъ всѣхъ этихъ высокихъ и могущественныхъ божествъ, принадлежащихъ къ мифологіи *синтоо*, ни одному не поклонялись, кромѣ богини Солнца, да и она такъ высока, что просить ее можно только черезъ *ками* (боговъ), или черезъ потомка ея, *микадо*. *Ками* раздѣляются на старшихъ и

да. У него есть любопытный космогоническій японскій рассказъ, относящійся къ доисторическимъ временамъ.

младшихъ; первые родились отъ боговъ; вторые изъ смертныхъ за отличіе признаны божествами.

Хотя *синтоо* признають такое множество боговъ, однакоже въ храмахъ ихъ нѣтъ идоловъ: религіозное рвеніе въ нихъ возбуждается только зеркаломъ, эмблемою совершенной чистоты души (зеркало называется *ками*), и нѣсколькими полосками бѣлой бумаги, прикрѣпленными къ куску кедроваго дерева (полоски называются *гогей*); онѣ иногда безъ надписей и означаютъ тоже чистоту души; иногда исписаны нравственными и религіозными сентенціями (*).

Въ храмахъ выставлены изображенія тѣхъ *ками*, которымъ онѣ особенно посвящены; ихъ хранятъ вмѣстѣ съ драгоценностями храма и открываютъ только въ праздники. Говорятъ, что частныя семейства держатъ изображенія *ками*, своихъ покровителей, на алтаряхъ и въ храмикахъ около портиковъ большихъ храмовъ; но Мейланъ положитель-

(*) Тутъ, кажется, путешественники смѣшивали съ бѣлыми полосками *гогей*—памятныя таблѣтки *ифай*, на которыхъ золотыми буквами изображаются имена основателя храма или другихъ лицъ, которыхъ усердіе къ храму замѣчательно. Нѣкоторые *ифай* пользуются особеннымъ уваженіемъ и показываются молящимъ только въ торжественныхъ случаяхъ. Они висятъ надъ алтаремъ (*будзэ-ганъ*, сѣдалище божества).

но утверждаетъ, что всѣ *язиро* посвящены высшему божеству, а Зибольдъ считаетъ эти изображенія нововведеніемъ. Онъ думаетъ, что ихъ прежде не было въ *синсіу*, и что они завелись только со времени введенія буддистскаго идолопоклонства.

Зибольдъ, которому мы не имѣемъ права не вѣрить, говоритъ слѣдующее: «Синту питаютъ темное понятіе о безсмертіи души; о будущей вѣчной жизни, которая полна счастья или бѣдствія, въ награду за добродѣтель или преступленіе; о мѣстахъ отдѣльных для добрыхъ и злыхъ, послѣ ихъ смерти. Добрые пойдутъ въ жилище *ками* (боговъ); злые упадутъ въ пропасть.»

Обязанности, которыя по ученію *синсіу* должны доставить человѣку счастье на землѣ и на томъ свѣтѣ, заключаются: въ сохраненіи чистаго огня, эмблемы чистоты и орудія очищенія; въ сохраненіи чистоты души и тѣла, воздержаніемъ отъ всего, что можетъ ихъ осквернить,—и въ поклоненіи богамъ, какъ въ домахъ, такъ и въ храмахъ. Нечистота, отъ которой надобно остерегаться, происходитъ отъ разныхъ причинъ: отъ свиданія съ нечистымъ человѣкомъ, отъ употребленія нѣкоторыхъ кушаньевъ и отъ прикосновенія къ крови или къ трупу. Напримѣръ, если работникъ поранитъ себя при постройкѣ храма, его отсы-

лаютъ, какъ нечистаго; иногда случалось даже, что разрушали зданіе и совершенно перестраивали его. Нечистота болѣе или менѣе продолжительна, смотря по причинѣ, отъ которой произошла; продолжительнѣе прочихъ бываетъ та, которая происходитъ отъ смерти ближайшаго родственника. Во время нечистоты не позволяется исполнять религіозныя обязанности; при этомъ надобно покрывать голову, чтобы лучи солнца не осквернялись, падая на нее.

Чистота приобрѣтается не однимъ срокомъ времени; надобно еще употреблять средства очищенія, то есть, воздержаніе и изученіе религіозныхъ книгъ въ уединеніи. Такъ надобно проводить все время траура. Жилища очищаются огнемъ. Очищенная особа снимаетъ бѣлое траурное платье, которое носила во время нечистоты, и возвращается въ общество въ праздничной одеждѣ.

Праздниковъ *синтоо* чрезвычайно много; всѣ они начинаются посѣщеніемъ храма; при входѣ, посѣтитель, въ парадной одеждѣ, производитъ омовеніе въ особомъ, для этого назначенномъ резервуарѣ; потомъ становится на колѣни передъ портикомъ, противъ рѣшетчатаго окна, и черезъ него смотритъ на зеркало; потомъ молится и приноситъ въ жертву рисъ, фрукты, чай, *заки* или чтонибудь подобное; высказавъ всѣ молитвы, кла-

детъ сколько нибудь денегъ: въ сосудъ и уходитъ. Остальную часть дня онъ проводитъ какъ ему угодно, если день этотъ не посвященъ какимъ нибудь особеннымъ удовольствіямъ. Такъ поклоняются этимъ ками, къ которымъ нельзя подходить иначе, какъ съ печальнымъ духомъ, чтобы не нарушить спокойствія боговъ. Жрецы могутъ жепиться; жены ихъ жрицы и имъ предписаны закономъ особенныя религіозныя обязанности; напримѣръ, онѣ даютъ имена дѣтямъ, какъ было уже сказано выше.

Въ Японіи двадцать два храма, требующихъ особеннаго поклоненія; но одинъ изъ нихъ пользуется такимъ особеннымъ уваженіемъ, что нельзя не сказать о немъ нѣсколько словъ. Это храмъ богини Солнца, въ *Изіе*; толпа, грубая и невѣжественная, считаетъ его не только первымъ храмомъ богини, но и мѣстомъ ея рожденія. Закономъ повелѣно побывать хоть разъ въ жизни въ этомъ храмѣ всякому Японцу, мужчинѣ и женщинѣ, даже дѣтямъ, словомъ, людямъ всѣхъ сословій, и можно сказать, всѣхъ религій, потому что буддисты избавляютъ отъ этой обязанности только бонзовъ. Многіе Японцы совершаютъ это путешествіе ежегодно. Сіогунъ и нѣкоторые князья получили, для экономіи, позволеніе посылать туда своихъ повѣренныхъ и дѣйствительно отправляютъ

въ *Изіе* ежегодно шѣлую толпу богомольцевъ. Разумѣется, что большая часть путешественниковъ совершаютъ эту поѣздку со всѣми возможными удобствами.

Не нужно говорить, что нечистые люди не могутъ отправляться въ подобные походы и что всякая причина къ нечистотѣ должна быть тщательно избѣгаема во время путешествія.

Думаютъ, что по этой причинѣ не приказано буддистскимъ жрецамъ совершать путешествія, хотя они предписаны простымъ смертнымъ. Бонзы, погребая умершихъ и занимаясь хлопотами около нихъ, находятся безпрестанно въ нечистомъ положеніи, а къ путешествію въ *Изіе*, даже самые чистые люди приготовляются предварительнымъ очищеніемъ. Кромѣ того, оскверненіе дома отсутствующаго пилигрима должно имѣть самыя плачевныя послѣдствія; для предупрежденія ихъ вывѣшиваютъ на дверяхъ листъ бѣлой бумаги, что показываетъ, что нечистымъ людямъ не слѣдуетъ входить сюда.

Между жрицами въ *Изіе*, почти всегда находится одна изъ дочерей духовнаго императора (микадо).

Между множествомъ жрецовъ, служащихъ при храмахъ въ провинціи *Изіе* (или *Изе*, по Клапроту), всегда встрѣтишь какого нибудь сына микадо. Онъ обыкновенно занимаетъ

должность верховнаго жреца въ *Нико*, мѣстѣ погребенія Гонгена, который былъ предкомъ нынѣшнихъ сіюгуновъ. Тутъ хранятся *иша* Гонгена и его наследниковъ (храмъ *Нико* на разстояніи трехъ сутокъ ѣзды отъ *Іедо*). Этотъ верховный жрецъ, по словамъ Титсинга, старшее духовное лицо въ Японіи. Другой сынъ микадо бываетъ верховнымъ жрецомъ въ *Уис-но* въ *Іедо*. Оба эти верховныя лица носятъ титулъ *мѣя-зама*. Имени ихъ не позволено произносить.

Дочь микадо, живущая въ *Изіе*, носитъ титулъ *Сай-ку*, въ храмѣ, гдѣ она жрица.

Храмъ въ *Изіе* совершенно простое зданіе, безъ всякихъ украшеній; онъ дѣйствительно построенъ въ отдаленнѣйшей древности и окруженъ множествомъ храмовъ, называемыхъ *мѣя*. Все это занято жрецами и людьми, состоящими при храмахъ, и всѣ они на дѣются на пилигримовъ для своего содержанія. Появляясь въ священномъ мѣстѣ, каждый пилигримъ выбираетъ себѣ жреца въ руководители; жрецъ говоритъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, и управляетъ имъ безотчетно.

Кромѣ этихъ *ками-нузи*, составляющихъ японское духовенство, есть еще два ордена слѣпыхъ, называемые религіозными, хотя одно изъ этихъ учрежденій добываетъ себѣ пищу преимущественно музыкой и ходитъ обыкновенно играть въ театры. Случай, въ

слѣдствіе которыхъ основаны эти два ордена, такъ любопытны и такъ ясно показываютъ главныя черты японскаго характера, что мы не можемъ умолчать о нихъ.

Происхожденіе перваго ордена, называемаго *бусацъ-зато*, чисто сентиментальное. Онъ основанъ, назадъ тому нѣсколько столѣтій, Сеннимаромъ, младшимъ сыномъ тогдашняго микадо, первымъ красавцемъ Японіи, въ память того, что онъ ослѣпъ, оплакивая смерть принцессы, которая была также красавица. Эти *бусацъ-зато* существовали уже двѣсти лѣтъ; когда во время междоусобной войны знаменитый *Йоритомо* (мы уже говорили о немъ) разбилъ своего противника, князя *Феки*, и взялъ въ плѣнъ полководца его, *Какекиго*. Полководецъ славился во всей Японіи, и побѣдитель всѣми силами старался приобрѣсти дружбу плѣнника; онъ обращался съ нимъ чрезвычайно милостиво и наконецъ предложилъ ему свободу. *Какекиго* отвѣчалъ: «Не могу любить убійцу моего господина. Обязанъ вамъ благодарностію; но вы убили князя *Феки* и, когда взгляну на васъ, то жажду убить васъ. Лучшее средство избавиться отъ такой неблагодарности и прекратить борьбу между моими обязанностями—не видать васъ; я достигну этой цѣли.» Тотчасъ же онъ вырвалъ себѣ глаза, и подалъ ихъ на блюдѣ побѣдителю *Йоритомо*.

Пораженный удивленіемъ Иоритомо приказалъ дать ему свободу. Полководецъ удалился въ уединеніе, гдѣ основалъ второй орденъ слѣпыхъ, называемыхъ *Фекизадо*. Старшины этого ордена живутъ въ Міяко и подчинены микадо и главнымъ начальникамъ храмовъ въ Іедо.

Синсіу (вѣра въ боговъ) раздѣляется теперь на двѣ главныя секты. Одна (*юицз*) протівится всякому нововведенію; говорятъ, что у ней весьма мало членовъ и что они состоятъ почти всѣ изъ жрецовъ *Ками-нузи*. Зибольдъ даже сомнѣвается въ искренности ихъ *синсіу*. Вторая секта, *ріобу-синтоо* (Зибольдъ пишетъ *ріоо-бю-синтоо*), то есть, двойственное поклоненіе богамъ, гораздо многочисленнѣе. Объясненіе ея будетъ понятнѣе, когда изложимъ главную японскую религію, то есть буддизмъ.

Можно бы подумать, что основная религія, служащая подпорою *сыну-неба*, останется исключительнымъ вѣрованіемъ Японцевъ. Однакоже, вмѣстѣ съ *синсіу*, существуютъ въ Японіи двѣ другія религіи и уже очень давно.

Первая и главнѣйшая изъ нихъ—буддизмъ, та самая, которая считаетъ наиболѣе приверженцевъ на Земномъ Шарѣ. Самое умѣренное исчисленіе буддистовъ доходитъ до 350 милліоновъ. Буддизмъ не гонится за такую древ-

ностию, какую приписываетъ себѣ японская религія (*синсиу*). Отъ перваго его основателя намъ ничего не осталось, кромѣ его ученія, которое распространилось множествомъ ученыхъ, называвшихся *буддами* (то есть мудрецами, возведенными въ званіе боговъ). Буддисты вѣрятъ во множество буддъ, но признають одного историческаго *Будду*, который проповѣдывалъ ихъ религію (*).

Хотя вопросъ и упрощается такимъ образомъ, однакожъ предстоитъ много затрудненій хронологическихъ и еще болѣе затрудненій касательно самого ученія. Какъ бы то ни было, этотъ земной будда, по имени *Сакьямуни* или *Сакья-Синга*, называемый въ Японіи *Сілка*, родился (какъ увѣряютъ) въ гангетической Индіи или на Цейланѣ. Рожденіе и смерть его различно опредѣляются, смотря по сектамъ; эпохи различествуютъ отъ 3112 года до 543 до Р. Х. Первая цифра принята на сѣверѣ Азіи, вторая на югѣ.

Послѣ смерти своей и возведенія на степень боговъ, *Будда* (какъ полагаютъ) нѣсколько разъ олицетворялся въ своихъ ученикахъ, поэтому и ихъ обожаютъ, но они

(*) Для разрѣшенія хронологическихъ вопросовъ объ учрежденіи и распространеніи буддизма можно читать *Histoire des rois du Cachemire, traduite et commentée par A. Troyat. Парижъ, 1840, томъ II, стр. 399—438.*

все такъ подчинены главному божеству, *Будда-Амиде*. Буддизмъ, въ настоящей своей формѣ, есть чистое идолопоклонство; въ другихъ отношеніяхъ, его ученіе отличается отъ *синсёу* главнѣйше началомъ метампсихозы, изъ котораго истекають: запрещеніе убивать животныхъ, теорія будущей жизни, возмѣщеніе о блаженствѣ въ кругу боговъ и, наказаніе продолжительностію существованія, то есть, возобновленіемъ жизни человѣка въ низшихъ животныхъ, и наконецъ, установленіе особой касты жрецовъ, которымъ не позволено жениться.

Буддистская теорія неба, ужь черезъ чуръ туманная, не преподавалась въ Японіи, а въ остальномъ весь буддизмъ немного отличается отъ *синсёу*. Послѣ періода въ пятьсотъ лѣтъ, въ продолженіе котораго тщетно старались ввести его въ Японію, буддистскій идолъ и нѣсколько буддистскихъ книгъ появились въ первый разъ при дворѣ микадо въ 552 году. Наконецъ въ 579 году, бонзъ, пріѣхавшій изъ Кореи, ловко устранилъ возраженія противъ введенія буддизма и умѣлъ воспользоваться народными предразсудками. Онъ увѣрилъ, что *богиня Солнца* нинто иное, какъ олицетворенный Будда, а внукъ тогдашняго микадо будтобы олицетвореніе *кванъ-аона* (такъ назывались боги покровители имперіи). За это наградили бонза тѣмъ, что

поручили ему воспитаніе юнаго принца. По окончаніи ученья, принцъ не принялъ титула сіюгуна, но дѣятельно участвовалъ въ управленіи тетקי своей, возведенной въ это званіе впослѣдствіи. Бонзъ основалъ нѣсколько буддистскихъ храмовъ и умеръ въ главнѣйшемъ изъ нихъ.

Тогда буддизмъ укоренился въ Японіи и скоро смѣшался съ *синсиу*. Поэтому въ первоначальной японской религіи произошла вторая секта, называемая *риобу-синсиу*. Кромѣ того, говорятъ, что буддизмъ въ Японіи раздѣляется на двѣ секты. Одна мистическая, для бонзъ, жрецовъ и ученыхъ; другая идолопоклонническая, для толпы.

Между множествомъ сектъ, порожденныхъ этими двумя главными религіями, замѣчательны слѣдующія: *сингонъ-сиу*, *икко-сиу*, *гакке-сиу*, *тендай*.

Икко-сиу (или *сиодо-сиу-цу*, новая секта *сиодо*) самая народная и, по словамъ Зибольда, самая многочисленная секта въ Японіи. Основалъ ее знатный Японецъ, бонзъ *Синранъ*, (род. въ 1174 году, ум. въ 1264), принадлежавшій прежде къ сектѣ *тендай*.

Жрецы этой секты и буддистскіе отшельники *яма-бози* (горные пилигримы) могутъ жениться и ѣсть мясную пищу; но, принимая въ соображеніе, что обѣ эти секты очень многочисленны, можно сказать, что почти

всѣ японскіе жрецы могутъ ѣсть мясо и жениться.

Храмы *икко-сйу* выстроены въ строгомъ стилѣ. Изъ всѣхъ буддистскихъ сектъ, *икко-сйу*, какъ уже сказано выше, наиболѣе распространена въ Японіи. Ее приняли *Эно*, живущіе на островѣ *Иедо* (*).

Третья японская религія называется *сйу-тоо* (по Бюргеру *сйунту*), что значитъ *путь философовъ*.

Всѣ писатели называютъ ее религіей, но собственно она болѣе похожа на философическое воззрѣніе и просто состоитъ изъ нравственныхъ правилъ Конфуція и изъ нѣсколькихъ мыслей о душѣ человѣческой (мысли эти отчасти похожи на буддистскія), безъ всякаго отношенія къ какой нибудь мифологіи или къ какому нибудь вѣрованію. Говорятъ, что какъ скоро ученіе *сйутоо* явилось

(*) Секта *синъ-гонъ*, перенесенная изъ Южной Индіи въ Китай около 646 года, а оттуда въ Японію въ 717, и секта *тендай* замѣчательны тѣмъ, что употребляютъ письмена *деванагари*. Это древнее письмо буддистовъ, называемое въ Китаѣ *фандзи*, въ Тибетѣ *лажикъ*, въ Монголіи *эстріюнъ-уссюкъ*, извѣстно въ Японіи подъ именемъ *ситтанъ*. Е. Бюрнуфъ доказалъ, что языки *фанъ* и санскритскій одно и тоже, а азбука японскаго *ситтана* оказалась одинаковою съ *фанъ*. Впрочемъ и лексиконы японо-китайскіе говорятъ, что *ситтанъ* письмена Индостана.

въ Японіи, то немедленно было принято учеными Японцами.

Хотя микадо во всю свою жизнь должны придерживаться первоначальной японской религіи или ученія *синто*, однакоже они покровительствуютъ разнымъ буддистскимъ сектамъ, которыя всѣ признають ихъ власть; по смерти ихъ, на похоронахъ микадо соблюдаютъ буддистскіе церемоніи и обряды. Погребеніе происходитъ близъ храма *Зинъ-у-зи*, находящагося внѣ императорскаго двора (*даири*) и возлѣ храма *Дан-Бутсѣ* великаго будды). Противъ этого храма протекаетъ небольшая рѣчка, черезъ которую переброшенъ мостъ *Томи-но-у-кибази*. Къ этому мосту приносятъ тѣло усопшаго микадо со всѣмъ великолѣпіемъ, какое онъ выказывалъ во время жизни; тутъ принимаютъ его жрецы *сіяки* и хоронятъ по своему.

Микадо, лишенные прежняго своего могущества, сохранили однакоже до сихъ поръ нравственное вліяніе на правительство Японіи. Можно сказать, что они не только не бесполезны въ этой сложной машинѣ, но даже главные колеса, безъ которыхъ она не можетъ идти. *Сіогунъ* ничего не можетъ сдѣлать, ни предпринять, безъ явнаго или тайнаго согласія микадо; и если духовный повелитель не оказываетъ ему милости, онъ тотчасъ лишается всѣхъ своихъ правъ на

послушаніе Японцевъ. Клавротъ, въ *Прибавленіи къ мѣсячнымъ даири*, подтверждаетъ эту истину несомнѣнными доказательствами и выводами.

Все члены двора или служащіе при семействѣ микадо считаются чиномъ выше чиновниковъ при сильнѣйшемъ князѣ или саноуикѣ, въ Іедо. Когда послѣдніе встрѣчаются съ чиновникомъ изъ *даири*, то обязаны поклониться до земли и дотронуться до нея руками. «Саумскій князь, говоритъ Титеингъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ вельможъ въ государствѣ, помолвившій дочь свою за *Тайзи* (нынѣшняго сіюгуна), кажется имъ не болѣе какъ ихъ служителемъ. Поэтому-то князья, приѣзжая ко двору сіюгуна въ Іедо, или возвращаясь оттуда, тщательно стараются миновать Міяко, гдѣ пребываетъ *даири*; они предпочитаютъ дорогу изъ Уци на Фузими, которая не проходитъ черезъ этотъ городъ.» Князья должны снимать обѣ сабли въ присутствіи чиновника *даири*, что очень непріятно для ихъ самолюбія.

Обыкновенно, когда князь хочетъ остановиться во время путешествія, на дорогѣ выставляется его имя, изящно написанное на дощечкѣ. То же дѣлается и для начальниковъ голландской факторіи. Если чиновникъ *даири* явится въ этомъ мѣстѣ, то надпись тотчасъ снимаютъ. Когда князю приходится

*

идти мимо дома такого чиновника, то онъ идетъ пѣшкомъ, съ однимъ только пиконосцемъ; если встрѣтитъ чиновника, кланяется до земли и дотрогивается до нея руками. Его норимоны и свита удаляются какъ можно скорѣе и прячутся въ какую нибудь хижину или, если ея нѣтъ близко, уходятъ въ поле.

Наконецъ, все такъ покорно даири, что многія важныя особы въ Іедо, спросивъ у Титсинга, что значитъ слово императоръ, которымъ Голландцы неправильно называли сіюгуна, и узнавъ смыслъ этого титула, сказали, что у нихъ одинъ императоръ—микадо; а сіюгунъ, котораго Европейцы неправильно называютъ императоромъ, только лице, получившее отъ микадо порученіе управлять Японіей.

Въ прежнія времена сіюгунъ, при вступленіи въ должность, самъ ѣздилъ въ Міяко, поклониться микадо. Но этотъ обычай прекратился съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ микадо, въ минуту неудовольствія, положилъ руку на тетиву своего лука и хотѣлъ стрѣлою поразить сіюгуна. По счастью его остановили, и онъ не могъ исполнить своего намѣренія. Теперь сіюгунъ отправляетъ, въ новый годъ, посланниковъ для поздравленія *даири* (*); потомъ самъ микадо отправляетъ

(*) *Даири* (дворъ духовнаго императора) принимаетъ за самого микадо.

посольство съ тою же цѣлію въ Іедо. Посланниковъ микадо принимаютъ во дворцѣ въ Іедо, какъ самого духовнаго императора. Сіогунъ выходитъ къ нимъ на встрѣчу и провожаетъ въ аудіенцъ-залу, гдѣ стоятъ передъ ними на колѣнахъ во все то время, пока они исполняютъ данное имъ порученіе; стоя на колѣнахъ, онъ прикладываетъ лобъ къ цыновкамъ, лежащимъ на полу. По окончаніи торжественной аудіенціи, сіогунъ садится на свое мѣсто, и посланники кланяются ему въ ноги точно такимъ же образомъ; они не поднимаютъ головы, пока онъ говоритъ съ ними. Они останавливаются въ Іедо во дворцѣ, называемомъ *Тенъ-зіо-яски*, и пользуются такими же преимуществами, какъ и члены фамиліи микадо.

Передъ дворцомъ стоитъ квадратный ящикъ, въ два фута длиною; въ немъ есть небольшое отверстіе. Этотъ ящикъ называется *мейлсѣ-фако* или *зозіо-фако*, то есть ящикъ для принятія жалобъ. Кто думаетъ, что права его нарушены, тотъ можетъ бросить туда свою просьбу. Ящикъ открытъ ежегодно во все время пребыванія посланниковъ *даири* въ Іедо; они увозятъ съ собой поданныя жалобы и потомъ разсматриваютъ ихъ.

Такіе же ящики встрѣчаются во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ имперіи. Въ Нагазакѣ ящикъ стоитъ возлѣ губернаторскаго до-

ма: два офицера низшаго разряда стоять при немъ безпрестанно и смотрять за тѣми, кто бросаетъ туда записки. Губернаторъ отпираетъ ящикъ шесть разъ въ годъ и узнаетъ изъ жалобъ о злоупотребленіяхъ въ его провинціи.

Записка, съ приложеніемъ печати жалующагося и съ его именемъ и адресомъ, посылается прямо въ Іедо. Записки безъ печатей, безъ имени и адресовъ, сожигаются; но если безымянную записку находятъ *три* раза, то въ третій разъ пересылаютъ въ Іедо. Рѣдко случается, чтобы въ ящикъ въ одинъ годъ нашли болѣе двухъ или трехъ просьбъ.

Когда просьбы придутъ въ Іедо, ихъ читаетъ самъ сіюгунъ. Слѣдствія о справедливости или неправильности просьбъ, подаваемыхъ въ ящики, производятся тотчасъ же. Если просьба окажется неосновательною, просителя возятъ верхомъ на лошади по всему городу, несутъ передъ нимъ бумажное знамя, величиной перѣдко въ девять футовъ; на знамени написано имя, лѣта, поведеніе и поступокъ провинившагося. Надпись читается на перекресткахъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ • объявляются законы. Шествіе кончается тѣмъ, что виновному отсѣкаютъ голову на площади, гдѣ обыкновенно производятся казни. Во время пребыванія Титсинга въ Японіи, подобный приговоръ былъ исполненъ

въ Іедо, надѣ чиновникомъ губернатора въ Нагазаки. Губернаторомъ былъ князь *Кузи*; чиновникъ назывался *Мацъ-мото-жескно-синъ*. Князь былъ человекъ отличный и особенно любимый иностранцами и жителями города за его ласковое обращеніе. Мацъ-мото часто просилъ позволенія ѣхать съ нимъ въ Нагазаки; но какъ чиновникъ часто спорилъ съ своимъ товарищами, губернаторъ оставилъ его въ Іедо, чтобы избавиться отъ непріятностей во время пути, хотя чиновникъ заслужилъ (и справедливо) славу человека умнаго и дѣльнаго. Мацъ-Мото, видѣ себя отъ такой обиды, написалъ изъ мщенія жалобу, въ которой очернилъ губернатора сколько могъ и сказалъ, что губернаторъ управляетъ прескверно. Онъ приложилъ печать къ запискѣ, подписалъ ее, не забывъ дать адресъ и бросилъ жалобу въ ящикъ, стоявшій противъ дома посланниковъ даири. По разсмотрѣніи его жалобы оказалось, что онъ доносилъ фальшиво; ему отрубили голову.

Обыкновенно два князя (самые небогатые) получаютъ отъ сіюгуна приказаніе содержать посланниковъ даири во время пребыванія въ Іедо. Такое порученіе считается особенною милостію, и за нею всѣ гоняются, потому что это дѣло доставляетъ каждому изъ князей покрайней мѣрѣ сорокъ тысячъ *кобанговъ* (около полумилліона руб. ассиг.).

Разсматривая всѣ эти факты и припоминая, что почти всѣ Японцы поклоняются извѣстнымъ *ками* (или знаменитостямъ, возведеннымъ на степень боговъ), нельзя не убѣдиться, что ееоократическое начало въ Японіи не только служитъ фундаментомъ всему правленію, но и узами, которыя связываютъ всѣхъ Японцевъ, начиная съ микадо и сіюгуна, и оканчивая послѣднимъ поселяниномъ или рыбакомъ. Всѣ они происходятъ отъ боговъ или геніевъ, покровительствующихъ Японіи; всѣ обязаны неуклонно слѣдовать обычаямъ и обрядамъ предковъ, не измѣнять своему происхожденію; всѣ должны жить и умереть подъ покровительствомъ законовъ и обычаевъ, которые равно священны для всѣхъ. Таковы общія убѣжденія въ Японіи. До тѣхъ поръ, пока сіюгунъ съ своимъ совѣтомъ будетъ смотрѣть на себя какъ на лице, зависящее отъ микадо (*сына-неба*), и соблюдать вѣковые обряды и преданія страны, до тѣхъ поръ онъ сохранитъ и власть и преимущества, перешедшія къ нему отъ духовнаго повелителя Японцевъ.

ЯЗЫКЪ ЯПОНСКІЙ.—АЗБУКА.—ИНТЕРАТУРА И ПОЭЗІЯ.

Долго думали, что языкъ японскій простая отрасль китайскаго или, по крайней мѣрѣ, похожъ на китайскій, какъ итальянскій на испанскій или на латинскій, изъ котораго произошли оба эти нарѣчія. Это заблужденіе давно истреблено прилежнымъ и дѣльнымъ изученіемъ.

Японцы понимаютъ китайское письмо, потому что китайскія буквы входятъ въ составъ множества буквъ, употребляемыхъ въ Японіи. Это становится понятнымъ, если знаешь, что китайскія буквы представляютъ не звуки, изъ которыхъ составляются слова, а слова уже готовыя; стало быть китайскія слова должны сообщить извѣстныя идеи всѣмъ, кто знаетъ ихъ значеніе. Такъ цифры 1, 2, 3 порождаютъ одинаковое понятіе о количествѣ, хотя у разныхъ народовъ носятъ разныя названія.

Неправильно говорятъ, что Китайцы по-

нимаютъ японскія фразы, писанныя по китайски. Разумѣется, понимаютъ, потому что это писано по китайски, и нелѣпо называть это письмо японскимъ, потому что оно во все не японское. Японецъ понимаетъ китайскія писанныя книги точно такъ же, какъ Англичанинъ французскія. Часто Англичанинъ не можетъ сказать четырехъ словъ по французски, а французскую книгу читаетъ. Заставьте его говорить съ Французами: Англичанинъ не пойметъ и десятой доли оживленнаго и быстраго ихъ разговора.

Глубокое и основательное изученіе восточныхъ языковъ нѣмецкими, англійскими и французскими филологами, въ послѣднее время исправило много неправильныхъ идей объ японскомъ языкѣ. Ученый Клапротъ, въ своей *Asia polyglotta*, рѣшительно утверждаетъ, что японскій языкъ совершенно отличенъ отъ всѣхъ другихъ языковъ грамматикой, построеніемъ фразъ и особенностями, и можно подумать, что нація, говорящая имъ, имѣетъ свое особенное происхожденіе. Мейланъ и Фишеръ увѣряютъ, что между японскимъ и китайскимъ языками существуетъ разительное сходство. Всѣмъ извѣстно, что китайскій языкъ односложный, а японскій многосложный; его даже можно назвать чрезвычайно многосложнымъ, потому что, напримѣръ, самое простое мѣ-

стоимѣніе я выражается по японски четырёхсложнымъ словомъ *вата-кузи*, а чтобы сдѣлать изъ я множественное мы, надобно прибавить еще два слога, *ватакузи домо*. Въ разговорѣ сокращаютъ или не произносятъ цѣлыхъ слоговъ, что часто дѣлаютъ и Европейцы, особенно Англичанѣ, при быстромъ разговорѣ (*).

Какъ у Китайцевъ, у Японцевъ множество личныхъ мѣстоименій; это все отгѣнки, показывающіе положеніе говорящихъ лицъ. Иные показываютъ уваженіе къ особѣ, съ которой говорятъ; другіе почтеніе къ особѣ, про которую говорятъ; наконецъ третьи выражаютъ преданность говорящаго лица. Эта черта японскаго языка не ограничивается одними мѣстоименіями, но прилагается къ множеству словъ, означающихъ дѣйствіе, рѣшеніе, слово, вещь и проч. (**).

Учитывая фраза становится гораздо длиннѣе обыкновенной. Напримѣръ, другу говорятъ: *Конниши омеерва нани но токорони юкука?* Это значитъ: Куда вы идете сегодня?

(*) Въ японскихъ разговорахъ у Фишера (который самъ сознается, что знаетъ только слова, необходимыя для самаго простаго, ежедневнаго разговора) сказано, что *ватакузи* и *ватакузидомо* сокращаются въ *ватакфс* и *ватакфсдомо*; но и эти слова чрезвычайно длинны; какое же тутъ сокращеніе?

(**) То же самое и въ русскомъ языкѣ: у насъ есть

Но если придется повторить эту фразу начальнику, то надобно сказать: *Конниши но кимирва нани но-токорони онъ иде азобазарука?* Въ примѣрѣ этомъ, говорящій употребляетъ слово *вази*, когда говоритъ съ равными себѣ или съ подчиненными, и слово *ватакузи*, говоря почтительно съ начальникомъ и постороннимъ лицомъ. Слогъ, исчезающій въ разговорѣ, не есть слогъ бесполезный, но пропускается при быстромъ произношеніи фразы, какъ это часто случается и въ европейскихъ языкахъ. Японцы, во время одушевленного разговора, часто не договариваютъ послѣдней гласной буквы. Кто слыхалъ Итальянцевъ, тотъ пойметъ, какъ часто и какимъ образомъ это дѣлается.

Фишеръ увѣряетъ, что звуки японскаго языка пріятны и сладки. Мейланъ говоритъ, что, не родясь въ Японіи, нельзя произносить правильно нѣкоторыхъ звуковъ, и это очень понятно; взгляните только на сокращеніе личнаго мѣстоименія *я*. Онъ прибавляетъ, что въ японскомъ языкѣ нѣтъ члена, и что

слова, которыя употребляются только съ людьми выше насъ, а другія, имѣющія тотъ же смыслъ, но употребляемыя только съ людьми ниже насъ. Напримѣръ: мужику можно сказать: *что ты пьшь?* А у начальника или дамы слѣдуетъ спросить: *что вы кушаете?* Такихъ примѣровъ найдется очень много, если хорошенько просмотрѣть лексиконъ Академіи.

имена склоняются переменною окончаній слова (*).

Глаголы не измѣняются ни для числа, ни для лица; но измѣняются во времени.

Образцы японской поэзіи, предложенные ниже, даютъ понятіе объ японскомъ произношеніи; это дѣйствительно языкъ очень пріятный. Когда вздумаешь передавать его европейскими буквами, изъ двухъ буквъ почти всегда одна выдетъ гласная, а когда встрѣчается нѣсколько согласныхъ и гласныя выпускаются, то для этого выбираютъ слова легкія и удобныя для выговора, напримѣръ, *шрано*, вмѣсто *ширано*. Однакоже, существуетъ множество исключеній изъ этого правила, повидимому совершенно простаго. Кто изучаетъ японскій языкъ, тотъ долженъ долго упражняться въ разговорѣ, прежде чѣмъ начнетъ читать бѣгло, хотя бы превосходно зналъ слогі. Языкъ очень богатъ, потому что для выраженія идей употребляетъ не только свои собственные средства, но можетъ занимать и у китайскаго языка; оба языка сливаются или разъеди-

(*) Для Француза, у котораго мы заимствуемъ эти строки, это кажется необычайною особенностію, но для насъ, Русскихъ, привыкшихъ склонять существительныя, какъ склоняютъ ихъ Японцы, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

няются по прихоти писателя. Формы глаголовъ особенно богаты.

Японская азбука состоитъ изъ сорока восьми буквъ; она можетъ быть удвоена посредствомъ знаковъ, которые приставляются къ согласнымъ, для измѣненія ихъ звука. Отъ знаковъ онѣ становится тверже или мягче. Азбука составлена въ VIII вѣкѣ и можетъ быть изображена четырьмя разными способами:

Первый способъ, ката-кана, считается особенно пригоднымъ для мужчинъ.

Второй, кира-кана, предоставленъ женщинамъ.

Третий и четвертый называются манѳо-кана и ямато-кана. Разница ихъ въ сущности и употребленіи будетъ означена ниже.

Кромѣ этихъ четырехъ способовъ писанія, употребляютъ еще китайское письмо, какъ ученое: это показываетъ, что науки и искусства перешли изъ Китая въ Японію. До сихъ поръ всѣ ученыя творенія, всѣ лучшія беллетрическія произведенія, офиціальныя бумаги и общественные документы пишутся по китайски (*).

Такъ же печатаются и книги. Однакоже

(*) Такая же странность существуетъ и въ Италіи. Тамъ напѣ пишетъ всѣ важныя бумаги по латинѣ, хотя Итальянцы рѣдко учатся латинскому языку.

ученые употребляютъ свой *канга-канга*, когда пишутъ комментаріи на книги, напечатанныхъ по китайски. Японцы пишутъ какъ Китайцы, колоннами сверху внизъ, и начинаютъ съ правой стороны. Надобно сказать, что, кромѣ вышеизложенныхъ способовъ, японскіе отшельники нѣсколькихъ буддистскихъ сектъ употребляютъ письмо *ситтанъ*. Оно заимствовано изъ Индіи и состоитъ изъ пятидесяти буквъ. Теперь Японцы пишутъ *ситтанъ* вертикальными колоннами, отъ правой руки къ лѣвой, какъ обыкновенно.

По розысканіямъ Клапрота оказывается, что до царствованія шестнадцатаго *микадо*, который назывался *Уцинъ-Тенво*, Японцы вовсе не знали письма; всѣ приказы и объявленія передавались народу посредствомъ глашатаевъ. Въ царствованіе этого *микадо* начали употреблять китайское письмо. Въ 284 до Р. Х. Уцинъ-Тенво отправилъ посольство въ королевство *Гаку-зай*, существовавшее тогда въ юго-восточной части Кореи, и просилъ людей способныхъ и знающихъ, которые могли бы ввести китайскую образованность и литературу въ Японіи.

Посланникъ привезъ знаменитаго *Вонинъ* или *Ванъ Жина*, который превосходно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Онъ проехалъ отъ императора *Кауца*, изъ династїи *Ганъ*, и при самомъ прїездѣ его въ

Японію, ему поручили воспитаніе двухъ князей. Впослѣдствіи, его потомки занимали важныя военныя должности. Заслуги его показали такъ важны, что Японцы оказывали ему почести какъ божеству. Со времени *Вонина* китайское письмо вошло во всеобщее употребленіе у Японцевъ. Но чисто китайскія письма употребляются только въ ученыхъ сочиненіяхъ; однакожъ это не мѣшаетъ неученымъ Японцамъ понимать ихъ.

Но какъ устройство японскаго языка существенно различно отъ китайскаго, и какъ китайскія письма часто имѣютъ нѣсколько значеній, то скоро увидѣли необходимость изгладить это неудобство. Съ этою цѣлю, въ VIII вѣкѣ, составили новую азбуку изъ частей китайской и назвали ее *ката-кана*, то есть, *часть буквъ*. Эта азбука употребляется въ самомъ китайскомъ письмѣ или при немъ. Въ обоихъ случаяхъ это изобрѣтеніе полезно: въ послѣднемъ случаѣ, оно указываетъ на произношеніе или смыслъ, а въ первомъ объясняетъ грамматическія формы устарѣлаго языка.

Неизвѣстно, кто выдумалъ эту азбуку; но преданіе приписываетъ ее знаменитому *Киби*. Японское сочиненіе *Ва-зи-ци* (Происхожденіе вещей въ Японіи) увѣряетъ, что *Киби* составилъ азбуку *ката-кана* и путешествовалъ по Китаю, откуда возвратился въ 733

году по Р. Х. Послѣ него явился знаменитый *Кубо* и изобрѣлъ такую азбуку, которую могли употреблять между собою Японцы, не прибѣгая къ помощи китайскаго языка. Ее называютъ *ира-кана* или *ровное письмо*. Она все таки происходитъ отъ китайскаго (*).

Объ изобрѣтеніи третьей азбуки Японцы рассказываютъ, что «въ 1006 году послѣ Р. Х., буддистскій жрецъ *Зіаку-зо* (по китайски *Shihchaou*) повезъ изъ Японіи дань въ Китай. Онъ не понималъ разговорнаго китайскаго языка, но писалъ очень хорошо, почему и поручили ему составить списокъ китайскихъ знаковъ, съ значеніемъ ихъ по японски. Тогда то составилъ онъ японскій букварь изъ 47 знаковъ; такое число было принято, потому что столько же знаковъ находилось въ азбукѣ, заимствованной изъ *Индіи*.» Сорокъ восьмой знакъ прибавленъ послѣ. Эта азбука, употребляемая какъ и *кира-кана*, носитъ имя своего изобрѣтателя.

Есть еще старинная азбука, которою написано собраніе одъ, называемыхъ *десятью тысячами листьевъ*, и которая по этому на-

(*) Ее называютъ также *фира-кана*. Японскій звукъ не можетъ быть выраженъ ни нашимъ *ф*, ни дыхательнымъ *г*. Самъ Клапротъ пишетъ то *ира-кана*, то *фира-кана*.

зывается *макю-кана*. Знаки этой азбуки часто смѣшиваются съ другими; она состоитъ изъ цѣлыхъ китайскихъ знаковъ. Для представленія одного и того же слога употребляютъ нѣсколько различныхъ знаковъ.

Наконецъ есть еще азбука, называемая *ямато-кана* (то есть, японское письмо), состоящая изъ значительно измѣненныхъ китайскихъ знаковъ. Она покажетъ намъ, какимъ образомъ Японцы употребляютъ китайскіе знаки. Слово *ямато-кана* составляется изъ трехъ знаковъ; первый значитъ старинное имя Японіи и произносится *ямато*, хотя настоящій звукъ этого знака есть *и*; второй знакъ соотвѣтствуетъ звуку *ка*, а третій, по японскому значенію, произносится *на* (*имя*), и отъ соединенія двухъ послѣднихъ знаковъ произошло *кана* (слогъ или знакъ).

За исключеніемъ *ката-кана* остальные азбуки рѣдко употребляются однѣ; часто знаки ихъ смѣшиваются такъ, что разбирать ихъ очень трудно. А чтобы еще болѣе увеличить трудность, примѣшиваютъ китайскіе знаки, не объясняя ихъ смысла или съ объясненіемъ его, по произволу писца. Если вспомнимъ, что въ пяти японскихъ азбукахъ съ ихъ видоизмѣненіями находится до трехъ сотъ знаковъ и что Японцы употребляютъ еще китайскіе знаки, нисколько не стѣсняясь, то придется признаться, что японскіе уче-

ные достигли своей цѣли: въ мірѣ нѣтъ языка, на которомъ было бы такъ трудно читать. Между китайскимъ и японскимъ языками столько самыхъ тѣсныхъ связей, что Японецъ, желающій знать основательно свой языкъ, долженъ сначала выучить отъ трехъ до четырехъ тысячъ китайскихъ знаковъ; кромѣ того онъ долженъ изучить, какъ употребляли ихъ японскіе писатели, какъ оба языка смѣшиваются и какъ одни и тѣ же знаки пишутся различно (*).

Приготавливая китайскія книги для японской публики, дѣлаютъ множество грамматическихъ прибавленій, совершенно по произволу и прихоти издателя или сочинителя. Иногда же перепечатываютъ просто безъ затѣй. Въ книгахъ отчетливыхъ ставятъ между буквами перпендикулярныя черты и по-

(*) Понятно, что при такихъ почти непреодолимыхъ затрудненіяхъ ни одинъ Европейецъ не зналъ порядочно по японски. Это видимъ во всѣхъ путешественникахъ безъ изъятія. Что у Зибольда *ла*, то у Клапрота становится *ро*. Оба сознаются, что нельзя отличить *ра* отъ *ла*. Всѣ почти путешественники пишутъ *га*, *ге*, *ти* и *го*, а Клапротъ *фа*, *фе*, *фи* и *фо*. Зибольдъ и Клапротъ пишутъ вездѣ *се* и *си*, а Китайцы въ Макао говорятъ *ше* и *ши*. Сознывая, что мы почти ничего не знаемъ объ японскомъ языкѣ, не перепечатываемъ ни азбукъ, ни длинныхъ объясненій объ ихъ значеніи: тратимъ время на подобное бесполезное педантство предоставляемъ нѣмецкимъ *геллертерамъ* и русскимъ ихъ усерднымъ подражателямъ.

казываютъ смыслъ знаковъ, рѣдко употребляемыхъ или трудныхъ, или даютъ указаніе на ихъ произношеніе (*).

Предисловія къ книгамъ часто пишутся по китайски, между тѣмъ, какъ самая книга писана *гира-каной*; въ этомъ случаѣ употребляется курсивное письмо, и еще болѣе увеличивается трудность разбирать текстъ, особенно для читателя, который изучалъ только обыкновенныя формы.

Книги, предназначаемыя для дѣтей или для низшихъ классовъ, всегда печатаются знаками гира-каны; но въ другихъ, продаваемыхъ людямъ образованнымъ, употребляются всѣ четыре азбуки съ примѣсью китайской, такъ что одно слово или одинъ слогъ пишется помощію одной азбуки, а другое помощію другой. Понятно, что читать такимъ образомъ напечатанныя книги и удобно и легко! Однакоже, Японцы умудряются и читаютъ, а Европеецъ въ этомъ случаѣ хоть плачь, ничего не понимаетъ!

Давно уже Японцы печатаютъ свои книги, но не могутъ соперничать съ великолѣпіемъ европейскихъ типографій. Японскіе типограф-

(*) Въ *Chinese Repository*, Томъ X, стр. 210 и 211, находятся подробности о письмѣ японскомъ и письмѣ японо-китайскомъ. Тамъ же можно найдти самыя мелкія подробности, которыя однакожъ не подвигаютъ дѣла впередъ.

щики не знаютъ подвижныхъ знаковъ и размножаютъ копіи съ текста посредствомъ деревянныхъ стереотиповъ, или гравированіемъ на деревѣ, что вовсе не похоже на наше типографское искусство. Однакожъ, публика имѣетъ книгъ сколько ей нужно, а чтеніе составляетъ любимое развлеченіе обоихъ половъ, особенно въ столицѣ микадо.

Японская литература состоитъ изъ книгъ ученыхъ, историческихъ, біографическихъ, географическихъ, путешествій, философическихъ, и изъ стихотвореній, драматическихъ произведеній и энциклопедій. Голландскіе писатели расхваливаютъ произведенія японскаго генія въ этихъ различныхъ вѣтвяхъ литературы, но какъ члены голландской факторіи не получаютъ особеннаго филологическаго образованія и не бываютъ учеными, то надобно принимать сужденіе ихъ въ этомъ дѣлѣ съ крайнею осторожностію. При томъ же мнѣніе это подтверждается фактами.

Клапротъ перевелъ курсъ географіи, а Титсингъ лѣтописи даири и лѣтописи сіогуновъ, династіи *Гонгенъ*. Изъ этихъ двухъ сочиненій, первое гораздо замѣчательнѣе втораго; оно написано довольно подробно и даетъ вѣрное и ясное понятіе о физической и политической географіи трехъ частей Японской Имперіи: о Корей, островахъ *Ліукіу* и объ *Иезо* (архипелагъ Курильскомъ). Недостатки

этой книги—сухость и отсутствіе колорита, недостатки, можетъ быть неизбежныя въ географической книгѣ, и кромѣ того, неполнота статистическихъ данныхъ. Зибольдъ, въ занимательномъ сочиненіи о Корей, далъ европейскую исторію этой странѣ. Лѣтописи *даури* исправлены и напечатаны Клапротомъ.

Трудно представить себѣ что нибудь скучнѣе этого разсказа о рожденіяхъ, бракахъ, отреченіяхъ и смертяхъ, съ прибавкою нѣсколькихъ повѣстей о болѣзняхъ, путешествіяхъ къ храмамъ и т. п., и все это написано такъ, что нисколько не возбуждаетъ участія въ европейскомъ читателѣ. Однакожъ, эта книга драгоцѣнный источникъ для розысканій филологическихъ и историческихъ, при сравненіи разныхъ цивилизацій, и бросаетъ яркій свѣтъ на политическое и общественное устройство Японіи.—Лѣтописи *сіюгуновъ* совершенно въ томъ же родѣ, но съ примѣсью любопытныхъ анекдотовъ, разсказанныхъ впрочемъ довольно тяжело.

Вся философія Япоцевъ состоитъ изъ замѣтокъ на китайскаго мудреца Конфуція, изъ замѣчаній на мифологію *синтоо*, и пр. Энциклопедіи, которыхъ прекрасный образецъ далъ намъ Абель-Ремюза, суть не что иное, какъ картинки съ объяснительнымъ текстомъ; все это, подобно прочимъ японскимъ лексиконамъ, или въ алфавитномъ порядкѣ, или безъ

всякаго порядочнаго распредѣленія предметовъ, по прихоти самаго сочинителя.

Никто изъ голландскихъ писателей не говоритъ объ японскомъ стихосложеніи, размѣрѣ, римахъ; только Мейланъ и Титсингъ приводятъ нѣсколько стихотвореній, но трудно прозаическимъ переводомъ дать понятіе о поэзіи. Перепечатаваемъ нѣкоторыя строфы, собранныя этими писателями, но предупреждаемъ читателей, что передача японскихъ звуковъ латинскими буквами не можетъ быть совершенно вѣрна; кромѣ того, мы имѣемъ причины думать, что и раздѣленіе слоговъ тутъ произвольное. Впрочемъ, и этотъ текстъ дастъ приблизительное понятіе о формѣ, размѣрѣ, римѣ и проч. Должно быть, что японскій языкъ чрезвычайно сокращается въ поэзіи, или что голландскіе переводы неимоვნно растянуты.

Aita kampei (или kanbé)

Karvo mita kampei,

Mamani hana siwo,

Jtasi ta kampei,

Outi siri tara,

Sakamasi kampei,

Sekenni warou kampei.

(Сильно желаю

Видѣть твое лицо

И сказать тебѣ нѣсколько словъ;

Но надобно отказать себѣ:

Если узнаютъ какъ нибудь
Въ моемъ жилищѣ,
Что я говорила съ тобой,
Такъ жестокое гоненіе
Падетъ навѣрное на меня,
И безъ сомнѣнія моя добрая слава
Будетъ потеряна навсегда.)

А вотъ и нравственная строфа:

Kokoro da ni makotono,
Michi ni kanaï naba,
Inogazu totemo kamiya,
Mamoran.
(Имѣй сердце прямое и чистое,
За то покровительство боговъ
Будетъ надъ тобой вѣчно.
Шумныя мольбы ни къ чему не послужатъ,
Лучше чистая совѣсть,
Обожающая и боящаяся въ молчаніи.)

Одинъ изъ примѣровъ Титсинга, небольшая поэма на смерть государственнаго совѣтника *Ямазиро*, представляется болѣе поэтическимъ; въ немъ есть намеки на древнія легенды и игра словъ, чѣмъ всегда отличалась японская поэзія. Титсингъ или, лучше сказать, его французскій переводчикъ Ремюза, приложилъ къ французскому переводу и латинскій, слово въ слово, который не длиннѣе подлинника.

Забавная игра словъ очень часто встрѣ-

чается въ стихотвореніяхъ. Японскіе поэты стараются выразить самыя замысловатыя идеи помощію немногихъ словъ и употребляютъ двусмысленныя слова, чтобы изъ нихъ выходили намеки.

Кажется, что у Японцевъ два рода поэмъ: *ута* или *вака* состоитъ изъ пяти строкъ, и въ этихъ строкахъ по очередно пять, семь, пять, семь и семь слоговъ; *нагъ-аута* (длинная поэма) содержитъ сколько угодно строкъ; строка должна имѣть пять или семь слоговъ, но послѣднія двѣ должны всегда непремѣнно имѣть семь. Послѣдняго рода поэмы всегда пишутся помощію азбуки *фира-кана* или *гира-кана*.

Не менѣе любятъ японскіе поэты заниматься описаніями или сравненіями, которыя доставляются имъ видами природы или богатымъ разнообразіемъ естественныхъ произведеній. У Зибольда есть примѣръ изъ такого стихотворенія, и онъ не безъ прелести. Въ этомъ двустишіи дѣло идетъ о *киси* (прекрасной породѣ фазановъ). По вечерамъ часто слышно пѣніе самцовъ, когда они ищутъ пищу себѣ и своимъ подругамъ, которыя прячутся въ самыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ.

Японскій поэтъ говоритъ:

Harouno no asouro kisi, sono tsouma roini,
Onoga arigawo fitoni sire tsoutsou.

«*Кизи*, ища пищи въ цвѣтистыхъ поляхъ, открываетъ, по любви къ своей подругѣ, свое убѣжище человѣкамъ.»

Но довольно объ японской поэзіи. Она вся состоитъ изъ балладъ, романсовъ и пѣсень. О драматическомъ искусствѣ высказано все, намъ извѣстное, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы говорили о театрѣ въ Нагазаки. Обратимся къ положенію наукъ и искусствъ въ Японіи.

НАУКИ ВЪ ЯПОНИИ.

Только двумя науками особенно занимаются въ Японіи, медициной и астрономіей; по этимъ отраслямъ часто выходятъ оригинальныя сочиненія и переводы всѣхъ европейскихъ твореній, какія попадаютъ Японцамъ въ руки.

Всѣ писатели постоянно хвалятъ японскихъ докторовъ и астрономовъ. Зибольдъ выхваляетъ усердіе медиковъ, которые изъ всѣхъ концовъ имперіи слѣшили къ нему за новыми свѣдѣніями, имъ еще незнакомыми; притомъ онъ увѣряетъ, что задаваемые ими вопросы показывали много ума и знанія. Такое же точно замѣчаніе прилагается и къ астрономамъ; убѣжденіе ихъ, что Европа гораздо выше въ ученomъ отношеніи, доказываетъ, что Японцы сами стоятъ гораздо выше гордыхъ и самонадѣянныхъ Китайцевъ.

Нельзя не замѣтить, что *акупунктура* и *мок-са* изобрѣтены Японцами. Между книгами,

*

привезенными въ Европу Титсингомъ, есть одна, въ которой содержится подробная инструкция объ *акупунктурѣ*, съ исчисленіемъ болѣзней, ею излечиваемыхъ, и съ рисункомъ человѣческой фигуры, на которой означены тѣ части тѣла, на которыхъ слѣдуетъ производить эту операцію, смотря по роду болѣзни. Кемпферъ тоже сообщилъ рисунокъ человѣческой фигуры, которая служить руководствомъ для японскихъ врачей, когда они должны прибѣгать къ *мокса*. Тунбергъ сообщаетъ подробности объ употребленіи обоихъ этихъ средствъ въ Японіи.

Японскія лекарства берутся почти всѣ изъ царствъ животнаго и растительнаго, потому что химія не довольно основательно извѣстна въ Японіи, и врачи не осмѣливаются употреблять лекарства изъ минеральнаго царства. Но ботаника, какъ наука о лечебныхъ травахъ, въ большомъ ходу, и травы, употребляемыя для леченія, вообще приносятъ большую пользу; однакоже, Японцы всего больше надѣются на діету. У нихъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, самая важная преграда успѣхамъ медицины и хирургіи—суевѣріе; это замѣчаніе будетъ понятно читателю, если онъ вспомнитъ, что производится и какъ поступаютъ съ родильницами; оскверненіе, производимое прикосновеніемъ къ мертвому тѣлу, всегда

будетъ препятствовать успѣхамъ анатоміи, потому что нельзя разрѣзать мертвыхъ тѣлъ.

Въ астрономіи Японцы оказали болѣе успѣховъ, можетъ статься потому, что суевѣріе меньше мѣшаетъ успѣхамъ этой науки, хотя при дворѣ микадо до сихъ поръ водятся *астрологи*. Японскіе астрономы тщательно изучаютъ лучшія астрономическія сочиненія, переведенныя на голландскій языкъ, и знаютъ употребленіе всѣхъ европейскихъ инструментовъ. Мейланъ видѣлъ очень хорошіе телескопы, барометры и термометры, сдѣланные японскими ремесленниками. Вслѣдствіе этихъ успѣховъ, календари, которые прежде привозились, теперь составляются въ Японіи, а вычисленіе затмѣній преподается въ училищахъ въ Іедо и Міяко.

Мѣра и раздѣленіе времени въ Японіи очень странны и не легко понять ихъ. Въ хронологіи употребляются три цикла, совершенно отдѣльные; одинъ изъ нихъ составленъ смѣсю астрономіи съ прочими отраслями физики; другіе два проще, и съ нихъ то мы начинаемъ.

Въ исторіи всего чаще употребляется циклъ, называемый *ненго*. Онъ занятъ отъ Китайцевъ, не имѣетъ опредѣленной мѣры и продолжается отъ одного года до нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Онъ опредѣляется царствующимъ микадо по какому нибудь замѣчатель-

ному событію, которое считается достойнымъ такой чести. Напримѣръ, микадо можетъ назначить *новый нэнго* отъ построения храма, отъ землетрясенія и пр., и даетъ ему имя, приличное его происхожденію, взятое прямо отъ событія, или аллегорическое, въ восточномъ вкусѣ. Такъ одинъ микадо велѣлъ считать *новый нэнго* со времени своего отреченія и назвалъ его *нэнго-генрофъ*, то есть *нэнго счастья природы и искусства*; этимъ микадо хотѣлъ сказать, что самъ онъ будетъ наслаждаться вполне природой и искусствомъ въ своемъ уединеніи. Одинъ и тотъ же *нэнго* продолжается до тѣхъ поръ, пока какое нибудь замѣчательное событіе не заставитъ микадо прекратить его и начать новый, съ другимъ именемъ.

Во второмъ циклѣ считаютъ царствованія *ми (дай)* духовныхъ императоровъ. Онъ употребляется очень часто, потому что просто. Представлялось одно затрудненіе въ этомъ численіи, да и то устранено совершенно: если царствованіе кончается среди года, то весь годъ считается умершему или отрекшемуся микадо, а *дай* или царствованіе наследника начинается только съ перваго дня слѣдующаго года.

Такъ же употребляются для исчисленія и царствованія *сіюгуновъ*.

Третій циклъ астрономическій, состоящій

изъ шести годовъ, чрезвычайно сложенъ и основанъ на расчетъ знаковъ зодіака и стихій.

Въ Японіи двѣнадцать знаковъ, какъ вездѣ, гдѣ изучали астрономію; отъ нашихъ они отличаются только названіями. Ихъ называютъ въ совокупности *цѣюни ноши* (двѣнадцать отраслей).

Вотъ въ какомъ порядкѣ они слѣдуютъ одинъ за другимъ:

1. *Не* (мышь) соотвѣтствуетъ нашему Овну.
2. *Уши* (корова) — — — — Тельцу.
3. *Тора* (тигръ) — — — — Близнецамъ.
4. *У* (кроликъ) — — — — Раку.
5. *Татсэ* (драконъ) — — — — Льву.
6. *Ми* (змѣя) — — — — Дѣвѣ.
7. *Мма* (конь) — — — — Вѣсамъ.
8. *Гитсуци* (коза) — — — — Скорпіону.
9. *Сару* (обезьяна) — — — — Стрѣльцу.
10. *Тори* (пѣтухъ) — — — — Козерогу.
11. *Ину* (собака) — — — — Водолею.
12. *И* (кабанъ) — — — — Рыбамъ.

Стихи у Японцевъ оригинальнѣе. Ихъ считаютъ пять, *безъ воздуха*; за то въ числѣ ихъ дерево и металлъ. Эти пять стихій удвояются самымъ страннымъ образомъ: каждая принимается въ двухъ смыслахъ: въ естественномъ своемъ состояніи, и потомъ въ приложеніи къ употребленію человека. Это такъ

любопытно, что надобно выписать рядъ стихій въполнѣ.

1. *Ки но іе*—значить дерево въ естественномъ состояніи; это первая стихія; она становится

2. *Ки но-то*, когда дерево срублено и превращено въ строительный матеріалъ.

3. *Фино-іе*—огонь въ естественномъ состояніи, то есть солнечный свѣтъ, молнія, и т. п.

4. *Фино-то*—огонь, зажженный рукою человека, посредствомъ дерева, масла, благовоній и пр.

5. *Чучи но іе*—земля въ первоначальномъ видѣ, то есть неразработанная, на вершинахъ горъ, на днѣ морей, и пр.

6. *Чучи но то*—земля, обработанная рукою человека и превращенная въ издѣлія фарфоровыя, въ посуду и пр. Вспаханная земля принадлежитъ къ этому же элементу, который иногда изображается рисовымъ полемъ.

7. *Ка но іе*—металлъ невыдѣланный, въ самомъ простомъ своемъ видѣ. (Иногда, однакожъ, метафорически изображаютъ его *саблей* или *колоколомъ*.)

8. *Ка но-то*—металлическая стихія, обработанная и являющаяся въ видѣ молотовъ, гвоздей, щипцовъ и пр.

9. *Мицу но іе*—вода въ томъ видѣ, въ какомъ течетъ въ источникахъ и рѣкахъ.

10. *Мицу но то*—стоячая вода, какую видимъ

въ прудахъ и болотахъ. Это любопытное отклоненіе отъ главнаго правила, что приложеніе къ употребленію человѣка составляетъ второй элементъ. (Однакожь, этотъ второй элементъ иногда представляется водою, которая вытекаетъ изъ трубы или резервуара).

Ученые, соединяя эти десять элементовъ съ двѣнадцатью знаками зодіака, получаютъ шестьдесятъ фигуръ, и каждая изъ нихъ считается годомъ въ астрономическомъ циклѣ.

Годъ начинается въ февралѣ и раздѣленъ подобно китайскому. Каждый изъ двѣнадцати мѣсяцевъ имѣетъ *описательное имя*. Вотъ какъ это объяснено въ главѣ, называемой *Ниппонъ гецу рей ценъ* (ежемѣсячные японскіе праздники) и находящейся въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Зеркало для воспитанія женщинъ*.

Первый мѣсяцъ, или *шио-гвацъ* называется *мотсуки*, дружескій мѣсяцъ, потому что пиры по случаю новаго года возбуждаютъ пріятнѣйшія чувства.

Второй мѣсяцъ, *ни гвацъ*, называется *кисара-ги*, мѣсяцъ перемѣны платья, потому что въ это время снимаютъ зимнюю одежду.

Третій мѣсяцъ, *санъ гвацъ*, называемый *яіой*, мѣсяцъ распуколокъ, потому что вся природа весной просыпается отъ зимняго сна.

Четвертый мѣсяцъ, *ши-гвацъ*, называется *у дзюки*, цвѣтущій мѣсяцъ, потому что цвѣты распускаются.

Пятый, *го-гвацъ*, называется *са цуки*, мѣсяцъ пересадки, потому что въ это время пересаживаютъ ристъ.

Шестой мѣсяцъ, *року-гвацъ*, называется *мина дзюки*, сухой мѣсяцъ, потому что въ это время совсѣмъ не падаетъ дождей.

Седьмой мѣсяцъ, *миши гвацъ*, называется *фуши дзюки*, мѣсяцъ писемъ, потому что въ это время пишутъ оду къ звѣздамъ на листочкахъ и вывѣшиваютъ ихъ на бамбуковыхъ палкахъ.

Восьмой, *гаши гвацъ*, называется *га-дзюки*, мѣсяцъ листьевъ, потому что осенью листья съ деревьевъ начинаютъ падать на землю.

Девятый мѣсяцъ, *ку-гвацъ*, называется *нага-дзюки*, длинный мѣсяцъ, потому что ночи становятся чрезвычайно длинными.

Десятый мѣсяцъ, *эйю гвацъ*, называется *на-ми-на-дзюки*, мѣсяцъ безъ боговъ, потому что въ это время, по убѣжденію Японцевъ, боги удаляются изъ храмовъ своихъ на сѣверъ Японіи, въ Идзумо.

Одиннадцатый мѣсяцъ, *эйю-миши гвацъ*, называется *шиможукъ*, мѣсяцъ иней, потому что дождь превращается въ снѣгъ и иней.

Двадцатый мѣсяцъ, *эйю-ни гвацъ*, называется *шивазу*, послѣднимъ мѣсяцемъ.

Число праздниковъ и церемоній, религіозныхъ и гражданскихъ, въ продолженіе года, очень велико; важнѣйшіе соблюдаются всѣми сословіями безъ изъятія. Титсингъ собралъ подробности о главнѣйшихъ торжествахъ и о тѣхъ праздникахъ, которые бывають при дворѣ. Въ атласѣ Зибольда много занимательныхъ картинъ по этому предмету; рисунки особенно замѣчательны тѣмъ, что сдѣланы лучшими японскими художниками.

Но самое странное и самое неудобное раздѣленіе времени въ Японіи—безъ сомнѣнія часы. Тамъ сутки дѣлятся на двѣнадцать часовъ, шесть часовъ опредѣляется на день и шесть на ночь; днемъ считается часть сутокъ отъ восхода до заката солнца; ночью часть отъ заката до восхода. Такимъ образомъ въ Японіи дневной часъ почти никогда не равняется ночному: лѣтомъ дневные длиннѣе, а зимою ночные длиннѣе дневныхъ. Поэтому слѣдовало бы измѣнять длину часовъ каждый день; но неправильность исправляется только четыре раза въ годъ.

Притомъ же этотъ расчетъ двѣнадцати часовъ, кажется, долженъ быть очень простъ для того, кто умѣетъ сосчитать до двѣнадцати; но онъ такъ запутанъ въ Японіи, что еслибъ къ каждому часу, кромѣ его численнаго имени, не прибавили еще названія од-

ного изъ знаковъ зодіака, то весьма трудно было бы отвѣчать на самый простой вопросъ: *какой часъ?* Попробуемъ объяснить эту запутанную и довольно оригинальную систему.

Девять считается превосходнѣйшимъ числомъ (*), и потому полдень и полночь оба называются девятымъ часомъ. Полдень называется девятымъ часомъ дня; полночь девятымъ часомъ ночи; въ то же время восходъ солнца называется шестымъ часомъ дня, а закатъ шестымъ часомъ ночи. Если спросить, какимъ образомъ девять помѣщается два раза въ двѣнадцати; мы отвѣтимъ, что арифметическая невозможность устранена тѣмъ, что цифры 1, 10, 11 и 12 уволены въ отставку. Употребляемыя цифры извлекаются посредствомъ таблицы умноженія; и вся система основана на безпредѣльномъ уваженіи къ числу *девять*.

Девять, какъ часъ полудня и полуночи, считается первымъ часомъ. Помножьте 9 на 2, получите 18; отбросьте десятки, у васъ останется восемь: вотъ почему часъ, слѣдующій за полуднемъ или за полуночью (то есть, второй часъ дня или ночи), называется восьмымъ. Далѣе: помножьте 9 на 3 полу-

(*) По ученію *Синту*, превосходнѣйшее число *восемь*.

чите 27, отбросьте десятки, у васъ останется 7; и третій часъ пополудни или пополуночи становится седьмымъ часомъ дня или ночи. Потомъ помножьте 9 на 4, получите 36, откиньте десятки, останется 6, и четвертый часъ (непремѣнно бывающій въ восходѣ или закатѣ солнца) называется шестымъ часомъ дня или ночи. Потомъ вы множите 9 на 5, получаете 45, отбрасываете десятки, остается у васъ только 5, и потому часъ, слѣдующій за восходомъ или закатомъ солнца, называется пятымъ часомъ дня или ночи. Наконецъ, помножьте 9 на 6, получаете 54; отбросьте десятки, останется 4, и потому шестой или послѣдній часъ будетъ называться четвертымъ часомъ дня или ночи. Тутъ опять наступаетъ полдень или полночь, или, по японски, девятый часъ дня или ночи. Безъ этихъ объясненій была бы непонятна слѣдующая таблица часовъ въ естественномъ порядкѣ:

Полночѣ есть *коконоцъ* или девятый часъ ночи, иначе (по знакамъ зодіака) часъ *Мыши*.

Второй часъ передъ полуднемъ есть *яцъ*, или восьмой часъ ночи, иначе часъ *Коровы*.

Четвертый часъ передъ полуднемъ есть *наняцъ* или седьмой часъ ночи,—часъ *Тигра*.

Восходъ солнца есть *муцудоки* или шестой часъ дня,—часъ *Кролика*.

Восьмой часъ передъ полуднемъ есть *ицц* или пятый часъ дня, — часъ *Дракона*.

Десятый часъ передъ полуднемъ есть *юцц* или четвертый часъ ночи, — часъ *Змьи*.

Полдень есть *коконоцц*, или девятый часъ дня, иначе часъ *Коня*.

Второй часъ пополудни есть *яцц* или восьмой часъ дня, — часъ *Козы* или *Овна*.

Четвертый часъ послѣ полудня есть *на-нцц*, или седьмой часъ дня, — часъ *Обезьяны*.

Закатъ солнца есть *муцц-доки* или шестой часъ ночи, — иначе часъ *Птица*.

Восемь часовъ пополудни есть *иццц* или пятый часъ ночи, — часъ *Собаки*.

Десятый часъ пополудни есть *юцц* или четвертый часъ ночи, — часъ *Кабана*.

Каждый часъ дѣлится на восемь долей (такая доля соотвѣтствуетъ нашимъ четвертямъ часа). Часы означаются колокольнымъ звономъ въ храмахъ. Измѣрять ихъ очень трудно, хотя и возможно, посредствомъ увеличенія или уменьшенія маятника; и операцию эту надобно повторять два раза въ день, при восхождѣ и закатѣ солнца. Для измѣренія часовъ Японцы употребляютъ два способа: или особеннаго рода часы, или жгутъ тѣла опредѣленной величины (*).

(*) Это жгущія палочки, изобрѣтенныя въ Китаѣ, которыя горятъ медленно и ровно, и дѣйствительно

Разставаясь съ теоріею и системою измѣренія времени, скажемъ нѣсколько словъ о часахъ, заказанныхъ губернаторомъ Нагазки, въ 1826 году, для подарка сіюгуну. Они считались чудомъ механики, и какъ мастерское произведеніе были показаны членамъ голландской факторіи въ Децимъ.

«Часы вставлены въ раму, трехъ футовъ въ вышину и пяти въ ширину, и представляютъ превосходный пейзажъ. На передвей части картины фруктовыя деревья въ цвѣту, съ другими растеніями. Въ глубинѣ картины холмъ, съ котораго льется водопадъ, превосходно сдѣланный изъ стекла; онъ превращается въ рѣчку и тихо течетъ между утесами, разбросанными посреди пейзажа, и наконецъ исчезаетъ въ лѣсу. Золотое солнце, привѣшенное къ облакамъ, повертываясь, показываетъ, что часы будутъ бить. Внизу рамы означены всѣ двѣнадцать часовъ дня и ночи, а черепаха, медленно движущаяся, замѣняетъ часовую стрѣлку. Птичка, сидящая на вѣткѣ, пѣніемъ и маханіемъ крыльевъ извѣщаетъ, что часъ приходитъ къ концу, и какъ скоро перестаетъ пѣть, тотчасъ

представляютъ довольно вѣрное средство измѣрять время. Жансиги видѣлъ употребленіе этихъ палочекъ въ Явѣ, на большой чайной фабрикѣ; онѣ, старая, но называли; сколько надобно было употребить времени на извѣстныя подробности манипуляцій.

слышится звонъ, означающій сколько прошло часовъ. Пока часы бьютъ, мышка выбѣгаетъ изъ пещеры и прогуливается по холму.»

Каждая часть этихъ часовъ, отдѣльно взятая, была сдѣлана превосходно; но птица была слишкомъ велика, не по росту дерева; солнце занимало полнеба, а мышь въ одну секунду поднималась на холмъ.

Японцы имѣютъ нѣсколько свѣдѣній о математикѣ, механикѣ, тригонометріи и инженерномъ искусствѣ. У нихъ есть каналы, собственно назначаемые для орошенія полей, и много мостовъ разнаго рода (*).

(*) Зибольдъ упоминаетъ о нѣсколькихъ большихъ каналахъ, учрежденныхъ съ торговою цѣлью, между прочимъ о каналѣ *Ондозето* въ провинціи *Аки*, который ведетъ прямо къ торговому городу *Фирозима*, и о большомъ каналѣ лодочниковъ (*Септо-но-Фуци*) въ провинціи *Фиценъ*, въ которомъ около девяноста верстъ длины; онъ проходитъ черезъ *Зага*, самый главный городъ на островѣ *Kiuziу*, и такимъ образомъ соединяетъ заливъ *Симабару* съ Сѣвернымъ Моремъ. Мостъ, переброшенный черезъ этотъ каналъ въ *Загѣ*, украшенъ колоссальною мѣдною статуею; она представляетъ *diszo* (генія покровителя), называемаго *Fukwo-wo*; его назначеніе «проливать дождь и помогать росту пяти сортовъ хлѣба.» Множество большихъ мостовъ въ Японіи объясняется тѣмъ, что съ безчисленныхъ горъ текутъ потоки, и главнѣйшіе города построены при устьяхъ важнѣйшихъ рѣкъ и перерѣзаны каналами.

Они научились измѣрять высоту горъ посредствомъ барометра и въ послѣднее время составили прекрасныя карты Японской Имперіи. Изъ машинъ, они едва ли умѣютъ сдѣлать что нибудь труднѣе вѣровъ и водяныхъ мельницъ, и въ этомъ отношеніи, вовсе не ищутъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Мнѣніе ихъ по этому предмету выразилось очень ясно, когда голландское правительство прислало въ подарокъ сіюгу модель мельницы для выдѣлки масла. Много удивлялись этому остроумному изобрѣтенію и чудесному устройству этой мельницы; но отослали подарокъ назадъ, потому что *принятіе такой мощной помощи въ работъ лишитъ заня-*

Во всей имперіи считается двѣсти тридцать девять большихъ мостовъ; изъ нихъ семьдесятъ девять въ Огозакъ и семьдесятъ пять въ Іедо. Каменные мосты (*isi basi*) рѣдки и всегда въ одну арку.

Деревянные мосты на каменныхъ устояхъ встрѣчаются очень часто, и особенно на большихъ рѣкахъ. Мостъ въ Огозакѣ имѣетъ 397 метровъ (около 175 саж.) въ длину.

Подъемные мосты встрѣчаются только въ крѣпостяхъ и называются *фики бази*.

Много мостовъ на плашкотахъ (*funabasi*). Въ провинціи Ециціо, черезъ рѣку *Куцу-гава* поставленъ такой мостъ, длиною въ семьсотъ семьдесятъ метровъ; онъ состоитъ изъ пятидесяти двухъ судовъ, связанныхъ желѣзными цѣпями и покрытыхъ досками. Наконецъ множество висячихъ мостовъ.

тя всѣхъ тѣхъ Японцевъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе выдѣлкою масла по обыкновенному способу (*).

(*) Такая мѣра не покажется нелѣпою, если принять въ соображеніе тѣ особенныя условія, въ которыхъ находится Японія. Въ Англіи и во Франціи, гдѣ народъ пообразованнѣе Японцевъ, неудобство быстраго введенія новыхъ машинъ, какъ бы онѣ ни были превосходны, занимало лучшихъ политико-экономовъ. — Однакоже, Японцы несовсѣмъ отказываются отъ европейскихъ машинъ. Зибольдъ говоритъ о нѣсколькихъ родахъ мельницъ и подробно описываетъ одну для раздробленія фельдшпата.

ИСКУССТВА И МАНУФАКТУРЫ

У ЯПОНЦЕВЪ.

Трудно составить себѣ понятіе о положеніи искусствъ въ Японіи, какъ потому, что свидѣтельства членовъ факторіи въ Децимѣ объ этомъ предметѣ не могутъ имѣть особенной важности, такъ и потому, что иностранцамъ почти невозможно добыть лучшіе образцы того, что разныя отрасли искусствъ и промышленности производятъ самаго совершеннаго. Мѣсто, занимаемое артистами между народными сословіями, при первомъ взглядѣ, можетъ повидимому дать нѣкоторое понятіе объ этомъ вопросѣ; но эта классификація характеризуетъ прежнее время, а не нынѣшнюю эпоху. Однакоже, по имѣющимся свидѣтельствамъ, можно рѣшительно заключить, что вообще искусства гораздо болѣе развиты въ Японіи, чѣмъ въ Небесной Имперіи.

О музыкѣ ничего нельзя прибавить къ то-

му, что сказано выше. Увѣряють, что Японцы очень любятъ живопись и сильно стараются о составленіи картинныхъ галерей; что они смѣло дѣлають эскизы углемъ и даже чернилами, и такъ вѣрно, что никогда не переправляютъ, что черты ихъ правильны и рисунокъ столько хорошъ, сколько позволяетъ незнаніе перспективы и анатоміи. Отъ этого же незнанія вѣроятно происходитъ неумѣнье ихъ схватывать сходство; портретные живописцы болѣе стараются о сходствѣ платья, чѣмъ лицъ, съ которыхъ срисовываютъ портреты. Лучше удаются имъ изображенія цвѣтовъ и птицъ. Есть превосходная книга, въ которой цвѣты нарисованы въ естественную величину на одной сторонѣ страницы, а на оборотѣ написаны имя и свойства каждаго цвѣтка. Книга эта, трудъ одной японской дамы, представлена ею Титсингу, который былъ другомъ ея мужа. Всѣ японскіе артисты наиболѣе заботятся объ окончательной отдѣлкѣ (*le fini*) своихъ произведеній.

Есть нѣсколько пейзажей и фигуръ, вывезенныхъ изъ Японіи; но эти рисунки хотя не безъ достоинства, скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ оцѣнкѣ. Гравюры Титсинга представляютъ сватбы, похоронныя шествія, и пр., и сняты съ японскихъ гравюръ. Ихъ можно поставить на ряду съ китайскими картинами. Картины Мейлана немного получше.

Мейланъ рассказываетъ одинъ фактъ о превосходствѣ японскихъ художниковъ, которому уже двѣсти лѣтъ и который удивитъ всѣхъ, кто видѣлъ эти гравюры.

Одному японскому художнику случилось списать копію съ двухъ духовныхъ католическихъ изображеній; копію эту почти нельзя было отличить отъ оригинала. Должно замѣтить, что Мейланъ никогда не видалъ этой копіи, и что знатоки, рѣшавшіе сходство картинъ, были Японцы. Художника, за такое дѣло, напоминавшее о религіи Португальцевъ, обезглавили. Исторія эта, впрочемъ неполнѣ достойная вѣроятія, совершенно согласна съ состояніемъ искусствъ въ Японіи; японскіе артисты плохіе рисовальщики, но превосходные кописты, какъ и въ Китаѣ.

Образцы рисованья, встрѣчаемые у Зибольда, гораздо лучше мейлановыхъ, хотя Зибольдъ посѣщалъ Японію прежде Мейлана. Онъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что японскій художникъ, работавшій для него, изучалъ тогда европейскія начала живописи. Но лучше всѣхъ картины, находящіяся въ великолѣпной книгѣ Овермера Фишера. Отдѣлка и распредѣленіе тѣней слишкомъ хороши, и можно подозрѣвать, что рисунки японскихъ художниковъ переправлены въ Голландіи. Подозрѣніе это подтверждается обзорѣніемъ японскихъ залъ въ королевскомъ

музеѣ въ Гагѣ, гдѣ собраны, какъ увѣряютъ, образцовыя произведенія японскаго искусства. Говорятъ, что японскій музей Зибольда былъ богаче этихъ залъ. Голландское правительство купило музей Зибольда и помѣстило его въ свои японскія залы.

Японцы не знаютъ живописи масляными красками, но мастера писать тушью. Краски свои извлекаютъ они изъ минераловъ и растений и получаютъ оттѣнки красивѣе и блестящѣе нашихъ.

У нихъ много гравюръ, но на деревѣ. Однакожъ, въ послѣднее время у нихъ введено гравированіе на мѣди и принято такъ хорошо, что это искусство можетъ имѣть самыя блестящія успѣхи.

Въ лучшихъ книгахъ объ Японіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній о скульптурѣ: говорится только съ похвалою объ орнаментахъ. Говорятъ, что Японцы достигли въ литейномъ искусствѣ такого совершенства, какое возможно при явномъ презрѣніи пропорцій. Они выливаютъ превосходныя вазы и прекрасныя статуи; колокола ихъ замѣчательны по богатству барельефовъ. Въ колоколахъ нѣтъ языковъ; но въ нихъ звонятъ, ударяя ихъ снаружи деревянными палками, какъ въ Китаѣ.

Постройка общественныхъ зданій не основана на ученой теоріи; нѣтъ никакихъ архи-

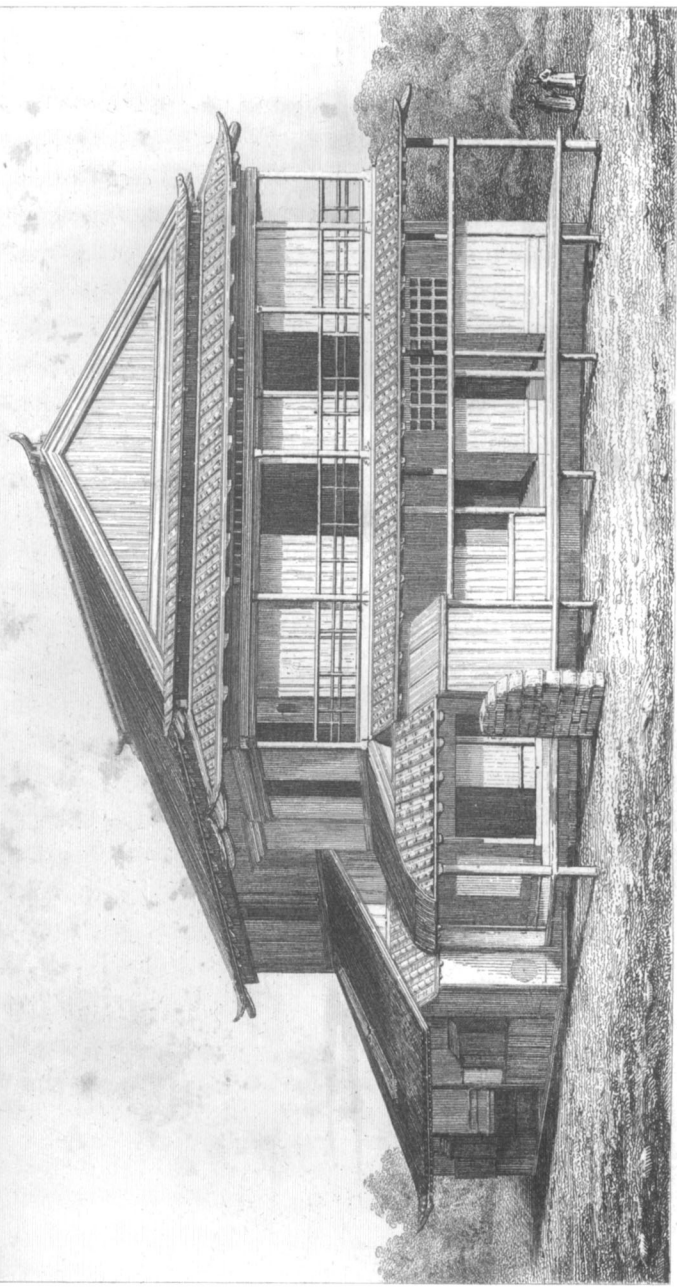
тектурныхъ правилъ, кромѣ тѣхъ, которыя предписаны полиціей. Однакожъ, сооруженіе храмовъ для первоначальной религіи (поклоненіе *ками*) или для происходящихъ отъ нея сектъ, указываетъ на существованіе особенной архитектуры. Зибольдъ, говоря о храмикѣ, выстроенномъ возлѣ гигантскаго камфарнаго дерева, увѣряетъ, что онъ выстроенъ въ духѣ смѣшанной архитектуры *ріо-бу-синто*. Болѣе ничего нельзя сказать положительнаго объ архитектурѣ Японцевъ, которая еще во младенчествѣ.

Инженерное искусство и мореплаваніе, какъ науки, кажется, не существуютъ въ Японіи. Однакоже, Японцы употребляютъ компасъ, и вѣроятно умѣютъ защищать свои укрѣпленныя мѣста посвоему. Что же до лаковыхъ японскихъ издѣлій, то всѣ писатели единогласно увѣряютъ, что нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о нихъ по образцамъ, обыкновенно привозимымъ въ Европу. Тѣ, которыя истинно хороши, не могутъ быть куплены Европейцами; лучшія получаютъ членами голландской факторіи въ подарокъ отъ ихъ японскихъ друзей. Обыкновенно эти подарки попадаютъ въ королевскій музей въ Гагѣ; хотя они считаются второстепенными въ Японіи, однакожъ такъ превосходны, что, не видавъ этого собранія, нельзя составить себѣ никакого понятія объ ихъ красотѣ.

Покрываніе лакомъ—процессъ чрезвычайнo сложный. Лакъ получается изъ растенія, называемаго *урузи-но-ки* (*rhus vernix*), и подвергается долгому и трудному приготовленію прежде, чѣмъ бываетъ годенъ къ употребленію. Его растираютъ медленно и ровно на мѣдной палитрѣ съ красящимъ веществомъ; а самое покрытіе лакомъ такъ же медленно и затруднительно, какъ и его приготовленіе. Накладывается предварительно пять слоевъ лака, и каждый долженъ высохнуть; потомъ полируютъ камнемъ или бамбукомъ. Только посредствомъ этой утомительной работы, лакъ получаетъ превосходную доброту. Фигуры изъ перламутра получаютъ вырѣзкою и подкрашиваются снизу. Потомъ ихъ накладываютъ на лакъ, въ нѣсколько слоевъ, и полируютъ, отъ чего онѣ и получаютъ удивительный блескъ.

Японцы не умѣютъ гранить драгоценныхъ камней и потому не даютъ имъ настоящей цѣны, такъ, что ни мужчины, ни женщины не употребляютъ ихъ въ видѣ украшеній (*).

(*) Есть ли это отличительная черта японскаго характера или только слѣдствіе законовъ о роскоши? Рѣшить нельзя. Шарльвуа увѣряетъ, что женщины иногда носятъ серьги. Въ Зибольдѣ находимъ, что Японцы торгуютъ жемчугомъ и называютъ его *Кай-но-та-ма* (*устричныя драгоценности*). Устрица, дающая на-

Lamotte

Maison Japonaise.

ЯПОНСКИЙ ДОМЪ.

Въ металлургіи они очень искусны, и всѣ писатели съ изумленіемъ указываютъ на превосходную композицію *сіякудо*, въ которой всѣ металлы перемѣшаны такъ, что композиція походитъ совершенно на эмаль. Ее употребляютъ, вмѣсто драгоценныхъ камней, на украшеніе поясовъ, застѣжекъ, ларчиковъ, сабельныхъ эфесовъ, и проч. Но еще болѣе славятся Японцы закалкою стали. Клинки ихъ сабель превосходны. Они отточены какъ бритвы и могутъ, не зазубриваясь, перерубить желѣзный гвоздь. Лучшій клинокъ стоить отъ 500 до 700 руб. сер., а старинный, лучшей отдѣлки, вдвое противъ этой суммы. Вывозъ ихъ запрещенъ, вслѣдствіе суевѣрныхъ понятій, по которымъ Японцы должны нераздѣльно хранить наслѣдство отъ равныхъ богамъ предковъ своихъ: неукротимую храбрость и превосходное оружіе (*).

стоящій жемчугъ, ловится обыкновенно въ заливахъ Огомура и Овари, или на берегу провинціи Пзе и Сацумы. Въ торговлѣ жемчугъ раздѣляется на серебрястый (*гинтама*) и золотистый (*кинтама*), который бываетъ яркаго желтаго цвѣта съ розовымъ отливомъ. *Кинтама* превосходной воды и отличается замѣчательнымъ блескомъ. Эти жемчужины величиною съ горошинку; за каждую платится, по словамъ Зиболяда, два *кобана* (около 48 р. ассиг.) Но изъ того, что Японцы ловятъ жемчугъ и торгуютъ имъ, нельзя еще вывести, чтобы сами они могли, по закону, носить его.

(*) Японцы, по словамъ Зиболяда, умѣютъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и употребляютъ ружье,

Нельзя не замѣтить, что японскія мануфактуры выдѣлываютъ всѣ предметы, необходимые жителямъ. Лучшія и замѣчательнѣйшія произведенія мануфактурной промышленности, фарфоръ и шелковыя ткани. Теперь, говорятъ, фарфоръ сталъ хуже, и упадокъ его приписываютъ тому, что теперь рѣже

но съ фитилемъ. Говорятъ, что они употребляютъ это несовершенное оружіе по двумъ причинамъ: по рѣдкости кремня въ ихъ геологическихъ пластахъ и по отвращенію къ нововведеніямъ, взятымъ у Европейцевъ, т. е. по нежеланію показать, что Японія можетъ нуждаться въ чемъ нибудь иностранномъ. Последняя причина можетъ быть справедлива; но первая уничтожена изобрѣтеніемъ пистоновъ, о которыхъ уже вѣроятно извѣстно въ Японіи. Вообще мы весьма несовершенно знаемъ военное устройство Японской Имперіи. Болѣе другихъ Головинъ и Зибольдъ сообщаютъ извѣстій объ этомъ предметѣ. Последний говоритъ: «Японскіе солдаты не отличаются такимъ воинственнымъ видомъ, какъ наши; по этому они стараются заставить забыть свое платье, придавая лицу своему звѣрское выраженіе. Кавалеристы въ латахъ носятъ вмѣсто забрала грозную маску, которая напугаетъ непріятеля гораздо болѣе, чѣмъ лице, подъ нею скрывающееся. Маска напоминаетъ народу о воинской храбрости, какъ въ древнихъ греческихъ трагедіяхъ.»

Число войска, содержимаго для внутреннихъ карауловъ и на случай войны, должно быть значительно; но эти войска не надежны, какъ по устройству, такъ и по вооруженію и дисциплинѣ. Впрочемъ, несомнѣнно, что масса народонаселенія храбра, съ раннихъ лѣтъ привыкаетъ къ гимнастическимъ упражненіямъ, одушевлена самымъ горячимъ патріотизмомъ, и что эти тридцать милліоновъ будутъ отчаянно защищать имперію *Восходящаго Солнца*.

попадаетъ превосходная глина, изъ которой онъ выдѣлывается. Зибольдъ положительно отвергаетъ этотъ выводъ. Недалеко отъ *Дазиро*, села, которое лежитъ на границѣ *Фицена* и *Цикузена*, видны цѣлыя горы фарфоровой земли, превосходной по качеству; она не уступаетъ той, которую добываютъ изъ гранитныхъ утесовъ острова *Амаказа*. Во всей провинціи *Фиценъ* дѣлаютъ отличнѣйшій фарфоръ. Отсюда вывезены въ XVI и XVII вѣкахъ тѣ удивительныя вазы, которыя до сихъ, поръ такъ дорого цѣнятся въ Европѣ. Но мануфактурныя заведенія, процвѣтавшія въ то время, должны были прекратить выдѣлку фарфора первыхъ сортовъ, вѣроятно потому, что издержки фабрикаціи превзошли цѣну, назначенную за эти издѣлія по контрактамъ между прежнею Индійскою Компаніею и властями въ Нагазаки.

Превосходнѣйшія шелковыя матеріи выдѣлываются изгнанниками изъ знатныхъ людей, сосланными на небольшой островокъ, покрытый утесами и бесплодный, гдѣ они лишены всѣхъ доходовъ и должны работою рукъ платить за припасы, доставляемые имъ моремъ. Вывозъ этихъ матерій также запрещенъ (*).

(*) Мы уже сообщали нѣсколько подробностей объ этомъ любопытномъ и оригинальномъ островѣ. Прибавимъ еще, что Японцы овладѣли имъ въ 1487 году,

*

Шелководство и шелковая промышленность давно уже въ большой чести въ Японіи. Оно введено тамъ Китайцами и Корейцами около 310 года по Р. Х. Книга, написанная въ началѣ XIX вѣка, судьей *Укаки-Морикуни*, въ провинціи *Татсими*, объ этомъ важномъ предметѣ, переведена докторомъ Гофманомъ и представлена Парижской Академіи Наукъ 1 мая 1848 г, господиномъ Бонафу, который написалъ къ ней свои объясненія, замѣчанія и комментаріи. Сочиненіе называется по яповски *Го-сан-фи-рокъ* (Тайная повѣсть о воспитаніи шелковичныхъ червей) и излагаетъ всѣ тайны японскаго шелководства. Нѣтъ сомнѣнія, что открытіе нѣкоторыхъ изъ этихъ тайнъ принесетъ существенную пользу европейской промышленности и поведетъ къ неожиданнымъ и полезнымъ нововведеніямъ. До сихъ поръ, однакоже, никто не воспользовался этимъ переводомъ.

и что на немъ, если вѣрить японской энциклопедіи, встрѣчаются дикіе коконы, называемые *яма-маю* (горные коконы); изъ нихъ выдѣлывается чрезвычайно крѣпкая и плотная матерія, которая никогда не линяетъ, но которую красить нельзя. Приготовляютъ ее исключительно для правительства и называютъ *фа-ци сіо кину*. Стало быть, ея нѣтъ въ торговлѣ, но поддѣлки встрѣчаются въ Міяко. На островахъ *Ліу-Кіу* выдѣлываютъ полосатыя шелковыя матеріи, близко подходящія къ этому *фа-ци-сіо-кину*. Японцы ищутъ ихъ и охотно покупаютъ.

Всѣ думаютъ: писалъ Японецъ! Что читать!— Откладываютъ книгу въ сторону единственно потому, что еще не знаютъ, на сколько Японцы давно опередили Европейцевъ и въ шелководствѣ и въ фабрикаціи шелковыхъ издѣлій!

Обратимся къ бумажной промышленности. Дерево, изъ котораго дѣлается лучшая бумага, называется по японски *ко-зо* (*Broussonetia papyrifera*); Китайцы называютъ его *чю-чу*. Она бѣлѣе обыкновенной китайской, но все-таки довольно желтовата. Если бумага не скоро употребляется, поверхность ея становится шероховатою. Вотъ какъ Кемпферъ описываетъ бумажное производство:

«Собравъ отпрыски, изъ которыхъ дѣлается бумага, и вываривъ ихъ порядочно, сдираютъ съ нихъ кожу и сушатъ ее до тѣхъ поръ, пока она не понадобится для фабрикаціи (*).

«Когда собрали коры достаточное количество, мочатъ ее въ водѣ три или четыре дня,

(*) У Японцевъ четыре дерева называются главнымъ:

1) Тутовое (*Morus alba*), по китайски *санъ-шу*, по японски *кува но ки*, т. е. *дерево съ ходячимъ листомъ*;

2) Бумажное дерево (*Broussonetia papyrifera*);

3) Лаковое дерево (*Rhus vernix*);

4) Чайное дерево (*Thea viridis*); по японски *цзя-но ки* (*ща въ Индустанѣ, ша въ Явѣ*).

и когда она размокнетъ, снимаютъ съ нея ножомъ черную кожу. Потомъ сортируютъ кору по ея лѣтамъ, старую отдѣляютъ отъ молодой; изъ молодой выдѣлывается лучшая бумага, изъ старой—грубая.»

Впрочемъ въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, чаще всего разные сорта бамбука употребляются для бумажнаго производства. Кромѣ того употребляютъ кору разныхъ деревьевъ и растеній. Бумага вошла въ употребленіе у Японцевъ въ VII вѣкѣ по Р. Х.

ТОРГОВЛЯ И МОРЕПЛАВАНІЕ.

Все, что мы говорили о торговлѣ Японцевъ съ Голландцами и Китайцами и объ ихъ внутренней торговлѣ, имѣло цѣлю показать, какимъ строгимъ ограниченіямъ подвергаетъ японское правительство сношенія своихъ подданныхъ съ иностранцами, и какъ удивительно развились внутреннія средства страны подъ вліяніемъ такой исключительной системы. Здѣсь мы рассмотримъ элементы той и другой торговли, ихъ средства и относительную важность.

Торговля Голландцевъ съ Японцами не очень важна, хотя затруднительна по формѣ. Вообще она раздѣляется на торговлю съ правительствомъ и торговлю частную (*камбангъ*). Въ послѣднее время *камбангъ* былъ отданъ на откупъ за 30,000 флориновъ въ годъ (около 60,000 р. ассиг.). Эта торговля основана на интригахъ и лихоимствѣ, и до сихъ поръ производится посредствомъ обмановъ. Въ пос-

лѣднія десять лѣтъ, въ Децимѣ произошли такіе безпорядки по случаю этого нечистаго торга, что факторія никогда не видывала подобныхъ. Одинъ переводчикъ, уличенный въ контрбандѣ, былъ обезглавленъ; другой постигнулъ на самоубійство и распоролъ себѣ брюхо (*).

Выгоды отъ камбанга значительны. Выручка на привозныхъ статьяхъ доходитъ до 100 процентовъ, и даже выше. Для правительства привозятся: шерстяныя и шелковыя издѣлія, бархатъ, бумажныя матеріи и много другихъ статей, золотая и серебряная монета и немного олова, свинца и ртути. Вывозъ (тоже на счетъ правительства) состоитъ только изъ двухъ статей: изъ мѣди и камфоры. Привозъ камбанга доставляетъ, сверхъ показанныхъ выше статей, пряности, химическія произведенія и множество галантерейныхъ вещей. Зибольдъ въ своемъ Опытѣ о торговлѣ Японіи (въ *Moniteur des Indes*, часть II, стр. 337) входитъ въ подробности, которыя показываютъ, что вкусъ къ мелочамъ европейской про-

(*) Въ *Moniteur des Indes* Зибольдъ помѣстилъ подробную статью объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ: Историческій, статистическій и политическій опытъ о торговлѣ Японіи съ Голландцами и Китаемъ.

мышленности быстро распространяется по Японіи (*).

Главнѣйшія вывозныя статьи частной торговли суть: древесный воскъ (**), бамбукъ,

(*) Разсмотрѣніе списка привозныхъ предметовъ составляетъ сомнѣваться въ томъ, что Японцы и жены ихъ не употребляютъ драгоценныхъ украшеній. Въ этомъ списокѣ помѣщены пряжки, фальшивые драгоценные камни, агаты, поддѣльный жемчугъ, крашенныя бусы и множество другихъ галантерейныхъ вещей.

(**) *Rhus succedaneum* (фазе-ноки), восковое дерево; плодъ его даетъ масло, изъ котораго добывается воскъ, неуступающій нашему. Изъ него-то выдѣлываютъ свѣчи въ Японіи. Такъ какъ въ Японіи всѣ жгутъ воскъ, потому что сальныхъ свѣчей нѣтъ, то воскъ составляетъ важную статью торговли. Только въ послѣднее время начали вывозить его въ Яву и даже въ Европу. Но поняли, что это растительное масло и что свѣчи, изъ него дѣлаемые, очень дымятъ, и потому требованіе на воскъ значительно уменьшилось. Японцы, говоритъ Зибольдъ, дѣлаютъ такія свѣтильни, что свѣчи почти не дымятъ. вмѣсто хлопчато-бумажной свѣтильни, они употребляютъ пустой цилиндръ изъ бумаги; дымъ собирается въ цилиндрѣ и сгораетъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ въ астральныхъ лампахъ. Восковое дерево растетъ особенно хорошо въ южныхъ и юго-восточныхъ провинціяхъ; его сажаютъ на извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго, какъ въ Европѣ фруктовыя деревья. Фазе-ноки похоже и видомъ и величиной на западную яблоню, только листья у него съ зазубринками; зимою оно теряетъ листья, и деревенскіе жители навѣшивають на его вѣтви огромныя рѣдьки, которыя тутъ сушатся; потомъ ихъ солятъ.

заки (*), соя, горчица. Также шелковыя матеріи, соломенные ящички, корзинки изъ бамбука, лаковыя издѣлія, зонтики, вѣеры, фарфоръ, посуда, большія вазы для воды, и пр. Послѣднія называются *мартуанъ* (круглыя горшки). Ихъ дѣлаютъ въ Симодѣ и въ *Юмино-Мура*, въ провинціи Зоноги, на островѣ *Kiu-siu*. Это превосходная статья для вывоза въ Батавію, гдѣ въ этихъ вазахъ хранятъ воду.

Съ 1685 года ввозъ голландскихъ товаровъ ограниченъ до 50.000 кобанговъ или 300.000 таэловъ, по торговлѣ на счетъ правительства, и до 40.000 по частной торговлѣ (камбангъ).—По цѣнности кобанга въ то время, 300.000 таэловъ представляли около 2.000.000 руб. ассигн.; но нынѣ они стоятъ не болѣе милліона (**).

Какъ бы то ни было, привозъ товаровъ не

(*) Зибольдъ пишетъ *заке* и очень рѣдко *заки*; Фишеръ — *закки*. Трудно опредѣлить настоящее произношеніе этого часто встрѣчаемаго слова.

(**) *Таилъ* или *таэлъ* серебряный стоитъ въ Китаѣ около 8 руб. ассигн.; но хотя Японцы приняли для своихъ расчетовъ эту монету и ея подраздѣленія, однакоже почти невозможно составить себѣ вѣрное понятіе о цѣнности таэла въ настоящую минуту. Если вѣрить Мельборну (*Milburn, Oriental Commerce*, стр. 525), Голландцы считаютъ японскій таэлъ въ 3 флорина съ половиною, или въ семь р. ассигн. Можетъ быть и Мельборнъ неправъ. У Зибольда находимъ вѣсколько разныхъ таэловъ: обыкновенный или простой, иначе компаней-

доходилъ даже и до этой цифры, въ послѣднѣе годы. Съ 1825 года по 1833 включительно, среднимъ числомъ ввезено товаровъ на 600.000 р. ассигн. ежегодно; а въ возвратъ получено японскихъ произведеній на 1.400.000 руб. ассигнац.

Съ этого времени торговля еще уменьшилась. Въ 1846 году привезено голландскихъ товаровъ на 480.000 руб. ассигн.

Изъ всего этого можно заключить, что Голландцы получаютъ не болѣе 300.000 р. ассигн. въ годъ отъ торговли съ Японіею. Изъ этой суммы надобно вычесть издержки на содержаніе заведенія въ Децимѣ, на посольство въ Іедо, на покупку подарковъ и проч. Издержки эти, по исчисленіямъ Голландцевъ, доходятъ до 400.000 р. ассигн. Стало-быть, факторія получаетъ въ годъ не болѣе 400.000 р. чистой прибыли. Можетъ

скій, стоитъ 2 фр. 60 сантимовъ; *таэлъ камбангъ* стоитъ 2 фр. 80 сантимовъ; наконецъ серебряный *таэлъ* стоитъ иногда 4 фр. 20 сантимовъ, а иногда только 3 фр. 47 сант. *Кобангъ*, золотая монета, стоитъ шесть *таэловъ*; на нее-то вычисляютъ количество привозныхъ товаровъ; но это исчисленіе всегда невѣрно, потому что цѣна золота часто измѣняется въ Японіи.—Хотя трудно понять запутанную и тайную торговлю Голландцевъ съ Японцами, однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что она не даетъ блистательныхъ выгодъ, и Голландцы, для поддержанія ея, тщетно жертвуютъ многимъ японскому правительству, которое рѣшилось не давать имъ хода.

быть, въ нашемъ расчетѣ есть небольшая ошибка, но еслибъ Голландцы получали вдвое болѣе, то и въ такомъ случаѣ выручки было бы недостаточно для покрытія тѣхъ пожертвованій, на которыя они себя осуждаютъ.

Въ послѣдніе годы Ява отправляла одинъ только корабль въ Дециму. Не отказываясь отъ этой неправильной торговли, японское правительство слѣдуетъ не внушеніямъ корысти, а уваженію къ стариннымъ привилегіямъ, потому что казна болѣе теряетъ, чѣмъ выигрываетъ отъ сношеній съ Голландцами (*).

Съ другой стороны ясно доказано, что жители Японіи получаютъ отъ торговли съ Китайцами значительныя выгоды; соперники (Голландцы и Китайцы) допущены въ Японію только потому, что государству стали нужны нѣкоторыя статьи заграничной торговли, и что въ случаѣ нужды, одинъ изъ

(*) Японская казна, правда, продаетъ съ значительною выгодною товары, покупаемые у Голландцевъ. Привилегированныя компаніи изъ пяти императорскихъ городовъ Іедо, Міяко, Огозака, Закай и Нагазаки, принимаютъ на себя распродажу этихъ товаровъ. Но барыши казны уничтожаются тѣмъ, что она должна доставлять Голландцамъ мѣдъ и камфору вдвое дешевле того, что эти предметы стоѣтъ въ Японіи (см. стат. Зибольда въ *Moniteur des Indes*, том. II, стр. 336 и 337.)

этихъ источниковъ можетъ замѣнить другой. Эта политика японскаго правительства доказывается слѣдующими фактами, приводимыми Зибольдомъ.

Кемпферъ, въ которомъ Зибольдъ не doubts сомнѣваться, говоритъ, что въ 1683 и 1684 годахъ, болѣе двухъ сотъ китайскихъ судовъ, съ десяти тысячами человѣкъ, приходили ежегодно въ Японію изъ всѣхъ портовъ Китая, изъ Формозы, Кохинхины (Аннама), изъ Сіама и даже изъ Батавіи, и что иностранные торговцы пользовались тамъ возможною свободою, личною и торговою. Но когда династія Манчжурская распространилась по южнымъ провинціямъ Китая и утвердилась на престолѣ въ лицѣ знаменитаго императора *Канъ-ги*, покровителя христіанства, японское правительство тотчасъ же начало прекращать сношенія свои съ этою имперіею, такъ что въ 1685 году число прибывшихъ китайскихъ судовъ уменьшилось до семидесяти, и они привезли товаровъ только на 600.000 таэловъ. Скоро упрятали китайскихъ купцовъ въ Дециму, гдѣ Голландцы были уже заперты съ 1641 года. Имъ назначили около Нагазаки мѣсто, обнесенное рвомъ и высокимъ бамбуковымъ заборомъ; оно названо *китайскою гостинницею* (*to sin yasiki*); Китайцы живутъ тутъ и до сего времени.

Съ тѣхъ поръ китайскіе корабли, подобно

голландскимъ, подвержены строжайшему осмотру; книги и рукописи ихъ разсматриваются опредѣленнымъ для этого чиповникомъ въ Нагазаки: знали, что при пекинскомъ дворѣ находятся миссіонеры, которые пишутъ книги по китайски для распространенія своей вѣры. Кромѣ того, усилили надзоръ за контрабандой; въ 1690 и 1691 годахъ казнены смертію сорокъ три Японца, уличенные въ тайной торговлѣ.

Торговое сословіе много пострадало отъ этихъ стѣснительныхъ мѣръ, и въ особенности потерпѣлъ городъ Нагазаки, который начиналъ поправляться послѣ удара, нанесеннаго ему изгнаніемъ Португальцевъ. Японское правительство думало помочь бѣдѣ, наложивъ на китайскія произведенія пошлину въ 60 процентовъ; платить ее должны были покупатели. Вырученная этимъ налогомъ сумма раздѣлялась между чиновниками и прочими жителями Нагазаки. Налогъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; онъ поступаетъ въ казну, которая выдаетъ жителямъ этого города 42.200 таэловъ.

Подъ вліяніемъ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, торговля Китайцевъ съ Японіею нечувствительно уменьшилась. Въ наше время не увидишь болѣе десяти или двадцати джонокъ въ Нагазаки; а только этотъ портъ открытъ иностранцамъ. Джонки эти

приходятъ изъ Ша-по (Сого), лежащаго на сѣверо-востокъ отъ знаменитаго торговаго города *Гангъ-Чеу*, въ провинціи Чи-Кіянгъ. Онѣ отправляются въ Японію по четыре и по шести вмѣстѣ, въ январѣ и августѣ, а въ обратный путь пускаются въ маѣ и октябрѣ; перѣздъ продолжается отъ семи до десяти дней. Во время пребыванія Зибольда въ Японіи часто случалось, что джонки утверждали, будто бы буря загнала ихъ въ другой портъ, а не въ Нагазаки. Каждый разъ тащили ихъ въ Нагазаки, для чего употреблялось до сотни мелкихъ судовъ. Также замѣчено, что онѣ иногда приходятъ въ Нагазаки безъ груза; почему и полагаютъ, что онѣ занимаются контрбандой по берегамъ Японіи. Жителей Сацумы подозрѣваютъ въ товариществѣ съ китайскими контрбандистами.

Китайцы привозятъ сырецъ, атласъ, бархатъ, дорогія брошированные матеріи, крепъ (его посылаютъ въ Японію красить), шерстяныя европейскія матеріи: камлотъ, казмиръ, мериносъ, сукно, ковры; хлопчато-бумажныя матеріи; слоновую кость, черепаху, персидскую кожу и т. п.; тушь, корицу, сахаръ, мышьякъ, ртуть, серебро, цинкъ, киноварь, бумагу, книги, стекло, часы и множество произведеній мелкой промышленности европейской и китайской.

Японскія произведенія, доставляемыя Китайцамъ японскою казною, кромѣ мѣди, должны стоить 20.000 таэловъ. Въ числѣ этихъ произведеній находимъ сушеную рыбу, раки, лисій мѣхъ, жемчугъ, грибы, индиго, камфору, птичьи гнѣзда и пр. Частные торговцы берутъ то, что особенно цѣнится въ Китаѣ, напр. лакъ, зонтики отъ дождя и отъ солнца, ширмы, драгоценныя шелковыя матеріи, вазы изъ мѣди, желѣза и глины, и другіе предметы роскоши или необходимости для домашняго обихода. Они же вывозятъ значительныя суммы, въ золотой и мѣдной монетѣ.

Кромѣ нѣкоторыхъ статей, японская казна доставляетъ китайскимъ купцамъ всѣ предметы, которые могутъ быть имъ нужны, въ возвратъ за привезенные ими товары. Хотя казна платитъ вознагражденіе жителямъ города Нагазаки, однакоже получаетъ значительныя выгоды отъ торговли съ Китаемъ и вознаграждаетъ ими потерю, которую несетъ въ голландской торговлѣ. Можно объяснить себѣ разницу между двумя этими торговыми предпріятіями, (*) если примемъ въ соображеніе слѣдующіе факты: 1) китайскіе товары болѣе уважаются въ Японіи,

(*) Здѣсь дѣло идетъ о Голландцахъ и Китайцахъ въ Японіи.

потому что въ нравахъ обоихъ народовъ есть несомнѣнное родство; отъ многихъ изъ этихъ товаровъ, вошедшихъ въ привычку, нельзя уже освободиться; 2) Китайцы могутъ доставлять европейскія произведенія за неимо- вѣрно дешевыя цѣны, потому что сами вы- мѣниваютъ ихъ очень выгодно; 3) японская казна беретъ съ Китайцевъ за мѣдъ по 25 таэловъ, т. е. вдвое дороже, чѣмъ съ Гол- ландцевъ, почему и торговая съ Китайцами оказывается гораздо прибыльнѣе; 4) грузъ возвращающихся китайскихъ кораблей со- стоитъ, болѣе чѣмъ на половину, изъ произ- веденій Японіи и сосѣдняго моря, произведе- ній перѣдкихъ, покупаемыхъ казною доволь- но выгодно и продаваемыхъ Китайцамъ еще выгоднѣе.

Ввозъ нѣкоторыхъ европейскихъ товаровъ Китайцами всегда много вредилъ Голландцамъ въ японской торговлѣ. Поэтому начальники факторіи перѣдко жаловались на это губер- натору Нагазакки, но усилія ихъ всегда оста- вались тщетными (какъ и ожидать слѣдо- вало), потому что требованія Голландцевъ противорѣчили частнымъ интересамъ губер- натора и казны. Китайцы теперь столько же опасны Голландцамъ по торговлѣ, сколько будетъ и всякая европейская нація, кото- рая откроетъ сношенія съ Японцами; можно даже сказать, опаснѣе всѣхъ, потому что

путь Китайцамъ проложенъ родствомъ обычаевъ, религіи и происхожденія. Это соперничество становится все сильнѣе и сильнѣе; напримѣръ, заказы на сукна и шерстяныя матеріи въ Голландіи для японской торговли простирались въ 1840 году до 111.786 флориновъ, а съ 1841 по 1846 годъ упали до 68.731 флорина среднимъ числомъ. Упадокъ этотъ произошелъ не отъ одного соперничества Китайцевъ. Ему много содѣйствовали запрещенія, наложенныя новымъ сіюгуномъ на употребленіе иностранныхъ произведеній, и успѣхи японской промышленности, которой оказываетъ всевозможное покровительство этотъ сіюгунъ (*).

Каждый разъ, какъ японское правительство видитъ, что опасность грозитъ его системѣ уединенія, оно тотчасъ же заглушаетъ въ Японцахъ всякое стремленіе къ предметамъ привозной роскоши, создавая подобныя же произведенія и постепенно подрывая цѣны на произведенія европейскія. Нельзя не сознаться, что эта система, если будетъ ис-

(*) Смотри статью Зибольда въ *Moniteur des Indes*, томъ II, стр. 346. Мы знаемъ о вступленіи въ 1842 г. новаго сіюгуна на престолъ только потому, что Зибольдъ говоритъ о немъ мимоходомъ; Зибольдъ даже не называетъ его по имени. Это вѣроятно тотъ сіюгунъ, который названъ *За-фу*, въ таблицѣ доктора Гофмана. См. хронологическую таблицу въ концѣ книги.

полняема съ неуклоннымъ терпѣніемъ, поставить наконецъ неодолимая преграды спекуляціямъ Европейцевъ, хотя бы они и выпросили значительныя улучшенія въ торговыхъ сношеніяхъ.

Какъ уже сказано, экипажи китайскихъ судовъ и китайскіе купцы живутъ въ особенномъ мѣстѣ. Входъ туда охраняется стражею грознаго вида; однакоже Китайцы свободнѣе Голландцевъ въ Децимѣ: они могутъ ходить безъ провожатыхъ и шпионовъ въ буддистскіе храмы; также позволено имъ ходить по улицамъ Нагазаки и заниматься незначительными сдѣлками. За деньги или товары они свободно получаютъ съѣстные припасы и другія потребности. Когда спрашиваетъ у переводчиковъ, почему Китайцамъ предоставлена такая свобода, а Голландцы такъ стѣснены, они отвѣчаютъ: «Китайцы всѣ изъ простаго народа, а Голландцы люди важные.» (*Зибольдъ*).

Ясно, что торговля съ Китаемъ превратилась въ необходимость, а какъ она выгодна частнымъ людямъ, то ее всегда будутъ поощрять въ ущербъ торговли съ Голландцами, до тѣхъ поръ, пока не придется запретить ее по какому нибудь неожиданному событію или по политическимъ причинамъ. До настоящей минуты, сношенія съ Китаемъ прекращались только вслѣдствіе политическихъ

смуть въ сосѣднихъ странахъ азiятскаго материка, и каждый разъ возобновлялись, послѣ измѣненій въ имперіи или въ престолонаслѣдіи, по религіозному вліянію. Важность китайской торговли будетъ возрастать или упадать, смотря по тому, что будетъ дѣлаться въ Японіи съ европейскою торговлею, которая можетъ войти въ милость у сіюгуновъ посредствомъ мирныхъ переговоровъ, или утвердиться силою.

Мореплаваніе и морская наука не могли оказать важныхъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ вся морская торговля ограничивается каботажемъ и гдѣ законы ограничиваютъ постройку судовъ такими правилами, что эти ограниченія равняются совершенно запрещенію всякаго дальнѣйшаго путешествія. Однакоже матросы или моряки японскіе отличаются проворствомъ, знаніемъ приемовъ и смѣлостію: они не боятся бури на своихъ утлыхъ судахъ. За то береговое плаваніе достигло такого же развитія, какъ и внутренняя торговля, которая находитъ болѣе пособія въ сообщеніяхъ водяныхъ, чѣмъ сухопутныхъ; къ послѣднимъ прибѣгаютъ только въ случаяхъ совершеннаго отсутствія первыхъ. Уже въ концѣ втораго вѣка у Японцевъ былъ такой значительный флотъ, что они могли сдѣлать высадку въ Корею и завоевать этотъ полуостровъ. «Вѣроятно, го-

ворить Зибольдъ, старинные японскіе корабли строились по образцу корейскихъ, потому что Корейцы ѣздили въ Японію въ 43 году до Р. Х.» Форма японскихъ кораблей того времени (второго вѣка), рисунки которыхъ можно видѣть въ храмахъ, оправдываетъ это мнѣніе. Но потомъ принята новая форма постройки, сохранившаяся до нашего времени. Она мало похожа на китайскую и вовсе непохожа на европейскую, хотя Японцы могли изучать и ту и другую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Время, когда введена эта форма постройки, и политическія причины, заставившія принять ее, до сихъ поръ неизвѣстны. Какъ бы то ни было, ясно доказано, что нынѣшняя постройка японскихъ судовъ не даетъ имъ возможности предпринимать дальнія путешествія безъ явной опасности; что Японцамъ запрещено выѣзжать изъ отечества, и что Японецъ, возвратившійся изъ чужихъ краевъ, куда былъ брошенъ бурею или крушеніемъ, подвергается надзору, а иногда попадаетъ въ тюрьму на всю жизнь.

Японскіе корабли строятся изъ кедровъ, сосны и камфорнаго дерева. Иногда, но рѣдко, употребляютъ другіе сорта деревьевъ. Въ этихъ корабляхъ киль едва замѣтенъ, корма открытая; рѣчныя суда тяжеле и не такъ изящны, какъ морскія; и содержатся

они не такъ чисто, за исключеніемъ тѣхъ, которыя служатъ для прогулокъ. Почти на всѣхъ судахъ одна мачта, состоящая изъ нѣсколькихъ частей, съ однимъ парусомъ. Гвозди и приборъ мѣдные. Канаты изъ пеньки или изъ листьевъ пальмы (*chamaerops excelsa*). Паруса изъ хлопчато-бумажной холстины, а на малыхъ судахъ—изъ цыновокъ. Якори желѣзные, съ четырьмя вѣтвями. На малыхъ судахъ употребляютъ якори деревянные и бросаютъ ихъ въ воду съ камнемъ. Купеческія суда длиною отъ пятнадцати до тридцати метровъ, шириною въ семь и болѣе. Они могутъ нести до ста пятидесяти тоннъ груза. Зибольдъ очень подробно исчисляетъ разные роды кораблей и барокъ, употребляемыхъ для войны, береговой полиціи, рыбной ловли и торговли. Онъ означаетъ различіе между ними и приводитъ названія, которыя даютъ имъ въ Японіи.

Военные корабли (*икуза-фуне*)—съ двойной палубой и съ галереей на кормѣ, или съ одной палубой безъ галереи. Купеческіе корабли (*акинай-фуне*) раздѣляются на два рода: *сѣверные*, больше размѣромъ и съ высокою кормою, производятъ торговлю въ сѣверной части Японіи, и *южные*. Кромѣ того, есть китоловныя суда (*кудзира-фуне*), рыбацкія барки (*дзури-фуне*), и пр. Большая часть японскихъ судовъ строятся такъ, что

они идутъ и на парусахъ и на веслахъ. Главнѣйшія верфи въ Огозаки, Закай и Фіого.

Въ прибрежныхъ провинціяхъ много портовъ, изъ которыхъ лучшіе для большихъ кораблей суть: Нагазаки, Симонозеки, Фіого, Закай, Іедо, Изиномаки и Авомори. Все-го болѣе посѣщаютъ портъ Огозаки, но онъ неглубокъ и большія суда не могутъ входить въ него. Во всѣхъ этихъ приморскихъ городахъ есть канцеляріи (*тофи-я*), гдѣ производятся едѣлки и собираются пошлины. Въ большихъ торговыхъ городахъ есть также таможенные и морскіе чиновники, которые строго надзираютъ за привозомъ и отпускомъ товаровъ.

Плаваніе по озерамъ и рѣкамъ столько же помогаетъ успѣхамъ внутренней торговли, сколько и каботажное. Рѣка *Іодо-гава*, текущая изъ большаго озера *Оми* и соединяющая Огозаку, центръ торговли, съ провинціями *Оми*, *Ямазиро*, *Кавачи* и даже *Танбой* и *Игой*, особенно полезна для торговыхъ сношеній. Не менѣе полезны *Сумида-гава* и *Нага-гава*, обезпечивающія продовольствіе столицы *Іедо*, и *Зето-гава*, *Огой-гава* и *Абе-гава*, хотя онѣ гораздо меньше.

При такихъ удобствахъ и разнообразіи японскихъ произведеній, и вслѣдствіе дѣятельнаго характера Японцевъ, внутренняя торговля чрезвычайно оживлена. Это замѣчено еще

Кемпферомъ. «Едва вѣроятно, говоритъ онъ, до чего доходитъ торговля въ разныхъ провинціяхъ и одной части имперіи съ другой; какъ купцы заняты и промышленны въ разныхъ мѣстахъ, какъ порты наполнены судами; какъ много видно городовъ богатыхъ и торговыхъ. По берегамъ моря и вблизи портовъ столько народа, столько гребцовъ и матросовъ, кораблей и барокъ, какъ для дѣла, такъ и для прогулокъ, что можно подумать, что вся нація живетъ на берегу морскомъ, а внутренность страны необитаема и брошена.»

Сухимъ путемъ товары перевозятся на лошадяхъ и быкахъ, которые всходятъ и спускаются по лѣстницамъ, выбитымъ въ утесахъ.

Поощреніе, оказываемое туземной промышленности, съ цѣлю избавить Японскую Имперію отъ торговли иностранной, не могло не содѣйствовать развитію внутренней торговли. Уже говорено, что дороги хороши и превосходно содержатся. Правительство не менѣе заботится и о прочихъ средствахъ сообщеній (*).

(*) Учрежденіе заставъ, почтовыхъ станцій, таксы носильщиковъ и пр. восходятъ, кажется, до VII вѣка, до царствованія микадо *Ко-току тенг-о*. Этимъ же государемъ распределены государственныя дѣла на восемь министерствъ или департаментовъ, а именно:

1. Центральное управленіе;

Главное управленіе почтъ (для писемъ и курьеровъ) находится въ Огозакѣ, потому что этотъ городъ считается первымъ по торговлѣ въ имперіи. Изъ него безпрестанно сносятся съ столицами Міяко и Іедо, съ резиденціями князей, губернаторовъ и съ Нагазаки, невольнымъ мѣстомъ жительства иностранцевъ. Почта непремѣнно идетъ изъ Огозаки 7, 17 и 27 чиселъ каждаго мѣсяца въ Нагазаки, а 8, 18 и 28 въ Міяко и Іедо. Впрочемъ, ежедневно можно переписываться изъ Огозаки съ Міяко. Письма вкладываются въ сумку изъ клеѣнки; ее несетъ на палкѣ скороходъ. Подбѣгая къ слѣдующей станціи, онъ кричитъ; отъ него принимаетъ

-
2. Управленіе законовъ и народнаго просвѣщенія;
 3. Внутреннее управленіе;
 4. Общая полиція;
 5. Военное управленіе;
 6. Уголовныя дѣла;
 7. Общее управленіе казны, и
 8. Придворное управленіе.

Ему же приписываютъ поземельное раздѣленіе имперіи по городамъ и рѣкамъ, учрежденіе губернаторовъ въ провинціяхъ и начальниковъ въ округахъ и общинахъ; — перепись домовъ и жителей, исчисленіе податей, произведеній земли, и пр. Наконецъ, увѣряютъ, что онъ же раздѣлилъ всѣхъ чиновниковъ на семнадцать классовъ, и отличилъ ихъ формою и цвѣтомъ шапокъ. Этотъ микадо царствовалъ десять лѣтъ, съ 645 до 654 года.

сумку другой скороходъ и бѣжить далѣе; такимъ образомъ остановки нѣтъ нигдѣ. Если въ сумкѣ есть цѣнныя бумаги, ее несутъ два скорохода; ихъ называютъ *фи-фи-як* отъ китайскаго слова; это значитъ *крылатыя ноги* (*).

Если величайшій и важнѣйшій князь имперіи встрѣтитъ почтоваго гонца, то обязанъ дать ему дорогу и позаботиться, чтобы тоже сдѣлала его свита. Кромѣ этихъ постоянныхъ почтъ всегда можно послать нарочнаго; плата такому скороходу зависитъ отъ времени года. Отъ Огозаки до Нагазаки платятъ отъ 200 до 400 руб. асс. Если же надобно передать важное извѣстіе какъ можно скорѣе, то зажигаютъ на вершинахъ горъ огни или пускаютъ ракеты.

Земледѣіемъ Японцы занимаются прилежно и успѣшно. Вся земля обработана, до самыхъ вершинъ горъ, за исключеніемъ дорогъ и мѣстъ, гдѣ растутъ лѣса, необходимыя для снабженія имперіи строевымъ лѣсомъ и углемъ. Тамъ, гдѣ нельзя пахать водами, люди замѣняютъ ихъ или даже вмѣсто сохи дѣйствуютъ руками. Почва вообще посредственна; но посредствомъ труда, дѣльно рассчитанныхъ орошеній и сильнаго удобре-

(*) Передача денегъ въ Англійской Индіи производится такимъ же образомъ.

нія, изъ нея извлекають нередко самую большую жатву.

Всего болѣе воздѣлываютъ рисъ, который считается лучшимъ въ Азіи. Самый уважаемый сортъ бѣлъ, какъ снѣгъ, и такъ питателенъ, что по словамъ Кемпфера, иностранцы, непривыкшіе къ нему, не могутъ съѣсть его много за одинъ разъ. Ячмень и пшеница также растутъ въ Японіи. Первый употребляется единственно на кормъ скота; да и пшеницу мало уважаютъ. Однако изъ нея готовятъ пироги; она же входитъ въ составъ *сом*, японской приправы, которая въ большемъ употребленіи во всей Японіи и которую привозятъ даже въ Европу. Кроме того, разводятъ много другихъ хлѣбновъ и овощей; у Кемпфера и Зибольда они всѣ исчислены, равно какъ и другія полезныя произведенія, которыя японская промышленность умѣла извлечь изъ царства растительнаго. Выше замѣчено, что Японія производитъ теперь все необходимое для нея количество хлопчатой бумаги и сахару, или, по крайней мѣрѣ, это будетъ въ самомъ скоромъ времени.

Однакоже послѣ риса Японцы главнѣйше занимаются произведеніемъ чая. Онъ ввезенъ въ Японію въ началѣ IX вѣка, когда бонзъ *Енцинь*, возвратившись изъ Китая, поднесъ микадо *Зага* первую чашку чая. Теперь по-

требляется его неимовѣрное количество. Кроме обширныхъ чайныхъ плантацій, почти всѣ изгороди около фермъ состоятъ изъ чайныхъ деревьевъ и доставляютъ этотъ напитокъ семейству и служителямъ фермера. Лучшій чай требуетъ особеннаго ухода. Плантаціи устроены какъ можно дальше отъ жилищъ и даже отъ вспаханныхъ и засеянныхъ полей, чтобы нѣжность чая не пострадала отъ дыма и испареній. Земля въ этихъ плантаціяхъ удобряется сушеными анчоусами и жидкостію, добываемою изъ горчичнаго сѣмени. Она должна лежать подъ прямыми лучами утренняго солнца и даетъ хорошій и обильный плодъ на скатѣ холмовъ, достаточно орошаемыхъ водою. Ранѣе пятилѣтняго возраста не снимаютъ листьевъ съ чайнаго дерева. Сборъ чая и распредѣленіе его—дѣло довольно сложное. Снимая листья, отдѣляютъ простые отъ тѣхъ, изъ которыхъ можетъ выйти чай превосходнаго качества; срываютъ ихъ столько, сколько могутъ высушить до наступленія ночи. Сушатъ чай двоякимъ образомъ: сухимъ путемъ и мокрымъ. Первый способъ состоитъ въ томъ, что листья, безъ всякихъ приготовленій, поджариваются въ желѣзномъ сосудѣ, выбрасываются на цыновку и скатываются рукою. Операция повторяется разъ пять или шесть; при чемъ изъ листьевъ вытекаетъ желтый

сокъ. Второй способъ состоитъ въ томъ, что листья предварительно обдають паромъ, чтобы они завяли; потомъ свертываютъ ихъ рукою и сушатъ, перетряхивая въ желѣзномъ тазѣ.

При такомъ приготовленіи листья теряютъ менѣе желтаго сока, сохраняютъ свѣжій зеленый цвѣтъ и удерживаютъ въ себѣ болѣе наркотическаго свойства. Изъ этого Зибольдъ заключаетъ, что черный и зеленый чай произведеніе одного и того же растенія; вся разница происходитъ отъ способа приготовленія. Тоже говорили г-ну Жансини въ Китаѣ, гдѣ вся разница зеленого чая отъ черного состоитъ въ приготовленіи, которое сообщаетъ зеленымъ чаямъ свойства, несомнѣнно благопріятныя человѣческому здорovью.

Чай легко принимаетъ посторонній запахъ; надобно тщательно беречь его отъ такой заразы.

Японцы въ своихъ статистическихъ таблицахъ дѣлятъ земли на четыре разряда: на весьма плодоносныя, плодоносныя, мало-плодоносныя и бесплодныя. Земли, доставляющія рисъ, принадлежатъ къ первому разряду, и всѣ доходы, какъ императора, такъ и князей и ничтожнѣйшихъ чиновниковъ, исчисляются по числу рисовыхъ мѣръ (*сіо*); сто *сіо* стоятъ среднимъ числомъ около 25 р.

ассигн. Три мѣшка риса содержатъ почти сто *сiо*. и составляютъ то, что Кемпферъ называетъ *кокфъ*, а Зибольдъ *кокъ* или *кокхъ*. Когда хотятъ выразить состояніе какого нибудь князя, то говорятъ, что у него дохода столько-то тысячъ *кокъ*. Такимъ образомъ князь Фицева (на островѣ Кіузіу) имѣетъ, по словамъ Зибольда, 370 т. *кокъ* или 8.925.000 руб. ассигн. Жалованье чиновникамъ платится монетою и рисомъ. Такъ начальникъ переводчиковъ въ Децимѣ получаетъ 3.500 серебряныхъ тааловъ и 1050 *сiо* риса (*).

Поверхность обработанныхъ полей измѣряется посредствомъ *цiо* или *маци* (маци немного болѣе французскаго гектара). Ежегодно, передъ посѣвомъ, поля измѣряются присяжными землемѣрами, «которые гордятся своими геометрическими знаніями и имѣютъ право носить двѣ сабли; право, предоставленное только дворянамъ и солдатамъ» (**).

При наступленіи жатвы, приступаютъ къ новому измѣренію, и землемѣры вычисляютъ возможный урожай. Заключенія ихъ всегда удивительно вѣрны. Они дѣлаютъ частную жатву на извѣстномъ пространствѣ и по ней выводятъ заключеніе обо всемъ урожаѣ.

(*) См. Зибольда. «Опытъ о торговлѣ съ Японіею», въ *Moniteur des Indes*, томъ II, стр. 334.

(**) Смотри. Кемпфера, часть I, стр. 104.

Землевладельцы получают въ Японіи шесть десятыхъ долей жатвы изъ риса, пшеницы, овощей, и пр., а фермеръ имѣетъ право на остальные четыре десятыхъ. Фермеры, обрабатывающіе казенныя земли, отдають казенному вѣдомству только четыре десятыхъ доли жатвы, а остальными шестью пользуются сами. — Кто разработалъ бесплодную землю, тотъ можетъ пользоваться ею впольнѣ въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ. При заключеніи условій на обработку земли, принимается во вниманіе ея качество; но вообще встрѣчаются расчеты землевладельцевъ съ фермерами въ такой пропорціи, какая показана выше. Если земледѣлецъ цѣлый годъ не обрабатываетъ своего поля, то теряетъ право на самую землю.

Остается сказать нѣсколько словъ о чудесахъ садоводства. Мы уже говорили мимоходомъ объ удивительномъ искусствѣ японскихъ садовниковъ. Они равно умѣютъ изъ маленькихъ растений дѣлать высокія и изъ высокихъ низенькія. Мейланъ говоритъ, что видѣлъ въ 1826 году небольшой ящикъ, не болѣе дюйма въ діаметрѣ и трехъ въ вышину (Фишеръ утверждаетъ, что ящичекъ былъ длиною въ четыре дюйма, шириною въ полтора), въ которомъ превосходно росли сосна, бамбукъ и вишневое дерево; послѣднее даже цвѣло! Цѣна этой диковинки не пре-

вышла 2.500 р. ассигн. Какъ примѣръ противнаго, Мейланъ указываетъ на сливныя деревья, покрытыя цвѣтами, изъ которыхъ каждый равнялся четыремъ большимъ розамъ! Онъ также рассказываетъ о рѣдкахъ, которыя вѣсили отъ 50 до 60 фунтовъ! Рѣдка въ пятнадцать фунтовъ не считается чѣмъ нибудь необыкновеннымъ; такія рѣдки попадаютъ очень часто въ торговлѣ.

Зибольдъ упоминаетъ о гигантскомъ латукѣ (*tussilago gigantea*); въ садахъ листья его бываютъ длиною въ полтора аршина. Также придаютъ гигантскіе размѣры нѣкоторымъ деревьямъ, напримѣръ, ели. Зибольдъ указываетъ на одну изъ такихъ знаменитыхъ елей въ провинціи *Кай* и на другую въ провинціи *Кадсуза*; послѣдняя имѣетъ десять футовъ въ діаметрѣ. Возлѣ храмовъ часто встрѣчаешь ели громадныхъ размѣровъ. Тунбергъ тоже говоритъ, что видѣлъ близъ Іедо, въ Олеварѣ, огромную сосну, которой горизонтальныя вѣтви, поддерживаемыя палками, простирались на двадцать шаговъ во всѣ стороны и совершенно покрывали сельскій домикъ или бесѣдку.

Изъ сказаннаго выше видно, что земледѣліе и садоводство въ Японіи представляютъ много общаго съ садоводствомъ въ Китаѣ. Любовь къ растительнымъ чудовищамъ равносильна тутъ и тамъ. Въ искусствахъ и въ

домашней экономіи много одинаковыхъ приемовъ; и въ общественной системѣ обоихъ народовъ много общаго. Однакоже характеры этихъ двухъ націй совершенно различны, и надобно признаться, что это различіе въ пользу Японцевъ. Они усовершенствовали почти все, что заняли у Китайцевъ, и самимъ себѣ обязаны тѣмъ мѣстомъ, которое занимаютъ между азіятскими народами.

Для объясненія японскихъ монетъ и ихъ цѣнности, въ концѣ этой книги приложена особая таблица.

УСИЛІЯ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ ВСТУПИТЬ ВЪ СНОШЕНІЯ СЪ ЯПОНИЕЮ.

Съ той минуты, какъ японское правительство рѣшительно истребило христіанство въ своемъ архипелагѣ и торговля имперіи съ Европой ограничилась сношеніями съ голландскою факторіей въ Децимѣ, произвольное политическое уединеніе этой гордой націи было уважаемо въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ; никто не думалъ мѣшать ему. Можно указать, какъ на исключеніе, на робкую и неловкую попытку Англичанъ, въ царствованіе Карла II, въ 1673 году. Она не удалась по многимъ причинамъ; но главнѣйшая изъ нихъ, безъ сомнѣнія была та, что англійская королева принадлежала къ португальскому королевскому дому (*).

Не имѣя пищи, страсти, причины исклю-

(*) Всю эту ненависть Японцевъ къ Португалии породили португальскіе миссіонеры, которыхъ неосторожная ревность много повредила Европейцамъ въ мнѣніи японскаго правительства.

чительныхъ законовъ, мало по малу замерли; въ концѣ прошедшаго вѣка запретительная система все еще поддерживалась; но равнодушіе Японцевъ къ заграничной торговлѣ и неизмѣнное ихъ уваженіе къ существующимъ обычаямъ помогали ей болѣе, чѣмъ ненависть къ иностранцамъ или страхъ видѣть ихъ въ Японіи. Въ такомъ положеніи, торговля и всякое бесполезное сообщеніе съ иностранцами были запрещены; но позволяли иностраннымъ кораблямъ, въ минуты опасности, подходить къ японскимъ берегамъ и доставляли имъ съѣстные и другія потребности. Капитанъ Браунтъ (Broughton), изслѣдовавшій японскія моря въ 1795—97 годахъ, былъ послѣдній англійскій мореходецъ, воспользовавшійся гостепріимствомъ и довѣренностію Японцевъ. Съ того времени сдѣлано нѣсколько несчастныхъ попытокъ, которыя, по увѣренію Голландцевъ, возвратили націи всю энергію прежней ея ненависти къ иностранцамъ. Зибольдъ, однакоже, сомнѣвается въ этой реакціи, и увѣренъ, что отъ нея не осталось теперь слѣдовъ, если даже она когда нибудь и существовала.

Американцы прежде другихъ націй пытались нарушить японскіе законы. Первая попытка ихъ относится къ тому времени, когда Англія воевала съ Голландіей (а Голландія принадлежала тогда Франціи). Извѣ-

стно, что голландскіе правители въ Батавіи, для продолженія торговли Явы съ Японіей, нанимали корабли нейтральныхъ державъ, чтобъ англійскіе крейсера не захватили голландскихъ транспортовъ. Первый американскій корабль, отправленный Голландцами въ Японію, былъ *Элиза*, изъ Нью-Йорка, капитанъ Стеуартъ, совершившій путешествіе въ 1797 году.

Прибытіе его тотчасъ же возбудило въ Японцахъ подозрѣнія. Корабль подъ голландскимъ флагомъ, а матросы говорятъ по англійски: это показалось японскимъ властямъ такою непонятною странностію, что онѣ пришли въ ужасъ. Не безъ труда президентъ факторіи объяснилъ губернатору, что эти кажущіеся Англичане вовсе не Англичане, живутъ очень далеко отъ Англіи и не подчинены англійскому королю. Президентъ увѣрялъ, что это Англичане втораго разряда (такъ называютъ Американцевъ въ Китаѣ). Но эти объясненія оказались недостаточными; прежде всего слѣдовало доказать, что Американцы не участвуютъ въ торговлѣ, что они употреблены только для перевозки товаровъ, и притомъ на военное время. Губернаторъ убѣдился наконецъ, что эти иностранцы прибыли не для торговыхъ дѣлъ и что употребленіе нейтральныхъ судовъ въ то время было необходимо; поэтому изъявилъ согласіе принять *Элизу* какъ голландскій корабль.

Въ слѣдующее путешествіе капитанъ Стеуартъ претерпѣлъ крушеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что частыя его свиданія съ Японцами, во время починки *Элизы*, подали ему мысль завести съ ними прямыя сношенія. Президентъ Дёфъ не очень ясно излагаетъ планъ и средства американскаго капитана; но вотъ подробности этого любопытнаго дѣла.

Послѣ починки *Элизы*, ее нагрозили и отправили въ обратный путь; но отъ сильнаго вѣтра она скоро потеряла мачты и воротилась опять въ Нагазаки. Это несчастное обстоятельство задержало ее такъ долго, что прибылъ въ Японію и другой нанятый Голландцами американскій корабль, *Франклинъ*, капитанъ Деверѣ, въ 1799 году, и готовился къ отплытію, когда самъ Стеуартъ предпринималъ обратный путь. Но онъ рѣшительно отказался подождать товарища и вышелъ въ море въ первыхъ числахъ ноября 1799 года. На слѣдующій годъ капитанъ Стеуартъ опять явился, но уже на новомъ кораблѣ и для другой цѣли. Онъ не могъ (говорилъ онъ) добраться до Батавіи; *Элиза* погибла, и съ нею погибли и всѣ его сокровища и грузъ Голландцевъ. По счастію одинъ изъ его друзей въ Маниль далъ ему денегъ на постройку новаго брига, и капитанъ пріѣхалъ продавать свой грузъ для расплаты съ факторіей.

Между-тѣмъ въ управленіе факторіею всту-

нилъ новый президентъ, Виллемъ Ваарденааръ. Онъ догадался, что новый прїѣздъ Американца скрываетъ тайные замыслы; что его привело въ Японію желаніе завести торговыя сношенія, отъ своего частнаго имени или отъ имени Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ убѣдился, что Стеуартъ рассказываетъ ложь и выдуманную исторію, когда увидалъ на новомъ бригѣ разные предметы, видѣнные на *Элизѣ*, хотя по рассказамъ капитана, при крушеніи послѣдняго корабля не успѣли спасти ничего. Поэтому президентъ принялъ свои мѣры. Продавъ грузъ капитана Стеуарта, заплатили вырученными деньгами долгъ его факторіи; но не дали ему возвратнаго груза; самого капитана взяли и отправили въ Батавію на голландскомъ кораблѣ, чтобы онъ тамъ оправдался въ растрату груза, отправленнаго на *Элизѣ*.

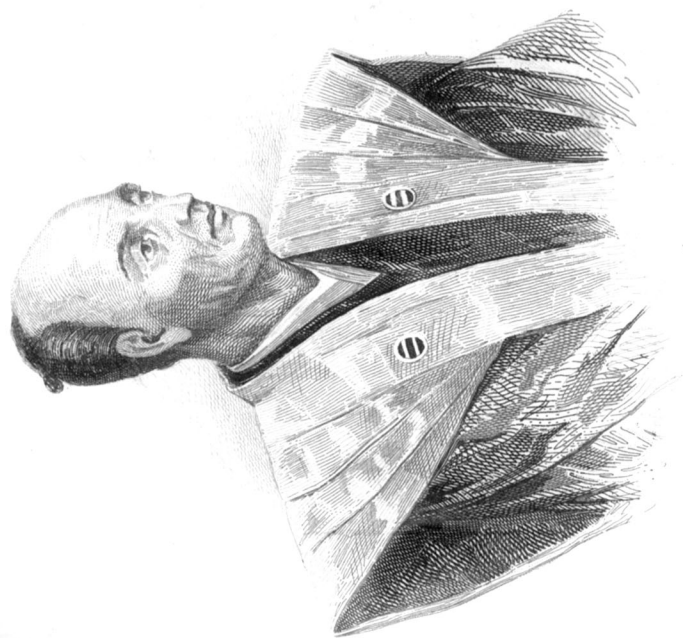
Во время слѣдствія, Стеуартъ успѣлъ бѣжать изъ голландской колоніи, и года два о немъ не слыхали ни слова. Въ 1803 году онъ опять явился въ заливѣ Нагазаки, но уже открыто и безъ обмана. На кораблѣ его развѣвался американскій флагъ; грузъ его, изъ Бевгаліи и Кантона, считался американскою собственностію; онъ просилъ позволенія торговать и запастись водою и масломъ. На первую просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ, на вторую же согласились и,

доставивъ ему припасы, тотчасъ принудили удалиться. Болѣе капитанъ Стеуартъ не являлся; онъ вѣроятно убѣдился, что всѣ его попытки будутъ тщетны и бесполезны.

Въ 1800, 1801, 1802 и 1803 годахъ торговля между Батавіей и Нагазаки производилась посредствомъ американскихъ кораблей, подъ голландскимъ флагомъ. Въ 1806 году отправлены корабли, одинъ американскій, другой бременскій; въ 1807, американскій и датскій; наконецъ, въ 1809, одинъ американскій, *Ревекка*. Съ 1800 по 1804 годъ видимъ только двѣ попытки завести прямую торговлю съ Японіей: первая произведена капитаномъ Стеуартомъ, а вторая, въ 1803 году, англійскими купцами изъ Калькутты, которые отправили два корабля въ Нагазаки.

Послѣ капитана Стеуарта, Японцы не слышали объ Американцахъ до 1807 года. Въ это время американскій корабль плылъ изъ Кантона къ западнымъ берегамъ Америки и присталъ къ Нагазаки, увѣряя, что у него нѣтъ ни воды, ни дровъ; по ходатайству Дѣфа, ему безденежно дали то и другое. Правду ли говорилъ американскій корабль? или это была новая попытка завести торговля сношенія? этотъ вопросъ факторія не могла рѣшить удовлетворительно.

Потомъ американскіе купцы въ Макао рѣшились на попытку частію религіозную, ча-

1.

2.

стію торговую. Въ іюлѣ 1837 года миссіонеръ-докторъ и ученый оріенталистъ Гуцлафъ отправились изъ Макао на *Мориссонъ*; корабль совершалъ путешествіе съ самою безукоризненною цѣлію: онъ отвозилъ въ Японію нѣсколькихъ Японцевъ, претерпѣвшихъ крушеніе. *Мориссонъ* вошелъ въ заливъ Іедо, куда запрещенъ входъ даже судамъ, изъ странъ, принадлежащихъ Японіи. Послѣ переговоровъ, подавшихъ надежду миссіонерамъ, начали палить въ ихъ корабль. Они поспѣшили уйдти въ море и потомъ бросили якорь въ заливѣ Каго-Сима, въ сачумскомъ княжествѣ; ихъ и оттуда выгнали такимъ же образомъ. Вознегодовавъ на измѣну Японцевъ (такъ называетъ докторъ Паркеръ стойкость ихъ), мореплаватели рѣшились воротиться въ Макао, не посѣтивъ именно того порта, гдѣ могли бы высадить своихъ бѣдныхъ Японцевъ. Отчего произошла эта ошибка? отъ незнанія, или отъ недовѣрчивости къ Голландцамъ? Миссіонеры интригамъ факторіи приписывали неудачу первыхъ попытокъ, и привезли своихъ Японцевъ обратно въ Макао (*).

(*) Противъ такого обвиненія трудно защищать Голландцевъ; разумѣется, они всѣми силами старались сохранить то, что пріобрѣтено столь тяжкими трудами и неисчислимыми пожертвованіями. Для торговли съ

Ниже увидимъ, чѣмъ кончилась попытка, произведенная по приказанію американскаго правительства.

Русскіе, въ началѣ XIX вѣка, тоже хотѣли познакомиться съ Японіей, и сначала можно было надѣяться, что дѣло приметъ самый благопріятный и выгодный оборотъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, японскій корабль погибъ у сибирскихъ береговъ; Императрица приказала отвести въ Японію весь экипажъ, спасенный отъ смерти. Русскій корабль дѣйствительно привезъ несчастныхъ въ Мацмай въ 1792 году; капитанъ Адамъ Лаксманъ, командиръ корабля, завелъ переговоры о торговлѣ. Его офиціально благодарили за возвращеніе японскихъ матросовъ и позволили запасти съѣстными припасами въ Нагазаки, гдѣ онъ могъ продолжать и переговоры съ мѣстными властями о своихъ предложеніяхъ. Въ то же время ему объявили, что только одинъ портъ, Нагазаки, назначенъ для приѣма иностранцевъ, и если когда нибудь Русскіе войдутъ въ какое другое мѣсто, даже для доставки Японцевъ, то ихъ (Русскихъ) безъ всякихъ

Японіей факторія жертвуетъ даже своей свободой и живетъ въ-заперти, въ самомъ строгомъ заключеніи. При томъ же, она такъ мало получаетъ выгоды, что и дѣлится ей нечѣмъ съ Американцами.

оговорокъ возмутъ въ плѣнъ. До сихъ поръ дѣло шло хорошо; но капитанъ Лаксманъ не пошелъ въ Нагазаки. Вѣроятно, вниманіе мудрой Императрицы отвлекалось отъ японскаго вопроса важностію тогдашнихъ политическихъ событій въ Европѣ (*).

Въ 1804 году послали русскій военный корабль въ Нагазаки. На немъ отправился камергеръ Резановъ, посланникъ Русскаго Императора къ сіюгуну. Камергеру дали полномочіе для переговоровъ и заключенія мирнаго и торговаго трактата между Россіей и Японіей. Голландское правительство офиціально рекомендовало Резанова голландской факторіи въ Децимъ; кромѣ того, изъ Батавіи прислали особыя инструкціи на счетъ этого новаго русскаго посольства. Часть ихъ президентъ Дѣфъ сообщилъ губернатору,

(*) Докторъ Зибольдъ полагаетъ, что капитана Лаксмана отсылали въ Нагазаки князь или его секретарь, чтобы избавиться отъ гостя, потому что городъ Мацмай никакъ не могъ держаться противъ русскаго военнаго корабля. Но достопочтенный докторъ явно ошибается. Капитанъ Лаксманъ пришелъ въ Японію какъ союзникъ, съ миролюбивыми инструкціями, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ нападать на японскіе города. Японцы не такіе трусы, чтобы имъ причудилось враждебное расположеніе въ Лаксманѣ. Дѣло объясняется очень просто: Лаксманъ долженъ былъ отвести Японцевъ, — отвезъ и воротился. Вести переговоры въ Нагазаки онъ не могъ, потому что не имѣлъ инструкцій на этотъ случай.

такъ что японскія власти были приготовлены къ прїѣзду Резанова.

7-го октября русскій корабль вошелъ въ заливъ Нагазаки. Послали къ нему особенную комиссію для осмотра и отобранія оружія. Изъ уваженія къ русскому посланнику, Японцы пригласили съ собой и президента факторіи. При первомъ свиданіи, начались несогласія Русскихъ съ японскими чиновниками. Чиновники требовали необыкновенныхъ почестей, какъ представители сіюгуна; разумѣется, Резановъ не могъ согласиться на ихъ требованія, потому что самъ былъ посланнымъ Русскаго Императора и не хотѣлъ кланяться чиновникамъ простаго провинціальнаго губернатора (*).

Кромѣ того возникъ другой споръ, объ оружіи, которое Русскіе никакъ не хотѣли отдать. Въ этомъ второмъ вопросѣ, какъ и въ первомъ, дѣло шло совсѣмъ не о безопасности:

(*) Кстати здѣсь припомнить раздоры между Кореей и Японіей, которыя прекратились только во времена Дѣфа. Принято, что владѣтель Кореи отправляетъ посольство къ новымъ сіюгунамъ, съ поздравленіемъ по случаю вступленія на престолъ. Прежде посольство всегда являлось въ Іедо; но послѣдній сіюгунъ не допустилъ его въ свою столицу и приказалъ, чтобы послы поклонились цузимскому князю, непосредственному надзирателю за Кореей. Корейцы не хотѣли покориться такому униженію: они непремѣнно хотѣли быть въ Іедо. Переговоры продолжались нѣсколько

Русскіе объявили, что они готовы выдти на берегъ и отдать въ руки Японцевъ всѣ военные припасы.

Президентъ Дёфъ увѣряетъ, что только по его неотступной просьбѣ губернаторъ согласился впустить русскій корабль въ портъ и позволить ему ждать, въ безопасномъ мѣстѣ, отвѣта высшаго правительства на счетъ вопросовъ, которые завязались между Русскими и Японцами. Только вечеръ 7 ноября могли Голландцы провести весело въ обществѣ Европейцевъ. На другой день мѣстные власти въ Нагазаки начали показывать недовѣрчивость; начали бояться стачки между этими иностранцами, которыхъ интересы были такъ различны и такъ прямо противоположны. Съ этой минуты, не позволили имъ и разговаривать между собою. Однакоже они достигли того, что переписывались по Французски, при помощи переводчиковъ.

лѣтъ; поклоненіе не было совершено. Наконецъ послали въ Цзиму князя Кокура (великаго казначея) и еще министра финансовъ, въ качествѣ представителей сіюгуна, для принятія поздравленій отъ Корейцевъ, которые согласились на эту сдѣлку. Депутатія проѣхала чрезъ Дециму и посѣтила Дёфа. Какъ все это ничтожно и мелко! Но надобно же умѣть уживаться съ людьми; не смотря на это золотое правило, нельзя, кажется, не ссориться съ японскими чиновниками, которые постоянно отличаются пустымъ чванствомъ, корыстолюбіемъ и мнимымъ усердіемъ къ службѣ.

Японцы такъ боялись, что даже удалили съ обыкновенной стоянки настоящій голландскій корабль, пришедшій изъ Явы въ этотъ годъ; его поставили на большомъ разстояннѣ отъ русскаго, и когда онъ уходилъ, ему рѣшительно запретили отвѣчать на русскія привѣтствія. Едва позволили голландскому капитану махнуть шляпой. Эта неучтивость очень оскорбила Русскихъ, которые вообще не привыкли къ такимъ поступкамъ и продѣлкамъ.

Между тѣмъ посланникъ настоятельно просилъ позволенія выйти на берегъ. Капитанъ Крузенштернъ, командиръ корабля, не менѣе Резанова желалъ отдохнуть. Но просьбы ихъ были противны японскому закону. Слѣдовало просить разрѣшенія изъ Іедо. Всѣ эти затрудненія довели до того, что оба губернатора съѣхались въ Нагазаки, чего никогда не видывали въ Японіи. Въ такомъ опасномъ положеніи очередной губернаторъ не смѣлъ ѣхать въ Іедо, хотя товарищъ его прибылъ уже на смѣну. Они долго совѣщались и ждали приказаній изъ Іедо. Они прежде всего справились, можетъ ли факторія принять Русскихъ къ себѣ въ Дециму. Дѣфъ согласился, хотя часть факторіи была недавно истреблена пожаромъ. Губернаторы, узнавъ о согласіи Дѣфа, вздумали помѣстить Русскихъ въ храмъ. Но и этотъ про-

эктъ былъ брошенъ, и рѣшились дать имъ квартиры на рыбномъ рынкѣ, на самомъ концѣ города, противъ Децимы. Поспѣшно очистили рынокъ и приготовили къ принятію посольства, окруживъ это мѣсто заборомъ, чтобы Русскіе не могли ни съ кѣмъ имѣть сообщенія. Приготовленія кончились въ концѣ декабря; Резановъ со свитой своей перешахъ въ эту странную гостиницу; около нея караулъ содержали русскіе солдаты, съ незаряженными ружьями. Говорятъ, что сіюгунъ былъ очень недоволенъ распоряженіемъ губернаторовъ: они могли вовсе не принять посольства, но принявши, должны были обходиться съ нимъ чрезвычайно вѣжливо, особенно въ дѣлахъ неполитическихъ, всеневныхъ. Въ прежнее время сіюгунъ отрубилъ головы португальскимъ посламъ и отослалъ живыми только необходимыхъ свидѣтелей казни; но онъ и не думалъ ушибать, огорчать или оскорблять ихъ.

Дѣфъ приписываетъ всѣ эти замедленія, затрудненія, словомъ всю неудачу, тому несчастному обстоятельству, что Русскіе не хотѣли выдать оружія и подвергнуться японскимъ поклошеніямъ (эти поклоненія впрочемъ не такъ унизительны, какъ китайское *коту*). Русскіе же приписывали неудачу свою недоброжелательству и интригамъ голландскихъ купцовъ. На этомъ вопросѣ нечего и

останавливаться: очевидно, что Голландцамъ вовсе ненуженъ былъ успѣхъ предложеній Резанова; но съ другой стороны, ненужно было Голландцамъ и стараться о неуспѣхѣ: они навѣрное знали, что всѣ усилія посольства тщетны, по расположенію сіюгуна, по силѣ законовъ и по инстинкту всей націи. Однакожъ это дѣло показалось столь важнымъ, что, по словамъ Фишера, сіюгунъ счелъ нужнымъ испросить разрѣшенія микадо: вѣроятно для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за поступокъ, который могъ довести до войны.

Въ концѣ марта прибылъ въ Нагазаки комиссаръ, изъ самыхъ высшихъ шіюновъ, съ отвѣтомъ отъ сіюгуна. Резанова пригласили на аудіенцію для выслушанія этого отвѣта. Губернаторъ просилъ Дѣфа дать русскому посланнику президентскій *нормонъ*, чтобы перенести его изъ его жилища въ губернаторскій домъ. Всѣ приготовленія, сдѣланныя по этому торжественному случаю, имѣли одну цѣль: воспрепятствовать Резанову видѣть городъ и жителей. Мѣстные власти приказали запереть ставни во всѣхъ домахъ на тѣхъ улицахъ, по которымъ слѣдовало проѣзжать русскому посольству, заперли всѣ другія улицы, черезъ которыя можно было пробраться на путь посольства, и приказали всѣмъ жителямъ сидѣть дома,

за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ призвали на службу.

Русское посольство переѣхало черезъ заливъ въ увеселительной лодкѣ фиценскаго князя; *норимонъ* голландскаго президента ждалъ посланника у пристани: это было первое и послѣднее почтеніе, оказанное его высокому сану. Свита его шла пѣшкомъ. На другой день дали ему вторую аудіенцію и какъ въ то время шелъ проливной дождь, то дали русскимъ офицерамъ *канго*. Отвѣтъ сіюгуна былъ рѣшительный отказъ; пригласили Дѣфа перевести официальную бумагу на голландскій языкъ; онъ замѣтилъ, что Русскіе вѣроятно не знаютъ по голландски и предложилъ перевести ее тутъ же на французскій языкъ. Но Японцы, не знавшіе, что такое французскій языкъ, не могли бы провѣрить этотъ переводъ, и потому отказались отъ него. Они хотѣли только объявить отвѣтъ сіюгуна, нисколько не заботясь о томъ, будетъ ли онъ понятъ.

Главный предметъ переговоровъ былъ уже устраненъ; но переговоры еще не прекратились. Сіюгунъ не принялъ русскихъ подарковъ, поэтому и Резановъ не могъ принять подарковъ, ему предложенныхъ. Это обстоятельство было для губернатора чрезвычайно важно. Онъ получилъ приказаніе доставить и вручить Резанову подарки; еслибъ послан-

никъ оскорбилъ его отказомъ, то губернатору оставалось бы только одно средство: распороть себѣ брюхо. Такому примѣру послѣдовали бы и многіе его подчиненные. Переводчики, научившіеся немного по русски, упростили Резанова принять кое-что. Разумѣется, что онъ не могъ отказать въ принятіи подарковъ изъ челоуѣколюбія, узнавъ отъ переводчиковъ или отъ Дѣфа, какая страшная участь ожидаетъ губернатора и чиновниковъ.

Японцы, согласно существующему обычаю, содержали Русскихъ на свой счетъ во все время пребыванія ихъ въ Нагазаки, а кораблю доставили всѣ необходимыя предметы передъ его отплытіемъ.

Резановъ вскорѣ умеръ, и потому не успѣлъ ни прочесть обвиненій, вводимыхъ на него Дѣфомъ, ни написать собственнаго своего разсказа о посольствѣ.

Онъ рѣшился отмстить за все, что перенесъ въ Японіи. По его настоянію отправлены два корабля, подъ командою гг. Хвостова и Давыдова, для занятія сѣверныхъ острововъ Японіи или другихъ земель, ей принадлежащихъ.

Русскіе, въ то время, уже основались на сѣверныхъ Курильскихъ островахъ. Занятіе этихъ дикихъ и безплодныхъ острововъ было, можетъ статья, совершенно неизвѣстно въ Едо.

Хвостовъ и Давыдовъ вышли на островъ Крафто (или Сахалинъ), одинъ изъ южныхъ острововъ, принадлежавшихъ еще Японіи. Они напали на него въ 1806 году, сожгли нѣсколько деревень и увели жителей. Передъ отъѣздомъ, они разбросали по острову объявленія на русскомъ и французскомъ языкахъ о томъ, что экспедиція ихъ имѣла цѣлю показать Японцамъ силу Россіи, и какъ дурно поступили они, не принявъ дружескихъ предложеній Резанова.

Мѣстное управленіе и правительство остоленѣли, узнавъ объ этомъ происшествіи. Губернаторъ Нагазаки вѣроятно во исполненіе приказаній высшаго начальства, нѣсколько разъ спрашивалъ президента голландской факторіи, что думаетъ онъ объ этомъ дѣлѣ и прислалъ въ факторію русскій манифестъ на французскомъ языкѣ съ просьбою перевести его по голландски. Японскіе переводчики перевели кое какъ русскій текстъ: они (говоритъ Жансиньи) успѣли научиться по русски во время пребыванія русскаго посольства въ Нагазаки, т. е. въ нѣсколько мѣсяцевъ (*).

(*) Или Японцы имѣютъ изумительную способность учиться языкамъ, или г. Жансиньи явно ошибается, увѣряя, что они могли научиться русскому языку въ такое короткое время. Впрочемъ они могли перевести русское объявленіе безъ большаго труда, напередъ зная, что некому повѣрять ихъ.

*

Но это событіе не произвело никакихъ важныхъ послѣдствій.

Если вѣрить Бюргеру и рассказамъ, которые слышалъ г. Жансини въ Батавіи, то нѣтъ сомнѣнія, что цѣль русскаго посольства была бы достигнута, если-бъ оно было ввѣрено человѣку осторожнѣе и осмотри-тельнѣе Резанова. По мнѣнію Зибольда и Бюргера посольство не удалось особенно потому, что Резановъ не зналъ обычаевъ и формъ японскихъ, что самые переговоры ведены очень неискусно и что не успѣли воспользо-ваться прежними обѣщаніями, данными во время пріѣзда Лаксмана въ Японію. Хотя о посольствѣ Резанова мало писано, однакожъ и изъ напечатаннаго ясно видно, что онъ дѣла своего не исполнилъ, хотя оно было возможно.

Черезъ четыре года послѣ этихъ событій, капитану Головнину поручили изслѣдовать японскія моря и особенно ту часть Курильскаго Архипелага, которая принадлежала Россіи. Во время этого замѣчательнаго путешествія нѣсколько матросовъ вышли на островъ Еторопъ (по Зибольду), близъ крѣ-пости. Ихъ едва не взяли въ плѣнъ. Головнинъ убѣдилъ комманданта, что набѣгъ Хво-стова и Давыдова былъ дѣломъ частнымъ, что они за него достойно наказаны и что самъ онъ приблизился къ берегу только по-

тому, что нуждается въ водѣ. Головнинъ имѣлъ двухъ переводчиковъ: Курильца, говорившаго по русски, и Японца, говорившаго по курильски. Японскій начальникъ, удовольствовавшись этимъ объясненіемъ, принялъ и угощалъ русскаго капитана гостепріимно и далъ ему письмо къ начальнику другой крѣпости, на томъ же островѣ, гдѣ стоянка будетъ лучше и гдѣ легче будетъ запастись необходимыми для корабля припасами.

Головнинъ не считъ за нужное воспользо-ваться этимъ одолженіемъ и письмомъ и продолжалъ изучать подробности архипелага, сообразно съ данными ему инструкціями. Наконецъ дѣйствительно понадобились ему дрова и вода, и онъ пошелъ не въ то мѣсто, куда было дано письмо, а въ заливъ Кунаширь (Куназиро), одинъ изъ самыхъ южныхъ въ архипелагѣ. Начались переговоры съ тамошнимъ начальникомъ, но кончились плачевно. Японецъ принялъ его ласково; даже внушилъ ему полное довѣріе; но въ одинъ день, когда Головнинъ вышелъ на берегъ безъ особенныхъ мѣръ осторожности, его схватили и связали съ офицерами и гребцами.

Съ Русскими обращались и жестоко и ласково; эта странная смѣсь всего болѣе удивляла ихъ, хотя она вовсе не кажется уди-

вительною людямъ, коротко знакомымъ съ японскими нравами. Японцы думали, что надобно беречь ихъ пуще глаза, и потому рѣшительно пускались на всякія пытки, только бы плѣнники не ушли. Съ другой стороны, Японцы очень человеколюбивы и всегда готовы показать состраданіе къ страждущему человеку и подать ему облегченіе и развлеченія, какія позволяютъ обстоятельствами (*).

Русскихъ перевязали бичевками, такъ что они едва могли передвигать ноги; руками двигать не могли: ихъ кормили и поили какъ маленькихъ дѣтей. За каждый конецъ бичевки держался японскій солдатъ; въ такомъ положеніи повели ихъ въ плѣнъ. При переездахъ по морю, ихъ клали одного на другого, въ лодкахъ. Бичевки наконецъ врѣзались имъ въ тѣло, и, не смотря на частыя жалобы несчастныхъ, Японцы не думали перевязать ихъ и перемѣнить бичевки. Между тѣмъ каждый вечеръ примачивали ихъ раны съ величайшимъ стараніемъ; сторожа, сами истомленные, всегда готовы были нести плѣнниковъ, какъ скоро замѣчали въ нихъ уста-

(*) Мы съ намѣреніемъ не измѣняемъ разсказа Жан-сильви о плѣнѣ Головнина. Это иностранный источникъ, и читатели могутъ сравнить его съ разсказомъ самого Головнина, давно уже напечатаннымъ по русски и переведеннымъ почти на всѣ европейскіе языки.

лость; жителямъ обоихъ половъ позволялось безпрепятственно кормить ихъ самыми сытными блюдами.

Впрочемъ, Русскимъ нѣсколько разъ говорили, что содержать ихъ въ плѣну нисколько не хуже Японцевъ, равныхъ имъ по чину.

Наконецъ привели ихъ въ Мацмай и посадили въ тюрьму. Черезъ нѣсколько времени устроили особый домъ, гдѣ плѣнники могли жить поудобнѣе. Но они воспользовались этимъ облегченіемъ и хотѣли бѣжать; за такую попытку ихъ подвергли самому строгому тюремному заключенію. Однакоже губернаторъ остался по прежнему къ нимъ внимателенъ, хотя ему пришлось бы распороть себѣ брюхо, еслибъ намѣреніе ихъ удалось. Онъ почти подвергался этому страшному самоубійству, потому что плѣнники были нѣсколько дней на свободѣ. Другое доказательство врожденной японской доброты видимъ въ поступкѣ одного изъ сторожей. Онъ стоялъ на часахъ, когда бѣжали русскіе плѣнники. Его разжаловали и обратили въ тюремщика. Когда Русскихъ привели опять въ тюрьму, онъ не только не мстилъ имъ, но даже старался оказывать всякое пособіе и облегчать ихъ участь.

Головникъ особенно жаловался на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и на непрерыв-

ные распросы, которыми надоѣдали ему самому и его товарищамъ; но могли ли Японцы, питающіеся однимъ рисомъ, понять, что можетъ истребить здоровый русскій желудокъ, привыкшій къ самой питательной пищѣ. Также Японцы не могли не обнаруживать любопытства въ отношеніи Европейцевъ, которые, при другихъ, болѣе пріятныхъ обстоятельствахъ, были бы имъ очень довольны.

Во время плѣна Головнина японское правительство заставило своихъ переводчиковъ учиться по русски. Оно не менѣе старалось воспользоваться астрономическими знаніями русскихъ, справедливо предполагая, что опытные моряки знаютъ болѣе голландскихъ купцовъ. Въ числѣ ученыхъ, присланныхъ изъ Іедо для этой цѣли, находился другъ Дѣфа, астрономъ Такагазо Зампай, считавшійся въ то же время комиссаромъ правительства и товарищемъ мацмайскаго губернатора. Головнинъ называетъ его Теске и говорить о немъ съ участіемъ, но не подозреваетъ настоящей его роли: ученый астрономъ вѣроятно былъ *мецукъ* (шпіонъ).

Черезъ два года въ Японію прибылъ товарищъ Головнина, капитанъ-лейтенантъ (нынѣ адмиралъ) Рикордъ, и освободилъ бывшего своего начальника. Долго длились переговоры; но Рикордъ достигнулъ цѣли. При отъѣз-

дѣ Русскихъ, японскіе друзья ихъ показали имъ самое трогательное участіе.

Головнину отъ имени японскаго правительства вручили ноту, въ которой объясняли, что всякая попытка къ учрежденію торговли съ Японіей будетъ совершенно бесполезна.

Въ 1852 году Русскіе опять посѣтили Японію, для доставленія Японцевъ, претерпѣвшихъ крушеніе. Какъ они были приняты, видно изъ рапорта, представленнаго шкиперомъ корабля: *Князь Меншиковъ*, господиномъ Линденбергомъ, главному правителю колоній Сѣверо-Американской Компаніи. Рапортъ этотъ такъ любопытенъ, что передаемъ его безъ всякихъ измѣненій:

«Во исполненіе предписанія вашего высокоблагородія, отъ 24-го мая сего 1852 года, оставилъ я на вѣренномъ мнѣ кораблѣ «*Князь Меншиковъ*», Ново-Архангельскую гавань, мая 29-го дня, и, вышедъ изъ залива Ситха, направилъ курсъ къ берегамъ японскаго острова Ниппонъ, въ портъ Симода. Для сокращенія пути старался я держаться въ большихъ широтахъ, гдѣ градусы долготы меньше; но постоянные западные вѣтры заставили меня *дѣлать широту*, дабы не даромъ потерять время. По позднему выходу изъ Ситхи, я не могъ надѣяться достигнуть до береговъ Японіи ранѣе іюля, и какъ въ

это время года тамъ преимущественно дуютъ югозападные вѣтры, то, для избѣжанія лавировки противъ нихъ, что почти невозможно съ успѣхомъ исполнить при постоянномъ и значительномъ теченіи отъ запада, я долженъ былъ придти на долготу Симоды въ малой широтѣ, а именно: 27 или 28 градусовъ, въ каковой полосѣ господствуютъ югозападные вѣтры.

«Противные вѣтры и штили весьма замедляли плаваніе, и только 26-го іюля, дойдя до долготы 219° W отъ Гринича, стали я спускаться къ берегамъ Японіи, при свѣжемъ вѣтрѣ отъ WSW; того же дня увидѣли Островъ Св. Петра; утромъ другаго дня открылись: Островъ Южный, потомъ Острова Фатизію, каменья Бротона, Вулканъ, Брокенъ и Вриса. Всѣ эти острова невѣрно помѣжены на картѣ, что, при сильныхъ теченіяхъ, коихъ направленіе не извѣстно, дѣлаетъ плаваніе здѣсь весьма опаснымъ.

«Іюля 28-го числа, открылся намъ къ сѣверозападу рядъ высокихъ горъ, образующихъ полуостровъ Изу, на югозападной оконечности котораго находится гавань Симода; приближаясь къ берегу, высокому и каменному, окруженному отдѣльно стоящими утесами, увидѣли небольшой островокъ, въ сорокъ футовъ вышиною, который, находясь прямо противъ залива, въ разстояніи около

пяти миль, можетъ служить вѣрною примѣтою при отысканіи гавани, которой въ нѣкоторомъ разстояніи невозможно рассмотретьъ, и потому безъ этого островка весьма трудно было бы найти. Между этимъ островкомъ и югозападнымъ мысомъ залива еще лежатъ два островка или вѣрнѣе *какура*, между которыми пройти нельзя, но по обѣ стороны ихъ, сколько можно было видѣть, и по словамъ Японцевъ, пути чисты. Оставляя всѣ эти острова въ правой рукѣ, придерживаясь я къ югозападному мысу залива, по причинѣ дувшаго тогда западнаго вѣтра, который для входа нѣсколько крутъ, и, пройдя между этимъ мысомъ и лежащимъ отъ него въ разстояніи двухъ кабельтовыхъ подводномъ камнѣ, на которомъ при мелкой водѣ играетъ бурунъ, направилъ я курсъ внутрь бухты къ небольшому островку, который, находясь на срединѣ оной, представляетъ по обѣ стороны два безопасные пути въ гавань. Приближаясь къ островку, мы были встрѣчаемы нѣсколькими лодками, съ которыхъ люди крикомъ и знаками старались насъ убѣдить не идти дальше, а остановиться тутъ на якорѣ; но, не обращая на это вниманія, прошелъ я островокъ и сталъ за нимъ на якорѣ, на глубинѣ шести сажень. Не останавливаясь на рейдѣ, я, пройдя прямо въ гавань, хотѣлъ отнять у Японцевъ возмож-

ность запретить мнѣ входъ въ оную, что они непременно сдѣлали бы, еслибъ я остановился на рейдѣ. Но рейдъ совершенно открытъ съ моря и даже такъ называемая гавань не представляетъ безопаснаго якорнаго мѣста. Островокъ слишкомъ малъ, чтобы защитить отъ волненія съ моря; заливы же, показанные на картѣ Японцами, не существуютъ, въ чемъ я убѣдился, переходя съ кораблемъ въ лучший изъ нихъ, т. е. восточный; но, не находя тамъ никакой защиты при вѣтрѣ съ моря (южномъ и югозападномъ), рѣшился воротиться на прежнее мѣсто. Сверхъ того слишкомъ мало мѣста; расстояние между островкомъ и мелководіемъ, выдающимся отъ сѣвернаго берега залива, всего полтора кабельтова и, стоя на одномъ якорѣ (фертоингъ я не могъ стать, чтобы согласно предписанію вашего высокоблагородія, быть всегда въ готовности къ выходу въ море), почти при всякомъ вѣтрѣ не возможно вытравить достаточно каната; сверхъ того, при многихъ случаяхъ безъ завоза нельзя сняться съ якоря, имѣя или островокъ, или мелководіе за кормою, въ слишкомъ близкомъ разстояніи.

«Заливъ Симода окруженъ высокими горами, покрытыми до самой вершины густою растительностью; земля кажется весьма хорошо обработана и вообще виды окружно-

стей весьма живописны. На западной сторонѣ залива лежитъ городъ Симода, при небольшой рѣчкѣ, которая впрочемъ достаточно глубока для входа туда довольно большихъ джонокъ. Городъ не большой, но, какъ складочное мѣсто, кажется довольно значителенъ въ торговомъ отношеніи, лежа на пути джонокъ изъ Нагазаки и другихъ западныхъ и южныхъ портовъ Японіи, въ главный городъ Іедо.

«Только что успѣли отдать якорь, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться посѣтители въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, такъ что и палуба и каюты были совершенно полны. Дабы хотъ сколько нибудь сохранить порядокъ, я просилъ ихъ не всѣмъ вдругъ входить на палубу, а поочередно, но они возражали, что должны торопиться осмотрѣть корабль, ибо съ приѣздомъ на него губернатора прекратится для нихъ всякая возможность приѣзжать къ намъ.

«Вскорѣ прибылъ на корабль губернаторъ города, въ сопровожденіи множества офицеровъ и чиновниковъ; они опрашивали нашихъ семь человекъ Японцевъ, осмотрѣли судно и все тщательно записывали.

«Позвавъ ихъ въ каюту, объявилъ я имъ причину моего прихода, прибавивъ къ тому, что имѣю отъ вашего высокоблагородія бумагу на имя губернатора города, которую я

и желаю ему вручить и получить отъ него отвѣтъ. Онъ, отъ лица японской націи, благодарилъ Русскихъ за доставленіе на родину его претерпѣвшихъ кораблекрушеніе соотечественниковъ и за попеченія и благодаренія, оказанныя имъ во время пребыванія ихъ въ Россіи; говоря это, онъ знаками старался дать мнѣ понять, что такой благодарный поступокъ Русскихъ трогаетъ его до слезъ. Далѣе онъ говорилъ, что, не имѣя никакого права входить въ какія бы то ни было сношенія съ иностранцами, безъ разрѣшенія своего начальства въ Іедо, не можетъ принять ни привезенныхъ Японцевъ, ни бумаги. По долгомъ убѣжденіи съ моей стороны, онъ просилъ меня показать ему бумагу, и когда я передалъ ему оную, онъ со знаками почтенія (поднявъ ее надъ головою) принялъ, открылъ и пробѣжавъ объявилъ, что хотя буквы тѣ же, что у нихъ, но смысла онъ не понимаетъ, и какъ онъ бумаги принять не можетъ, то желалъ бы снять копию для отправленія въ Іедо, гдѣ, основываясь на моихъ словахъ, что она написана по китайски, онъ полагаетъ, что ее разберутъ, ибо тамъ есть переводчики этого языка. Соглашаясь на это, я полагалъ скорѣе достигнуть цѣли экспедиціи, то есть извѣстить японское правительство о требованіяхъ вашего высокоблагородія, и получать отвѣтъ

на бумагу, и какъ, судя по началу нашихъ съ Японцами сношеній, по всей вѣроятности, они не приняли бы бумаги, не зная напередъ ея содержанія, то я рѣшился не препятствовать губернатору въ снятіи копій; когда я объявилъ ему мое на то согласіе, то онъ досталъ изъ-за пояса кисть и чернилицу, и, попросивъ у меня бумаги, сталъ снимать копію. Когда онъ кончилъ это дѣло, то возвратилъ мнѣ бумагу и спросилъ, не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь? Я объявилъ ему, что послѣ столь долгаго плаванія, желалъ бы получить прѣсной воды и свѣжей провизіи, рыбы или мяса, и разумѣется, что будетъ стоить—заплату, и онъ изъяснилъ величайшую готовность удовлетворить всѣ мои требованія. Передъ отъѣздомъ, онъ объявилъ мнѣ, что поставитъ къ судну на лодкахъ караульныхъ, и просилъ не посылать никого на берегъ, а если я самъ хочу ѣхать, то чтобы сперва объявилъ ему объ этомъ, и онъ уже со мною отправится. Я тотчасъ хотѣлъ воспользоваться его предложеніемъ, но было уже темно и я боялся—неумѣстнымъ желаніемъ удовлетворить любопытству—возбудить извѣстную подозрительность Японцевъ. Того же вечера съ капитаномъ надъ портомъ приехали на корабль немного воды и сушеной рыбы, извиняясь, что для добыванія свѣжей рыбы слишкомъ темно. Поставлено было

шесть караульныхъ лодокъ вокругъ корабля, въ разстояніи 20-ти или 30-ти сажень.

«Утромъ слѣдующаго дня губернаторъ вновь пріѣхалъ со свитою на корабль и снова опрашивалъ нашихъ Японцевъ, до малѣйшихъ подробностей, о ихъ разбитіи, о пребываніи у Русскихъ, о обхожденіи ихъ съ ними, о пищѣ, которую имъ давали, и проч. Все это они тщательно записывали; потомъ осматривали корабль, орудія, пожелали видѣть ружья и пистолеты, спрашивали нѣтъ ли въ трюмѣ еще пушекъ, сколько огненнаго оружія, пороху, ядеръ и картечи, и всѣ мои отвѣты записывали; потомъ явились живописцы, которые съ лодокъ снимали видъ корабля и потомъ, всходя на палубу, разныя части онаго. Пригласивъ губернатора и главныхъ чиновниковъ въ каюту, я объявилъ ему, что желалъ бы съѣздить на берегъ, но онъ сказалъ, что этого не можетъ мнѣ позволить, пока не получить разрѣшенія изъ Іедо. Когда я напомнилъ ему вчерашнія его слова, то онъ сконфузился, но вмѣсто всякаго объясненія продолжалъ твердить: что намъ никакъ нельзя ѣхать на берегъ.

«Между тѣмъ Японцы продолжали посѣщать корабль, но не иначе, какъ въ свѣтъ губернатора или портоваго, а тѣ ѣздили только по дѣлу. Они казались весьма хорошо расположенными къ Русскимъ, были вѣжливы

и радушны; осматривали все съ любопытствомъ, и любовались въ особенности огнестрѣльнымъ оружіемъ, но, не смотря на всѣ наши убѣжденія, никакихъ подарковъ принимать не хотѣли, и на предложеніе купить какую нибудь вещь всегда отвѣчали, что смотрѣть готовы, но купить не смѣютъ, ибо только въ Нагазаки позволено торговать иностранцамъ. Губернаторъ долго распрашивалъ нашихъ Японцевъ о Камчаткѣ, Охотскѣ, Ситхѣ и Курильскихъ Островахъ, и, кажется, японское правительство опасается столь близкаго сосѣдства Русскихъ.

«Съ каждымъ днемъ строгость присмотра за нами усугублялась и число караульныхъ лодокъ постоянно увеличивалось; въ нихъ сажали солдатъ, которые въ завѣтный кругъ, составляемый ихъ лодками около корабля, ни подъ какимъ видомъ никого не впускали. Между тѣмъ привезли на корабль семнадцать бочекъ воды, нѣсколько куръ, яицъ и свѣжей рыбы; на счетъ мяса же они извинялись, что не могутъ намъ доставить, потому что у нихъ весьма мало рогатаго скота, да и тотъ употребляется на полевые работы.

«Между тѣмъ стекались съ разныхъ сторонъ въ городъ Симода солдаты, вооруженные мушкетонами, ружьями и пиками, сверхъ сабель и кинжаловъ, которые носятъ всякій; цѣлые караваны, съ навьюченными буйво-

лами и лошадьми, тянулись мимо нашего корабля вдоль морского берега, по которому пролежала дорога изъ внутри страны въ городъ Симода, и, хотя за темнотою сумерекъ мы не могли разсмотрѣть, что они везли, однако должно полагать, что это были пушки, ибо вскорѣ противъ корабля, въ разстояніи полутора кабельтова отъ него, возникли между деревьями на берегу палатки подъ флагами, весьма похожія на скрытыя батареи.

«Губернаторъ, капитанъ надъ портомъ и другіе японскіе чиновники, посѣщая корабль, неоднократно изъявляли свою благодарность за вспомошествованіе, оказанное ихъ соотечественникамъ, со всѣми признаками искренности, и какъ я не вызывалъ ихъ на это, а напротивъ они поступали совершенно добровольно, и я считалъ ихъ мнѣніе и чувства отголоскомъ правительства, то не могъ не надѣяться на благопріятный конецъ нашихъ сношеній съ Японцами. Я поставилъ губернатору на видъ, что Русскіе уже не въ первый разъ доставляютъ бѣдствовавшихъ Японцевъ на родину, и что это должно убѣдить ихъ въ дружественномъ расположеніи Россіи къ Японіи, и что если бы его соотечественникамъ пришлось посѣщать наши берега, то навѣрное бы встрѣтили дружескій пріемъ.

«31-го числа прибылъ на корабль, пріѣхавшій изъ губернскаго города Одовара, вице-губернаторъ, и тогда начались опять тѣ же допросы нашимъ Японцамъ, и всѣ ихъ показанія записывались. На мой вопросъ, когда они возьмутъ отъ насъ Японцевъ и примутъ бумагу отъ вашего высокоблагородія, отвѣтилъ онъ мнѣ, что извѣстіе о прибытіи сюда русскаго корабля отправлено въ Іедо, и что, до полученія приказаній оттуда, они ничего не могутъ предпринять; сверхъ того, онъ объявилъ мнѣ, что, вмѣстѣ съ приказаніемъ изъ Іедо, прибудетъ сюда губернаторъ города Одовара. Когда я просилъ его принять плату за провизію и воду, то онъ рѣшительно отказался, говоря, что это такая бездѣлица, и что мы столько сдѣлали для его соотечественниковъ, что они счастливы, если чѣмъ нибудь могутъ показать свою благодарность; всѣ мои убѣжденія остались тщетны; я представлялъ ему, что принять что нибудь даромъ, не совмѣстно съ достоинствомъ Русскихъ, и что если бы зналъ, что они не возьмутъ платы, то ничего бы не принималъ, но все было напрасно: онъ твердилъ, что не смѣетъ ничего брать.

«Вечеромъ 1-го числа, еще засвѣтло, по дорогѣ, тянувшейся вдоль морскаго берега гавани, стали показываться отряды конныхъ и пѣшихъ воиновъ, и вскорѣ, когда стемнѣ-

ло, вся дорога покрылась безчисленнымъ множествомъ фонарей, выходившихъ въ продолженіе цѣлаго часа изъ лѣса, откуда шла дорога, и двигавшихся мимо корабля по направленію къ городу. На вопросъ мой нашимъ Японцамъ, что это значитъ, они сказали, что это ѣдетъ губернаторъ Одовары, который весьма важный чиновникъ и никогда не отправляется въ дорогу со свитою менѣе чѣмъ въ 700 чел. солдатъ.

«На другой день утромъ пріѣхалъ на корабль вице-губернаторъ города Одовары, на множествѣ большихъ лодокъ, и, вышедъ на палубу, окруженный свитою, собралъ привезенныхъ Японцевъ на колѣняхъ около себя въ полукругъ, и сталъ говорить имъ длинную рѣчь, въ продолженіе которой всѣ провожавшіе его Японцы стояли, низко наклонившись, изъ уваженія къ произносимымъ имъ словамъ. По мѣрѣ того, какъ онъ продолжалъ говорить, на лицахъ нашихъ Японцевъ ясно выразились горестъ и уныніе, и наконецъ отпечатались явные знаки безвыходнаго отчаянія; нѣкоторые изъ нихъ плакали навзрыдъ. На вопросъ мой, что это значитъ, Японецъ Таробе, съ едва удерживаемою яростію, сказалъ мнѣ, что губернаторъ объявилъ имъ, что не можетъ ихъ принять, и что они должны съ нами отправиться далѣе. Отказъ этотъ тѣмъ сильнѣе пора-

зилъ бѣдныхъ Японцевъ, что былъ совершенно неожиданный, ибо, по началу нашихъ съ ихъ соотечественниками сношеній, они были совершенно увѣрены въ благопріятномъ концѣ. Не желая объясняться съ вице-губернаторомъ на палубѣ, попросилъ я его въ каюту, и тогда онъ объявилъ мнѣ, что, по полученнымъ изъ Іедо приказаніямъ, не можетъ принять Японцевъ и слѣдовательно и бумаги; какъ этотъ портъ не открытъ для иностранцевъ, то онъ и не имѣетъ права входить ни въ какія сношенія съ ними, и что, получивъ теперь такой рѣшительный и неизмѣнный отвѣтъ отъ японскаго правительства, онъ находитъ, что мнѣ стоять здѣсь больше не зачѣмъ, и потому просить немедленно выйти въ море. Напрасно представлялъ я ему несообразность и даже жестокость сего поступка съ соотечественниками его, и неблагодарность въ отношеніи къ Русскимъ, предпринявшимъ столь долгое и трудное плаваніе, единственно съ благодѣтельною цѣлью: возвратить отечеству и ихъ семействамъ невинно пострадавшихъ въ кораблекрушеніи и находившихся два года въ невольномъ изгнаніи его соотечественниковъ; наконецъ, что если я повезу Японцевъ обратно въ Россію, то на будущій годъ прійдетъ опять сюда русскій корабль съ ними, и что наконецъ они должны же

будутъ принять ихъ; на это онъ сказалъ, что и на будущій годъ и впредь всегда будетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что это воля правительства, и онъ тутъ ничего не можетъ сдѣлать; но, по его лицу и по лицамъ всѣхъ присутствующихъ, видно было, что они внутренно не одобряли этого рѣшенія, хотя и должны были повиноваться. Тогда я изъявилъ желаніе имѣть личное свиданіе съ губернаторомъ Одовары, чтобы отъ него самого получить отвѣтъ; но онъ сказалъ мнѣ, что это не возможно, и что онъ съ тѣмъ и присланъ на корабль, чтобы объявить мнѣ окончательное рѣшеніе, и сталъ убѣдительно просить меня какъ можно скорѣе оставить гавань, такъ какъ вѣтеръ былъ понутный. Онъ поставилъ мнѣ на видъ, что въ пользу нашего корабля сдѣлано и такъ уже весьма важное отступленіе отъ японскаго закона, рѣшительно запрещающаго пребываніе вооруженныхъ судовъ во всѣхъ гаваняхъ имперіи, и что до сихъ поръ всѣ иностранныя суда, посѣщавшія ихъ гавани, должны были сдавать имъ оружіе и аммуницію и даже руль. Онъ говорилъ мнѣ, что я могу везти Японцевъ въ Нагазаки и попросить, не примутъ ли ихъ тамъ, на что я, видя ясно, что это только отводъ и что тамъ еще менѣе предстояло вѣроятности въ успѣхѣ — сказалъ ему, что, не имѣя приказанія

моего начальства, не могу идти въ Нагазакъ, и какъ мнѣ велѣно высадить Японцевъ въ Симода, то я посажу ихъ на шлюпки и отпращаю на берегъ. Онъ, понимая, что я хочу это сдѣлать въ гавани, сказалъ, что нельзя, и въ страшномъ испугѣ вскочилъ со стула и хотѣлъ бѣжать на берегъ. Я остановилъ его и сказалъ ему, что какъ я пришелъ сюда не съ враждебными намѣреніями, а единственно для отвоза его соотечественниковъ на родину, то слѣдовательно и не желаю дать повода къ нарушенію дружескихъ отношеній между Русскими и Японцами, поступкомъ противъ ихъ постановленій, но, во исполненіе данного мнѣ приказанія: доставить Японцевъ на родину, долженъ непременно ихъ высадить, и если мнѣ, для ихъ блага, нельзя этого сдѣлать тутъ же, то я все таки обязанъ исполнять это въ другомъ мѣстѣ. На это онъ сказалъ, что не знаетъ, можно ли это или нѣтъ, но что за мои дѣйствія, во выходѣ изъ гавани, онъ не подлежитъ отвѣту; что тамъ моя воля, но что теперь онъ убѣдительнѣе проситъ меня вступить подъ паруса и оставить гавань. Считаю неблагоразумнымъ, если не невозможнымъ, высадить здѣсь Японцевъ насильно, и, не видя средствъ заставить губернатора принять бумагу отъ вашего высокоблагородія противъ желанія, и бу-

лучи увѣренъ, что Японцы прибѣгнутъ къ непріязненнымъ мѣрамъ, судя по сдѣланнымъ ими къ тому приготовленіямъ, въ случаѣ моего упорства, и хотя мѣткость японскихъ выстрѣловъ неопасна, но, не желая подвергать флага униженію и не имѣя разрѣшенія вашего высокоблагородія, ни средствъ съ успѣхомъ отразить силу силою,—рѣшился я не доводить до этого, и не видя ни какого другого выхода изъ затруднительнаго положенія, принужденъ былъ уступить, и потому объявилъ вице-губернатору, что какъ онъ не принимаетъ своихъ соотечественниковъ и не хочетъ входить ни въ какія со мною сношенія, то мнѣ здѣсь болѣе дѣлать нечего, и я, склоняясь на его просьбу, готовъ выйти въ море, но все таки высажу Японцевъ тутъ же по близости. Тогда онъ приказалъ находившимся около корабля двадцати большимъ лодкамъ взять корабль на буксиръ, и, простившись съ нами со знаками искренняго расположенія, отправился со свитою на берегъ. Обогнувъ островокъ, мы поставили паруса и, отправивъ лодки на берегъ, пошли изъ залива.

«По выходѣ изъ гавани, Японцы объявили мнѣ рѣшительно, что не желаютъ идти дальше съ нами и стали усиленно просить, чтобы я ихъ высадилъ тутъ же, говоря, что хотятъ здѣсь остаться, хотя бы ихъ и ожида-

ла неизбежная смерть. Видя несообразность везти ихъ съ собою въ Китай, гдѣ невозможно было бы ихъ скрыть, по недостатку помѣщенія на кораблѣ, который весь потребуетъ подѣ чай, я не видѣлъ другого выхода, какъ согласиться на ихъ просьбу, и потому, идучи вдоль берега, выбралъ небольшую бухту, въ разстояніи около пяти миль отъ гавани, и, подошедъ вплотъ къ берегу, отправилъ Японцевъ на двухъ колошенскихъ ботахъ, имѣвшихъ на сей предметъ на кораблѣ. При прощаніи, они на колѣняхъ со слезами благодарили за оказанныя имъ Русскими благодѣянія и просили меня передать ихъ искреннюю благодарность вашему высокоблагородію за все имъ сдѣланное добро; потомъ съ непритворными знаками радости вскочили въ боты и отправились на берегъ. Когда они пристали къ небольшой деревнѣ, лежащей въ углубленіи бухты, я снялся съ дрейфа и, согласно съ предписаніемъ вашего высокоблагородія, направилъ путь къ берегамъ Китая.»

Англичане также безъ успѣха старались открыть себѣ Японію. Первая попытка совершена ими вскорѣ за послѣднимъ появленіемъ американскаго капитана Стеуарта. При полученіи извѣстія о прибытіи иностраннаго корабля, депутаціи голландская и японская поѣхали къ нему на встрѣчу. Капитанъ отвѣчалъ на

ихъ вопросы, что корабль англійскій и прибылъ изъ Калькутты, въ надеждѣ поторговать съ Японцами. Чтобы его лучше поняли, онъ выкинулъ англійскій флагъ безъ креста. Не смотря на снисхожденіе, оказанное капитаномъ къ японскимъ предразсудкамъ, ему отказали въ просьбѣ и предложили удалиться.

Послѣ этого англійскаго корабля явился фрегатъ *Фазтонъ*, о которомъ говорено выше. Читатели уже знаютъ, какая у него была цѣль. Это несвоевременное посѣщеніе, имѣвшее несчастныя послѣдствія для многихъ, въ этомъ дѣлѣ совершенно невинныхъ людей, возбудило въ Японцахъ сильную ненависть къ Англичанамъ; оно помѣшало учрежденію торговыхъ и мирныхъ сношеній и заставило Японцевъ принять новыя мѣры предосторожности. Съ этого времени, по словамъ Зибольда, требуютъ заложниковъ съ прибывшихъ кораблей.

На этомъ и остановились англійскія попытки; но въ 1811 году Англичане напали на Батавію и генералъ-губернаторъ Янсень (*Janssens*) сдалъ на капитуляцію островъ Яву и его принадлежности. Англичане, разумѣется, объявили претензію, что и децимская контора должна быть включена въ эту капитуляцію, на томъ основаніи, что *opperhoofd* и всѣ члены факторіи всегда назначаются генералъ-губернаторомъ; что *opperhoofd*

всегда повиновался ему и переписывался съ нимъ однимъ. Англійскій губернаторъ Реффлесь (Stamford Raffles), почитая факторію подчиненнымъ себѣ мѣстомъ, захотѣлъ доставить Англии эту часть наслѣдства отъ Голландіи. Мѣры, принятыя имъ, были, впрочемъ, совершенно мирныя; онъ отправилъ въ Японію два корабля, которые ежегодно приходятъ туда для торговли; но съ ними же отправилъ новаго президента, Голландца Касса (присягнувшаго Англии), для замѣщенія президента Дѣфа, который занималъ эту должность вдвое болѣе времени, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно. При новомъ президентѣ ѣхали два комиссара, одинъ Голландецъ, Ваарденааръ, предшественникъ и покровитель Дѣфа, другой Англичанинъ, докторъ Энсли (*Ainslie*); имъ поручено было рассмотреть и устроить дѣла факторіи.

Японцы приняли эти два корабля просто за американскіе, нанятые Голландцами. Чиновники факторіи догадывались, что тутъ кроется тайна; но не могли предчувствовать ни ея свойства, ни ея важности. Наконецъ, Ваарденааръ вышелъ на берегъ; онъ объяснилъ президенту и смотрителю магазиновъ настоящее положеніе дѣлъ: Голландіи уже нѣтъ! Ея провинціи на европейскомъ материкѣ обращены въ французскій департаментъ; колоніи отдались Англии! Что долженъ былъ

чувствовать Дёфъ въ эту минуту? Какъ истинный Голландецъ, онъ не повѣрилъ уничтоженію отечества, и потому не согласился признать надъ факторіей владычества Англіи (*).

Поступокъ директора Дёфа достоинъ похвалы, потому что имѣетъ характеръ истинно патріотическій. Къ несчастію, Дёфъ, кажется, руководствовался и частнымъ своимъ интересомъ. Дёфъ отвергнулъ переговоры съ благородною гордостію, но заставилъ переговорщиковъ дорого заплатить за бесполезное ихъ пребываніе въ Японіи. Ваарденааръ выѣхалъ съ товарищемъ своимъ, Англичаниномъ Энсли, ничего не добившись, и заплатилъ изъ денегъ, вырученныхъ за продажу его груза, огромную сумму (160.000 р. асс.), которую факторія должна была японскому правительству уже три года. Вотъ подробности этой странной сдѣлки.

(*) Дёфъ въ великодушномъ своемъ поступкѣ оправдывался тѣмъ, что ему не предъявили никакихъ *доказательствъ* въ несомнѣнности этихъ важныхъ и невѣроятныхъ событій, даже не показали какой нибудь европейской *газеты*. На слѣдующій годъ онъ тоже не получилъ никакихъ *оффиціальныхъ* документовъ. Твердость и благородство Дёфа спасли голландскую торговлю съ Японіей отъ совершеннаго разоренія: нѣтъ сомнѣнія, что Японцы не захотѣли бы имѣть дѣла съ Англичанами, и такимъ образомъ сношенія Японіи съ Европейцами могли совершенно прекратиться.

Рѣшившись остаться президентомъ и не выдавать Англичанамъ факторіи и японской торговли, Дѣфъ ловко воспользовался ненавистью Японцевъ къ Англичанамъ; онъ кста-ти напомнилъ о подвигахъ *Фаэтона*, о множествѣ животныхъ, распоротыхъ по этому случаю, и употребилъ въ дѣло услужливость переводчиковъ, съ которыми давно былъ друженъ. Дѣфъ призвалъ въ Дециму пятерыхъ главныхъ переводчиковъ и, въ присутствіи Ваарденаара, сообщилъ имъ привезенныя Англичанами новости; при этомъ онъ объявилъ, что изъ всѣхъ этихъ новостей одна кажется ему правдоподобною, и именно, занятіе Явы Англичанами, потому что прибывшіе корабли въ самомъ дѣлѣ англійскіе. Одна мысль о возможности такихъ переворотовъ привела Японцевъ въ ужасъ; отвѣтственность властей Нагазаки въ этомъ дѣлѣ показалась имъ страшною. Во второй разъ англійскіе корабли, воспользовавшись ихъ довѣрчивостію, проникли въ заливъ! Поэтому переводчики жадно схватились за планъ, придуманный Дѣфомъ и состоявшій въ слѣдующемъ: скрыть исторію о паденіи Батавіи и объявить только, что изъ нея прислали новаго президента, для смѣны Дѣфа, если японскимъ властямъ покажется, что онъ слишкомъ долго занимаетъ мѣсто начальника факторіи; но губернаторъ Батавіи желаетъ удер-

жать Дёфа въ прежнемъ званіи, съ согласія губернатора Нагазаки. Если эта первая половина плана удастся, Дёфъ бралъ на себя купить грузъ обоихъ кораблей, распродать его и доставить англійскимъ комиссарамъ возвратный грузъ.

Дёфъ и переводчики принялись убѣждать Англичанъ въ необходимости принять предложенія Дёфа, для избѣжанія кровопролитія и разныхъ несчастій, какія могли послѣдовать, если японское правительство узнаетъ истину. Сильная его ненависть къ Англичанамъ, со временъ *Фаэтона*, могла имѣть страшныя послѣдствія, если оно убѣдится, что экспедиція прислана Англичанами. Эти причины, представленныя съ жаромъ, произвели желаемое дѣйствіе. Англійскіе комиссары приняли предложенныя имъ условія. Корабли пошли за американскіе; Дёфъ остался начальникомъ факторіи, а Децима, въ продолженіе нѣкотораго времени, была единственнымъ независимымъ голландскимъ владѣніемъ (*).

Въ 1814 году г. Касса воротился въ Дециму, опять въ качествѣ президента; онъ

(*) Докторъ Энсли посѣщалъ Нагазаки въ качествѣ американскаго доктора и былъ принятъ Японцами очень дружелюбно; онъ уѣхалъ въ восторгѣ отъ ихъ любезности, отъ общества женщинъ, которыя показались ему ловкими и довольными своимъ положеніемъ.

привезъ извѣстіе о событіяхъ 1813 года, о возстаніи Голландіи въ пользу Оранскаго дома, и о скоромъ вѣроятномъ возвращеніи голландскихъ колоній, занятыхъ Англичанами. Сиръ Рефлесъ и г. Касса думали такими новостями уничтожить возраженія и доводы Дѣфа и повудить его къ исполненію приказаній, присланныхъ изъ Батавіи, какъ это было въ прежнее время; но Дѣфъ принялся за прежнюю роль, то-есть, ни чему не повѣрилъ. Разыгралась прошлогодняя комедія, и переводчики помогали ей тѣмъ усерднѣе, что вѣрно лишились бы жизни, еслибъ въ Іедо узнали всю истину.

На этотъ разъ Касса приготовился къ борьбѣ. Еслибъ не служанки въ чайномъ домѣ, на которыхъ онъ понадѣялся, онъ можетъ быть одержалъ бы побѣду. Онъ подкупилъ двухъ переводчиковъ, и они обѣщали ему, не открыть всю истину, потому что за такимъ признаніемъ послѣдовала бы смерть ихъ, но употребить все свое вліяніе, чтобы правительство отвергло просьбу объ удержаніи Дѣфа на прежнемъ мѣстѣ. Но у Дѣфа были шпіонки между служанками чайныхъ домовъ.

Несправедливо говоритъ сиръ Рефлесъ въ своихъ запискахъ, что Японцы узнали въ немъ Англичанина и говорили съ нимъ объ его соотечественникахъ и Англіи съ особеннымъ уваженіемъ.

Онѣ донесли ему о заговорѣ противъ него. Дѣфъ грозилъ отпавшимъ переводчикамъ, что все откроетъ правительству, не заботясь о страшныхъ послѣдствіяхъ. Такая угроза связала имъ руки, и Касса долженъ былъ уѣхать безъ успѣха. Съ этой минуты Англичане уже не возобновляли попытокъ овладѣть голландскою факторіею. Въ 1817 году, пріѣхалъ г. Бломгоофъ смѣнить Дѣфа, который послѣ своей славной побѣды жилъ въ Японіи нѣсколько лѣтъ безъ торговли и безъ тѣхъ средствъ, которыя доставлялись ему голландскими кораблями въ прежнее время.

Въ Японіи теперь есть англійскіе, русскіе и голландскіе переводчики, которые съ 1830 г. размѣщены по разнымъ прибрежнымъ пунктамъ, на случай еслибъ прибылъ какой нибудь иностранный корабль. Удивительно, что докторъ Паркеръ не говоритъ о нихъ, описывая свою неудавшуюся экспедицію 1837 года. Можетъ быть, видя, что г. Гуцлафъ понимаетъ по китайски и можетъ замѣнить переводчика, Японцы не хотѣли показать, что понимаютъ по англійски. Вѣроятно, такимъ образомъ узнали они о замыслахъ миссіонера и тотчасъ напали на корабль, которому не предлагали даже удалиться, какъ это обыкновенно у нихъ дѣлается.

Докторъ Зибольдъ рассказываетъ о ссорахъ съ англійскими китоловами, которые

насильно ворвались въ японскій портъ, или дѣйствительно по крайней необходимости, или изъ одного любопытства. Но съ тѣхъ поръ иныя китоловныя суда получали отъ Японцевъ дрова и воду; поэтому можно думать, что ненависть Японцевъ къ Англичанамъ поуменилась, если не подновила ея попытка доктора Паркера! Въдѣ въ Японіи не знаютъ, что Сѣверо-Американскіе Штаты не Англія.

Въ послѣднее время, успѣхъ англійской экспедиціи противъ Китая навелъ вниманіе публицистовъ и спекуляторовъ на Япоцію, которая, впрочемъ, имѣетъ болѣе средствъ защиты, чѣмъ Китай.

Въ 1844—45 году, нидерландское правительство старалось внушить японскому, что интересы Японіи требуютъ, чтобы она покорилась неотвратимому ходу европейской цивилизаціи и торговли, и открыла постепенно порты свои европейскимъ націямъ. Эта благородная попытка, основанная на желаніи добра союзнику, не только не достигла цѣли, но, кажется, еще болѣе утвердила любовь японскаго правительства къ исключительной системѣ. Опираясь на примѣръ Китая, который совершенно неожиданно принужденъ былъ открыть нѣсколько пунктовъ для всѣхъ народовъ земнаго шара, король Нидерландскій, въ письмѣ къ сі-

огуну, указывалъ на близость отъ Японіи англійской колоніи Хуанъ-гана (Гонгъ-конгъ), и устье рѣки Янгъ-це-кіанга, нынѣ открытой для всѣхъ европейскихъ судовъ. Эта близость поведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, которыя лучше предупредить добровольными и осторожными уступками Европейцамъ. Вильгельмъ II приглашалъ сіюгуна открыть не только портъ Нагазаки, но и еще два или три порта, на островѣ Ниппонѣ или на Іезо, всѣмъ иностраннымъ судамъ, безъ различія флаговъ.

«Вы легко поймете, было сказано въ этомъ письмѣ къ сіюгуну,—что частный мой интересъ впустилъ бы мнѣ совѣты, вовсе непохожіе на тѣ, которые я даю вамъ, потому что Голландія будетъ пользоваться монополіею вашей торговли до тѣхъ поръ, пока вы будете придерживаться нынѣшней системы; но дружба, которую вы оказывали намъ предпочтительно передъ другими народами, налагаетъ на насъ обязанность обратить ваши взоры на будущее, которое грозитъ Японіи. Если вы не захотите занять мѣсто между торговыми націями, то васъ къ тому принудятъ, и вы будете унижены, какъ унижена теперь Небесная Имперія. Избавьте себя отъ такого стыда своевременно, великодушными мѣрами, которыя доставили бы вамъ уваженіе и благорасположеніе европейскихъ націй.»

Черезъ два года отвѣтъ *сіюгуна* разрушилъ всѣ надежды, что эти отдаленные острова откроются европейской цивилизаціи и торговлѣ. Смыслъ отвѣта *сіюгуна* королю Нидерландскому передается здѣсь сколько возможно близко и вѣрно. «Я внимательно слѣдилъ за событіями, которыя произвели основную перемѣну въ политикѣ Китайской Имперіи. Эти-то событія, на которыя опираются ваши совѣты, служатъ мнѣ самымъ яснымъ доказательствомъ, что государство можетъ наслаждаться продолжительнымъ миромъ только при строжайшемъ исключеніи всѣхъ иностранцевъ. Еслибъ Китай не дозволилъ въ прежнее время поселиться множеству Англичанъ въ Кантонѣ, и укорениться тамъ, то не произошло бы ссоръ, которыя повели къ войнѣ, или Англичане, по слабости своей, погибли бы въ неравной борьбѣ. Но съ той минуты, какъ увлеклись на одномъ мѣстѣ, стали слабѣе на многихъ другихъ. Такъ разсуждалъ мой прапрадѣдъ, когда дѣло шло о дозволеніи вамъ торговать съ Японіей. Безъ тѣхъ многочисленныхъ доказательствъ дружбы, которыя вы намъ дали, нѣтъ сомнѣнія, что и вы были бы исключены, какъ и всѣ западныя націи. Теперь, когда вы уже получили эту привиллегію, я желаю, чтобы вы пользовались ею; но не могу дать подобной никако-

му другому народу, потому что легче держать плотину въ цѣлости, чѣмъ чинить проломы, которые въ ней сдѣлають. Я далъ моимъ чиновникамъ приказанія, сообразныя съ такою моею волею; будущее покажетъ вамъ, что наша политика гораздо мудрѣе китайской.»

Кажется, что теперь не возможно заставить японское правительство измѣнить законы, которымъ оно слѣдуетъ съ той минуты, какъ рѣшилось истребить и истребило у себя христіанство. Однакоже, и послѣ письма Нидерландскаго короля, было нѣсколько попытокъ, о которыхъ мы расскажемъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ прибавленіи къ *Сингапурской газетъ* (*Singapore free press*), отъ 21 мая 1846 года, помѣщено подробное описаніе путешествія въ Японію китоловнаго американскаго корабля, подъ начальствомъ капитана Меркадора Купера. Экспедиція имѣла цѣлію доставить на родину нѣсколькихъ Японцевъ, которыхъ капитанъ собралъ частію на островѣ св. Петра, на юго-востокъ отъ Ниппона, частію съ японскаго корабля, претерпѣвшаго крушеніе. Вотъ особенности, которыми ознаменовалась эта экспедиція.

Капитанъ Куперъ, находясь въ 1845 году на китовой ловлѣ, имѣлъ счастье спасти одиннадцать Японцевъ съ утеса, на которомъ

они держались, и одиннадцать другихъ, которые пустились по морю въ небольшой лодкѣ.

Послѣ девятидневнаго плаванія около японскихъ береговъ, капитанъ успѣлъ высадить двухъ несчастныхъ на берегъ, но сила вѣтра и бурное состояніе моря не позволило ему оказать такую же услугу другимъ.

На другой день онъ высадилъ на берегъ еще двухъ человѣкъ, но былъ принужденъ выйти опять въ море, и черезъ три дня бросилъ якорь при входѣ въ заливъ Іедо. Три императорскія яхты привезли ему дозволеніе войти туда. Однакожъ, по безвѣтрію, китоловъ не могъ двинуться съ мѣста. На другой день, триста семьдесятъ или триста восемьдесятъ джонокъ (на каждой было отъ 15 до 30 вооруженныхъ воиновъ) потащили корабль и привели его передъ вторую резиденцію провинціи, гдѣ его стерегли три линіи японскихъ судовъ, на самомъ близкомъ разстояніи, такъ что положеніе ихъ было очень незавидное, когда во время прилива корабль повертывался на якорѣ. На корабль пріѣзжало множество посѣтителей; японскіе чиновники измѣрили корабль, мачты, словомъ, всѣ малѣйшія части, срисовали ихъ и сняли портреты съ нѣсколькихъ матросовъ; расспросы доходили до самыхъ мелочей. Много спрашивали о положеніи разныхъ частей

свѣта; разсматривали географическія карты, рисунки, и пр. Японцы не принимали ни малѣйшаго подарка, но и сами ничего не дарили. Они безпрестанно подносили руку къ шеѣ и старались этимъ выразить, что ихъ повѣсятъ, если они примутъ или предложатъ подарокъ. Губернаторъ, родственникъ императора, обѣщавъ прислать на корабль нѣсколько просимыхъ вещей, на другой день отказался отъ своего слова и сдѣлалъ тоже выразительный жестъ руки къ шеѣ. Корабль, ожидая императорскихъ приказаній, простоялъ три дня въ заливѣ и ежедневно все болѣе и болѣе возбуждалъ вниманіе народа, который толпами собирался на берегъ, чтобы насладиться этимъ страннымъ зрѣлищемъ; наконецъ капитану посредствомъ письма, которое губернаторъ прочелъ въ присутствіи пяти важныхъ чиновниковъ, дали приказаніе немедленно уѣхать; переводчики перевели это письмо по голландски. Переводъ дали капитану на бумагѣ. Прежде того, ему прислали множество всякой провизіи и возвратили оружіе, отобранное при его приѣздѣ. Бурная погода помѣшала ему на другой день выйти въ море; триста съ чѣмъ-то судовъ принялись тащить корабль и вытянулись на цѣлую милю.

Такъ корабль вышелъ изъ порта, въ которомъ никогда еще не бывало иностранцевъ.

Письмо, данное капитану, было слѣдующаго содержанія:

«Я узналъ изъ устъ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, что они, мои соотечественники, привезены обратно на вашемъ кораблѣ и что съ ними обходились хорошо. Но по нашимъ законамъ, ихъ могли привезти въ отечество только Китайцы или Голландцы; впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ сдѣлано будетъ исключеніе, потому что возвращеніе этихъ претерпѣвшихъ крушеніе (*черезъ ваше посредство*) должно быть приписано незнанію нашихъ законовъ. На будущее время японскіе подданные не будутъ принимаемы при подобныхъ обстоятельствахъ. Вотъ въ чемъ васъ предупреждаютъ; то же скажите и другимъ.

«Какъ въ слѣдствіе долгаго путешествія, у васъ оказывается недостатокъ въ провизіи, дровахъ и водѣ, то обращено вниманіе на вашу просьбу, и вамъ будетъ доставлено все необходимое.

«Тотчасъ по полученіи этого приказанія корабль долженъ уѣхать и возвратиться какъ можно скорѣе въ собственное отечество.»

Документъ этотъ ясно показывалъ, что японское правительство рѣшилось удержать прежніе законы о недонущеніи иностранцевъ (кроме Голландцевъ и Китайцевъ); но

рѣшимость выказалась еще ярче при новой, неожиданной попыткѣ.

Нидерландскій посланникъ въ Парижѣ доставилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ ноту, которая напоминала, согласно желанію японскаго правительства, императорскій приказъ, обнародованный въ 1843 году, слѣдующаго содержанія:

«Японцы, претерпѣвшіе крушеніе, могутъ быть привозимы въ свое отечество только голландскими и китайскими кораблями; если ихъ привезутъ корабли другихъ націй, *то они не будутъ приняты*. Японскимъ подданнымъ запрещено изслѣдовать берега или острова имперіи; тѣмъ болѣе *это запрещеніе* распространяется на иностранцевъ.»

Нидерландскому посланнику приказано было прибавить къ этому, что японскія власти изъявили желаніе, чтобы голландское правительство взяло на себя трудъ сообщить это распоряженіе другимъ націямъ. Такимъ образомъ, только послѣ двухъ новыхъ сношеній между обоими народами, рѣшились Японцы просить Голландцевъ о сообщеніи этого извѣстія прочимъ націямъ. Голландія не спѣшила исполнить желаніе японскаго правительства, потому что Франція въ 1843 г. вовсе не думала заводить сношенія съ Японіей. Мысль объ этомъ родилась гораздо позже. При этомъ случаѣ нидерландскій по-

сланникъ не упомянулъ о великодушной попыткѣ Нидерландскаго короля въ 1844—45 г., — попыткѣ, неимѣвшей успѣха, но тѣмъ не менѣе замѣчательной.

Ни Франція, ни Сѣверо-Американскіе Штаты ничего не знали о благородномъ предложеніи короля Голландскаго, когда адмиралъ Сесиль, командиръ французскаго флота въ китайскихъ моряхъ, и коммодоръ Бэдль (*Biddle*), Американецъ, начальникъ линейнаго корабля и принадлежащаго къ нему фрегата, явились—послѣдній передъ Едо, первый въ Нагазакі (что было гораздо благоразумнѣе).

Цѣли этихъ двухъ моряковъ были совершенно различны. Французскій адмиралъ, по собственному произволу, пошелъ къ японскимъ берегамъ и остановился съ кораблями своими въ Нагазакі, съ желаніемъ показать Японцамъ, что у Франціи есть также большіе корабли, съ хорошо обученнымъ экипажемъ, который умѣетъ драться. Напротивъ того американскій коммодоръ получилъ инструкціи, которыми поручали ему завести торговыя сношенія съ Японіей.

Американскіе корабли едва бросили якорь, какъ ихъ окружили вооруженныя суда и множество лодокъ; въ каждой сидѣло не болѣе двухъ человекъ. Два чиновника вошли на палубу и принесли флагъ коммодора; они положили на оба конца корабля двѣ па-

лодки съ бандеролемъ; коммодоръ позволилъ имъ распоряжаться; но когда узналъ, что палочки означаютъ запрещеніе всякаго сообщенія, какъ съ берегомъ, такъ и съ другимъ американскимъ кораблемъ, то немедленно приказалъ снять ихъ, чему японскіе чиновники не воспротивились. Когда шлюпка корабля хотѣла идти къ фрегату, лодки столпились около нея, но дали ей дорогу, когда капитанъ рѣшительно приказалъ ей идти впередъ. Письменная нота, въ которой коммодоръ объяснялъ цѣль своего прибытія, пошла во дворецъ сіюгуна, который находился не далеко отъ того мѣста, гдѣ стояли американскіе корабли. Дожидаясь отъѣта, японскіе чиновники разговаривали съ коммодоромъ посредствомъ японскаго переводчика, который превосходно зналъ по голландски. Они были очень учтивы и, казалось, ни мало не хотѣли оскорбить, ни даже огорчить иностранцевъ. Поведеніе ихъ нисколько не напоминало о китайской докучливости и коварствѣ. Черезъ нѣсколько времени привезли отвѣтъ; онъ состоялъ въ томъ, что никакъ нельзя завести торговыхъ сношеній съ Американцами. Американскіе корабли снялись съ якоря, и при слабомъ вѣтрѣ, коммодору предложили вывести его изъ порта гребными судами. Коммодоръ принялъ такую услугу. Официальный рапортъ его на-

печатанъ недавно; мы переводимъ его безъ измѣненій, потому что онъ вполне достоинъ вниманія. Въ немъ нѣтъ ни новыхъ политическихъ взглядовъ, ни новыхъ наблюденій и замѣчаній о нравахъ, мѣстности, народномъ характерѣ и пр., но весь рассказъ дышетъ оригинальною откровенностью и военною аккуратностью, которыя внушаютъ довѣріе.

*«Начальнику морской силы въ Вашингтонъ,
Достоп. г. Банкрофту.*

Съ корабля *Колумбусъ*, принадлежащаго Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, въ виду японскихъ береговъ, 31 іюля 1846 года.

«Милостивый Государь,

«Колумбусъ и Винсенъ отправились отъ острова Чусана 6-го текущаго мѣсяца. Какъ ваши инструкціи предписывали мнѣ оевѣдомиться, нельзя ли проникнуть въ японскіе порты, я направился отъ береговъ китайскихъ къ японскимъ.

«Японцы, какъ вамъ извѣстно, всегда были неумолимы къ иностранцамъ, чѣмъ даже самыя Китайцы. Къ торговлѣ тамъ допускаютъ однихъ только Европейцевъ, то есть Голландцевъ изъ Батавіи, и вся торговля ихъ ограничена однимъ портомъ и однимъ кораб-

лемъ ежегодно. По японскимъ законамъ, иностранные корабли не могутъ заходить ни въ какой другой портъ, кромѣ Нагазаки. Попытка зайти въ этотъ портъ была бы неблагоприятно принята Голландцами, которые до сихъ поръ всѣми силами старались удержать за собой монополию. Японскіе чиновники, живущіе въ Нагазаки, не имѣютъ права вступить въ переговоры съ иностранцами; они не могутъ принять ни какого предложенія; могутъ только передать его главному правительству въ Иедо (*).

«Разстояніе между Нагазаки и Иедо составляетъ 347 миль, и путешествіе между этими городами совершается обыкновенно въ семь недѣль, если вѣрить сочиненію, изданному въ Нью-Йоркѣ объ Японіи въ 1840 году. Поэтому я рѣшился отправиться прямо въ заливъ Иедо, гдѣ и бросилъ якорь 16 числа сего мѣсяца, вмѣстѣ съ фрегатомъ *Винсенъ*. Мы еще не успѣли остановиться, какъ японскій чиновникъ съ голландскимъ переводчикомъ посѣтили насъ. Онъ спросилъ, зачѣмъ я прибылъ въ Японію. Я отвѣчалъ, что прибылъ, какъ другъ, узнать, не открыла ли Японія своихъ портовъ иностранцамъ, подобно Китаю, и если это такъ, то заключить условія, на которыхъ американскіе корабли

(*) И этого не могутъ.

могутъ торговать съ Японіей. Онъ просилъ меня написать этотъ отвѣтъ, и я написалъ ему ноту, съ которой копія при семъ прилагается. Онъ увѣдомилъ меня, что правительство дастъ мнѣ всѣ потребности, въ которыхъ мнѣ встрѣтится нужда. На вопросъ мой: позволено ли мнѣ будетъ выйти на берегъ? онъ отвѣчалъ отрицательно. Онъ хотѣлъ было, чтобъ *Колумбусъ* и *Винсенъ* не сообщались посредствомъ шлюпокъ, но я настаивалъ на этой необходимости, и онъ уступилъ мнѣ. Скоро окружило насъ множество казенныхъ судовъ, и толпа Японцевъ взошла на палубу. Я не мѣшалъ имъ, чтобъ могли убѣдиться въ дружескомъ нашемъ расположеніи и видѣли, что мы можемъ во всякомъ случаѣ защитить себя (*to take care of ourselves*).

«На слѣдующее утро чиновникъ высшаго чина пріѣхалъ къ намъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что иностранные корабли, входя въ японскіе порты, всегда высылаютъ на берегъ свои пушки, ружья, сабли, и пр. Я отвѣчалъ ему, что мнѣ невозможно сдѣлать этого, и увѣрялъ его, что пришелъ съ мирными намереніями. Онъ сказалъ мнѣ, что вчерашнее мое писанье представлено императору, который находится теперь внѣ Іедо, и что отвѣтъ будетъ данъ черезъ пять или шесть дней. Я спросилъ у него, зачѣмъ насъ ок-

ружили лодками? Онъ отвѣчалъ, что онѣ поставлены тутъ на случай, если мы пожелаемъ, чтобъ онѣ тащили насъ. Это, разумѣется, было несправедливо; цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы мы не могли имѣть сообщенія съ берегомъ. Когда мы послали наши шлюпки измѣрить глубину воды около того мѣста, гдѣ мы стояли, то съ ними пошло множество лодокъ, но онѣ нисколько не беспокоили нашихъ шлюпокъ. Во все время нашего пребыванія въ заливѣ, эти лодки не разставались съ нами. У меня на кораблѣ находились копіи, на китайскомъ языкѣ, съ трактатовъ, заключенныхъ съ Французами, Англичанами, Американцами. Я предложилъ эти трактаты японскому чиновнику, который не согласился принять ихъ и объявилъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія своего императора. Потомъ я предлагалъ эти же трактаты другимъ японскимъ чиновникамъ, но и тѣ также отказались принять ихъ.

«Не бесполезно, можетъ быть, сказать, что въ первый день, какъ Японцы взялись доставить мнѣ воды, они прислали мнѣ сто восемьдесятъ галлоновъ, а на другой восемьсотъ. Мы ежедневно употребляли около восьмисотъ галлоновъ. Я сказалъ чиновнику, что пошлю шлюпки за водою на берегъ, если не буду получать ее столько, сколько намъ

нужно. Онъ возразилъ, что произойдетъ неприятность, если я пошлю шлюпки на берегъ; я отвѣчалъ, что найдусь принужденнымъ сдѣлать неприятность, если намъ не будутъ доставлять того, что намъ необходимо. На третій день привезли намъ тысячу сто галлоновъ, а на четвертый почти десять тысячъ.

«25-го числа, не получивъ отвѣта на письмо, высланное на берегъ назадъ тому пять дней, я выразилъ японскому чиновнику свое удивленіе по этому случаю и просилъ его увѣдомить губернатора въ Иедо, что прошу отвѣта какъ можно скорѣе.

«27-го числа, чиновникъ, со свитой изъ восьми человекъ, пріѣхалъ къ намъ съ императорскимъ отвѣтомъ. Отвѣтъ переведенъ японскимъ переводчикомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«По японскимъ законамъ, Японцы могутъ торговать только съ Голландцами и Китайцами. Не будетъ позволено Америкѣ заключить торговый трактатъ съ Японіей, какъ не будетъ это дозволено ни какой другой націи. Все относящееся до иностранцевъ опредѣляется въ Нагазаки, а не въ здѣшнемъ заливѣ; по этому вы должны уѣхать какъ можно скорѣе и не возвращаться сюда.»

«Я замѣтилъ чиновнику, что Северо-Аме-

риканскіе Штаты желаютъ заключить торговый союзъ съ Японіей, если сама Японія того желаетъ; что я прибылъ узнать объ этомъ желаніи, и, убѣдившись, что она не намѣрена еще открыть своихъ портовъ внѣшней торговлѣ, уѣду завтра же, если погода позволитъ. Отвѣтъ мой, по просьбѣ чиновника, я былъ принужденъ написать и отдать ему. Я отправилъ письмо императора къ доктору Паркеру, съ просьбою, чтобъ онъ перевелъ его и доставилъ вамъ переводъ, вмѣстѣ съ самымъ оригиналомъ.

«Могу упомянуть здѣсь, что консулъ нашъ въ Шапгаи, г. Уалькотъ сообщилъ мнѣ, что онъ купилъ значительный грузъ американской хлопчатой бумаги для китайскихъ купцовъ, которые отправятъ ее въ Нагазаки. Можетъ быть, такимъ способомъ мы могли бы доставлять Японіи весь запасъ хлопчатой бумаги, которая ей потребна.

«Во время пребыванія въ Батавіи, въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ, я узналъ, что голландская торговля съ Японіей не достигаетъ до значительной суммы; что барыши едва покрываютъ расходъ факторіи и только что вознаграждаютъ обычные подарки, и что Голландцы держатся за эту торговлю единственно или главнѣйше потому, что флагъ ихъ—только одинъ флагъ, принимаемый въ этой странѣ; такое предпочтеніе лестно ихъ на-

родной гордости. Эти подробности подтверждаются тѣмъ, что голландская компанія въ Индіи добровольно предоставила торговлю съ Японіей своему правительству назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Онѣ же подтверждаются и письмомъ ко мнѣ отъ консула нашего въ Батавіи, г. Робертса, опытнаго негоціанта, который уже давно живетъ въ этихъ краяхъ.

«Остается мнѣ увѣдомить васъ объ одномъ непріятномъ обстоятельстве. Въ то утро, когда пріѣхалъ чиновникъ съ императорскимъ письмомъ, меня попросили сойти на его джонку для принятія письма. Я отказалъ въ этомъ требованіи и объявилъ переводчику, что мнѣ должно передавать письма, ко мнѣ адресованныя, на моемъ кораблѣ. Чиновникъ согласился со мной, но полагалъ, что какъ мое письмо было принято отъ меня на американскомъ кораблѣ, такъ письмо императора должно быть отдано на японскомъ кораблѣ. Какъ японскій чиновникъ, хотя приписывалъ важность этому обстоятельству, тотчасъ согласился устранить несогласіе, то я счелъ полезнымъ сдѣлать ему удовольствіе и сказалъ переводчику, что поѣду на японскій корабль и тамъ приму письмо. Переводчикъ поѣхалъ къ чиновнику. Черезъ часъ, я надѣлъ мундиръ и въ шлюпкѣ своей прибылъ къ японскому кораблю. Когда я всходилъ на корабль, одинъ Японецъ ударилъ меня

и отбросилъ въ шлюпку. Я тотчасъ закричалъ переводчику, чтобъ схватили этого человека, и вернуися на свой корабль въ сопровожденіи переводчика и многихъ японскихъ чиновниковъ.

«Всѣ они изъявляли величайшее сожалѣніе о томъ, что случилось, увѣряя, что виновный — простой солдатъ и будетъ строго наказанъ. Они спрашивали у меня, какъ я желаю, чтобъ онъ былъ наказанъ; я отвѣчалъ. «По японскимъ законамъ.» — Я замѣтилъ, что и сами чиновники очень виноваты. Они должны были быть на палубѣ и встрѣчать меня. Они объявили, что никакъ не ожидали видѣть меня, и я дѣйствительно убѣдился, что, по ошибкѣ переводчика, они думали, что мое послѣднее рѣшеніе было принять ихъ на моемъ кораблѣ. Я постарался объяснить имъ, какъ велико это оскорбленіе, и сколько они обязаны моей скромности, моему снисхожденію. Они показывали досаду и страхъ и всячески старались успокоить меня. Въ тотъ же день губернаторъ Іедо прислалъ ко мнѣ чиновника сказать, что солдатъ будетъ строго наказанъ, и выразить надежду, что я не примусь за это дѣло серьезно. Поступокъ этого солдата тѣмъ необъяснимѣе, что всѣ Японцы, бывшіе какъ у насъ на кораблѣ, такъ и около насъ, показывали чрезвычайно доброе расположеніе

(*great good nature*) въ сношеніяхъ съ нами.

«Убѣдая, что оскорбленіе совершено безъ участія и безъ вѣдома японскихъ властей, и видя, что мнѣ готовы оказать всякое вознагражденіе, я бы даже ни слова не донесъ вамъ объ этомъ происшествіи, еслибъ не думалъ, что журналы могутъ представить его не въ настоящемъ его видѣ.

«Я вышелъ изъ залива Іедо 29-го числа. Вчера разстались мы съ *Винсеномъ*. При семъ прилагаются данныя ему инструкціи.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ

«Вашъ покорнѣйшій слуга

«*Джемсъ Бредль.*»

Японцы показали себя въ этомъ случаѣ столько учеными, столько услужливыми, сколько имъ позволяютъ ихъ законы. Въ то же время они дѣйствовали съ рѣшимостію и твердостію, которыя составляютъ главную черту характера ихъ правительства. Американскіе офицеры были особенно поражены ихъ обращеніемъ съ иностранцами, во все непохожимъ на обращеніе Китайцевъ. Въ наружномъ видѣ Японцевъ, въ ихъ жестахъ, разговорѣ есть особая ловкость, достоинство и откровенность, которыхъ почти никогда не встрѣчаешь въ сосѣдяхъ ихъ, Ки-

*

тайцахъ. Съ этимъ согласны всѣ путешественники, и нельзя сомнѣваться въ нравственномъ превосходствѣ Японцевъ надъ жителями Небесной Имперіи. Разсказъ о попыткѣ адмирала Сесилия, мы возьмемъ изъ журнала *des Débats* (5-го января 1847), зная, что въ этой статьѣ подробности изложены вѣрно.

«Адмиралъ Сесиль вышелъ изъ Манилы 18 іюля 1846 года и 28 числа того же мѣсяца бросилъ якорь въ Нагазаки (*).

«Едва успѣли они бросить якорь, какъ ихъ

(*) Тутъ *Journal des Débats* прибавляетъ: Нынѣ, когда сила обстоятельствъ увлекаетъ къ этимъ мѣстамъ всѣ коммерческія и морскія державы, когда Голландія употребляетъ новыя усилія, чтобы развить сношенія свои съ этою страной, когда американскій коммодоръ посѣщаетъ ее и привозитъ къ ея повелителю письмо отъ президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, когда адмиралъ Кохренъ ѣздитъ туда показывать британскій флагъ, и Англія вѣроятно скоро рѣшится сдѣлать проломъ въ этой недоступной имперіи, — какъ слѣдовало бы обвинять французскаго адмирала, еслибъ онъ явился въ этихъ моряхъ только для того, чтобы сохранить постыдное *инкогнито*! У адмирала Сесилия была въ распоряженіи такая сила, какой не бывало ни у одного моряка, ходившаго въ эти мѣста; разумѣется, ему дали ее для того, чтобъ онъ воспользовался ею. Стало быть онъ долженъ былъ вести корабли свои въ японскія воды; но не имѣя спеціальныхъ инструкцій, онъ не могъ вступить въ переговоры; онъ въ самомъ дѣлѣ и не думалъ о нихъ. Во всякомъ случаѣ онъ обязанъ былъ представить Японцамъ Францію, если не союзною, такъ дружелюбною державой.

«Это онъ и сдѣлалъ.»

окружили множество лодокъ съ любопытными, съ товарами, съ овощами, живностью и съ свѣжими припасами, которые были привезены для продажи (*полно такъ ли?*). Въ томъ числѣ нѣсколько лодокъ, побогаче украшенныхъ, привезли чиновниковъ, которые тотчасъ же взошли на французскій корабль, безъ недовѣрчивости, но и безъ заносчивости. Они пріѣхали просить адмирала, именемъ своихъ законовъ и для сохраненія собственной своей жизни, не дѣлать попытокъ для выхода на берегъ. Впрочемъ, они были очень учтивы, обязывались доставить кораблямъ все, что можетъ имъ понадобится и особенно хотѣли взглянуть на огромныя орудія, которыхъ большая часть Японцевъ никогда не видывала....

«Ночью, на берегу зажгли много огней; на островѣ замѣчалось большое движеніе, особенно въ фортахъ и баттарейхъ, которыми окруженъ превосходный портъ Нагазаки. Впрочемъ, Японцы принимали только простыя мѣры осторожности, потому что на другой день, на развѣтѣ, тѣ же посѣтители и еще множество другихъ пріѣхали опять на корабль. Все происходило, какъ наканунѣ: та же учтивость, то же мирное расположеніе, и та же страсть разсматривать все, что попадалось имъ на глаза. Когда вопросы ихъ истощились, и они записали все, что хотѣли

(между ними были писцы, которые не переставали писать целый день), адмиралъ объявилъ имъ вечеромъ, что запасся провіантомъ и потому уѣдетъ въ море, для продолженія пути своего....

«Теперь дворъ въ Тедо знаетъ, по донесеніямъ своихъ чиновниковъ, что Франція также имѣетъ большіе корабли; что на нихъ хорошо-обученные экипажи, которые умѣютъ защищать права своей страны и интересы своихъ соотечественниковъ.»

Передавъ слово въ слово эту статью, позволимъ себѣ сдѣлать на нее одно замѣчаніе. Нельзя не одобритъ поведенія французскаго адмирала, но не по тѣмъ причинамъ, которыя выставляетъ *Journal des Débats*. Еслибъ адмиралъ Сесиль и не зашелъ въ Японію, то нельзя было бы назвать его осторожность — постыднымъ инкогнито. Франція можетъ столь-же мало заниматься Японіею, сколько занималась сама Японія Франціей; и взгляды Японцевъ на большіе французскіе корабли несколько не могъ измѣнить мнѣнія японскаго правительства на счетъ тѣхъ мѣръ, которыя оно приняло назадъ тому двѣсти лѣтъ для удаленія иностранцевъ изъ имперіи. Если Японія и приметъ когда нибудь европейскія идеи, то вѣрно приметъ ихъ мирнымъ путемъ.

Овермеръ Фишеръ, говоря о невозможно-

сти вторженія въ Японію, излагаетъ такъ свое мнѣніе о характерѣ этихъ гордыхъ островитянъ.

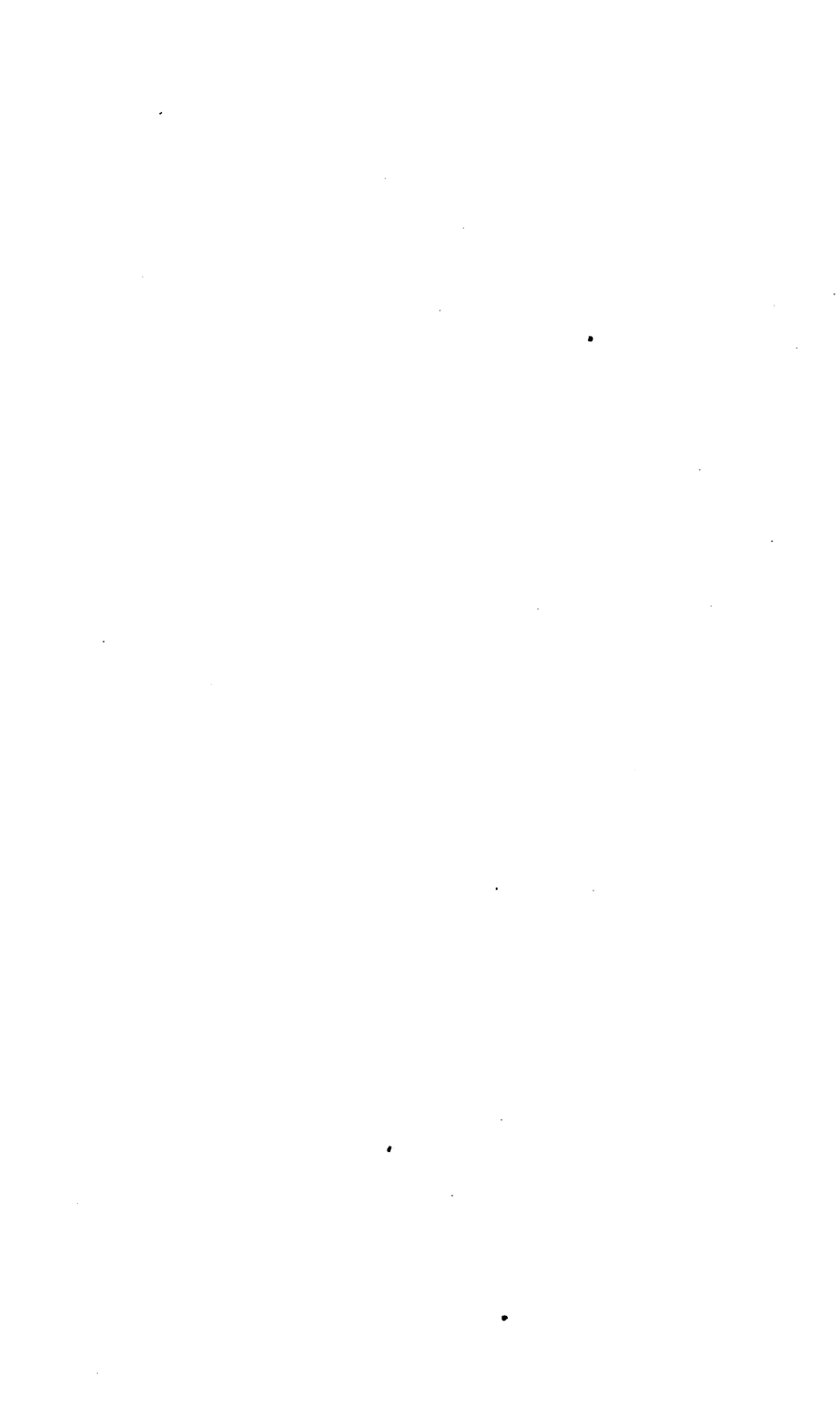
Японцы будутъ непобѣдимы до тѣхъ поръ, пока станутъ безусловно придерживаться настоящихъ своихъ учрежденій. Японецъ скорѣе умретъ, чѣмъ оставитъ порученный ему постъ: онъ знаетъ, что Японцу, который измѣнилъ принятому обычаю, нѣтъ никакой возможности оправдаться или быть оправданнымъ. Когда онъ хочетъ серьезно попросить, или торжественно подтвердить слова, или выразить самое горделивое чувство, онъ говоритъ только: «Я Японецъ!» Какое вторженіе возможно въ страну, которая, кромѣ того, что защищена самой природой, защищается единодушнымъ народомъ, состоящимъ почти изъ сорока милліоновъ душъ!

Таковы убѣжденія бѣльшей части Голландцевъ. Съ ними не соглашаются нѣкоторые публицисты, англійскіе и французскіе. Последние ставятъ на видъ несомнѣнное превосходство средствъ атаки, которыми владѣютъ Европейцы, надъ средствами защиты, какія можетъ доставить самый пламенный патріотизмъ. Они ставятъ на видъ, какъ Кравфордъ, что Японская Имперія, состоя изъ множества острововъ, можетъ быть атакована и подвергается опасности во многихъ

пунктахъ; что она составлена изъ нѣсколькихъ княжествъ, которыя сохранили отчасти прежнюю свою независимость, и что ихъ можно оторвать отъ Іедо; что во всякомъ случаѣ, легко завладѣть однимъ изъ острововъ и держаться на немъ, съ помощію значительной морской силы, противъ всѣхъ военныхъ силъ Японской Имперіи, и пр. Нельзя отвергать справедливости нѣкоторыхъ изъ этихъ предположеній; но очевидно, что завоеваніе Японіи или даже одного острова потребуетъ значительныхъ силъ, будетъ стоять чрезвычайно дорого, и едва ли поведетъ къ достиженію цѣли. Трудности, порождаемыя недовѣрчивостію японскаго правительства къ иностранцамъ, не должно считать непреодолимымъ препятствіемъ. Въмѣсто того, чтобъ нападать прямо на эту неприступную позицію, надобно ловко обойти ее и къ этому есть два средства, которымъ принадлежитъ вся будущность: цивилизація и торговля. Японцы пріучились видѣть Голландцевъ и Китайцевъ; также привыкнуть и къ Русскимъ, и къ Англичанамъ, если эти просвѣщенные націи чаще будутъ посылать туда ученныя экспедиціи, столь важныя и полезныя какъ для самой науки, такъ и для торговаго мореходства.

Въ числѣ элементовъ успѣха въ этомъ затруднительномъ дѣлѣ слѣдуетъ считать откры-

тый характеръ Японцевъ, ихъ врожденную любовь къ обществу, ихъ умную любознательность, ихъ замѣчательное стремленіе къ дѣльному и разностороннему образованію, котораго единственнымъ и неизсякаемымъ источникомъ они считаютъ Западъ. Можетъ быть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, Японія уступитъ, не европейскимъ паровымъ фрегатамъ и баттареямъ, а соединенному и неотразимому вліянію ума, науки, торговли и промышленности Европейцевъ. Эта нравственная побѣда будетъ вѣрнѣе и прочнѣе всякой другой, какъ бы ни были блистательны успѣхи оружія.

ЯПОНСКІЯ ЗАВЕДЕНІЯ

НА ЮГѢ И СѢВЕРѢ ЯПОНИИ.

Описывая географическое раздѣленіе Японской Имперіи, мы указали, какъ на принадлежность Японіи, на слѣдующіе острова: *Иезо*, *Гикази-Иезо* (южные Курильскіе), *Кита-Иезо* (Крафто), *Бонинъ* (Мунинъ-сима) и архипелагъ *Лиу-киу*. Острова эти еще недовольно хорошо обслѣдованы. Извѣстія о нихъ доставлены несчастнымъ Лаперузомъ и знаменитымъ Крузенштерномъ. Архипелагъ *Бонинъ* состоитъ изъ трехъ или четырехъ группъ и изъ сотни острововъ или островковъ и утесовъ. Главнѣйшій изъ этихъ острововъ, *Бонинъ-Сима*, открытъ Японцами, кажется, въ 1675 году, и получилъ такое названіе, потому что они не нашли на немъ жителей (*).

(*) Монинъ или Бонинъ, по китайски *Ву-жинъ* (Woo-jin), значитъ *безъ жителей*. Въ Кемпферъ мы находимъ въ I томѣ на стр. 60: «Они назвали его Бунезима или островъ Буне, потому что не нашли на немъ жителей.»

Впрочемъ, можетъ быть, имя это относится къ сѣверной группѣ, потому что два главнѣйшіе острова, у японскихъ географовъ, называются *Кита-сима* и *Мизамизи-сима*. Европейцы знаютъ только одинъ островъ, принадлежащій къ сѣверной группѣ, на которомъ былъ Бичи въ 1827 году и который онъ назвалъ *островомъ Пила, Пильсъ-Эйландъ, (Peel's Island)*. На южной части острова основались нѣсколько искателей приключеній изъ Американцевъ. Англичанъ, одинъ Датчанинъ, одинъ Генуезецъ; они привезли съ собою туземцевъ съ Сандвичевыхъ острововъ, и учредили небольшое заведеніе, которое иногда посѣщается китоловами. Сначала оно называлось *портъ Лойдъ*, потомъ *портъ Сенъ-Джорджъ* и наконецъ *портъ Сенъ-Вильямъ*, если вѣрить разсказу доктора Рушенбергера, который, путешествуя на американскомъ фрегатѣ *Peacock*, останавливался на островахъ Бонинъ въ 1836 году. Объ японскихъ заведеніяхъ на этихъ островахъ мы ничего не знаемъ; объ этомъ нѣтъ ни слова въ самыхъ новыхъ путешественникахъ.

ІЕЗО И СОСѢДНІЯ ЗЕМЛИ.

Проходъ, открытый Лаперузомъ въ 1787 году, на сѣверѣ Японіи, между 45° и 46° , раздѣляетъ на двѣ части островъ, который до сихъ поръ считался цѣлымъ. Верхняя часть есть *Оку-Іезо*, то-есть *Верхній или Сѣверный Іезо* японскихъ картъ, онъ же *Таракай* (*Шока, Сахалинъ, Карафутто, Крафто*), а южная часть составляетъ самый островъ *Іезо*, котораго южная оконечность, *Мацмай*, отдѣляется заливомъ *Сангаръ* отъ сѣверной оконечности *Ниппона*. Самому южному мысу острова Крафто, Лаперузъ далъ имя *Мысъ Крильонъ*. Съ высоты этого мыса можно убѣдиться въ существованіи прохода, названнаго *проливомъ Лаперуза*, и еще въ существованіи сильнаго теченія, которое изъ открытаго океана стремится черезъ проливъ къ западу. Волны съ яростію разбиваются объ утесистые острова, лежащіе передъ мысомъ; одинъ изъ нихъ, въ четырехъ льѣ отъ мыса, наз-

ванъ *Опаснымъ*. На востокъ отъ мыса Крильона открывается, въ видѣ полумѣсяца, огромный заливъ *Анива*, который на востокъ ограниченъ другимъ мысомъ, называемымъ *Мысъ-Анива*. Страна эта была извѣстна мореходамъ, которые предшествовали Голландцамъ, и изслѣдована Крузенштерномъ. Но прежде представимъ извѣстія, собранныя Лаперузомъ, о жителяхъ южной оконечности острова *Шоки*, близъ Мыса-Крильона.

Это были первые изъ островитянъ, посѣтившіе чужеземный корабль. Жители обоихъ береговъ Татарскаго Залива нисколько не любопытствовали видѣть огромныя морскія зданія, хотя вѣроятно это были первые корабли, представившіеся ихъ глазамъ. Обитатели Мыса-Крильона, напротивъ того, скоро прибыли къ своимъ гостямъ. Изъ всѣхъ подарковъ, наиболѣе понравились имъ табакъ и водка. Одинъ изъ ихъ старшинъ, получивъ въ подарокъ бутылку водки, опустилъ въ воду двѣ или три капли, какъ жертвоприношеніе божеству. Лаперузъ говоритъ, что островитяне крѣпки, сложенія правильнаго и даже красиваго; кожа у нихъ самага темнаго цвѣта; руки, шея и спина покрыты волосами; борода спускается даже на грудь; въ обращеніи важны и надоедаютъ только тѣмъ, что безпрестанно просятъ подарковъ, но нисколько не благодарны за то, что получаютъ.

У нихъ хотѣли купить рыбы, но они требовали за нее непомерныхъ цѣнъ. Радость французскихъ мореходовъ, когда они открыли проливъ, располагала ихъ къ щедрости; но разница между поведеніемъ этихъ островитянъ и скромностію *Орочисовъ* была такъ разительна, что остановила первые порывы этой щедрости: послѣдніе едва принимали подарки, боясь, такъ сказать, принять слишкомъ много. Они, кажется, столько же превосходили островитянъ въ нравственномъ отношеніи, сколько островитяне превосходили ихъ тѣлеснымъ сложеніемъ, крѣпостію и промышленностію. Хотя это двѣ совершенно различныя породы, потому что одни происходятъ отъ Тунгузовъ, а другіе отъ Айносовъ, но и тѣ и другіе живутъ одинаковымъ образомъ, строятъ свои хижины по одному образцу, ставятъ въ нихъ грубые идолы и катаются въ одинаковыхъ пирогахъ. Оба племени не знаютъ ни земледѣлія, ни скотоводства и живутъ единственно звѣриною и рыбною ловлею. Первые принадлежатъ къ ослабѣвшимъ человѣческимъ породамъ, каковы Самоѣды и Лапландцы; послѣдніе, напротивъ, по наружности, крѣпче Манчжуровъ, Японцевъ и Китайцевъ; черты лица у нихъ почти европейскія. Одежда ихъ была сшита изъ матеріи, которую они сами прятотовляютъ; жилища опрятны, даже кра-

сивы, утварь почти вся японская; у многихъ были роскошныя лаковыя вазы. Въ обмѣнъ за эти разныя статьи, они предлагаютъ своимъ южнымъ сосѣдямъ вывозную статью, которой у тѣхъ недостаетъ: *ворвань*. Лаперузъ не видалъ ни одного кита въ Татарскомъ Заливѣ; но когда вошли въ Лаперузовъ Проливъ, то увидѣли ихъ множество, почти столько же, сколько въ проливѣ *Лемеръ*, у Огненной-Земли.—«Островитяне, говоритъ Лаперузъ, рѣжутъ китовъ на части, выпускаютъ жиръ на солнцѣ, собираютъ его въ корзины изъ древесной коры и въ мѣхъ изъ кожъ акулы, и это произведение составляетъ ихъ богатство. Кажется, въ земляхъ ихъ нѣтъ металловъ; Французскіе естествоиспытатели нашли только произведенія волканическія. Растительность не богата, однакоже сильнѣе растительности на противоположномъ континентѣ. Эти островитяне, при своихъ физическихъ преимуществахъ, храбрѣе жителей материка, которые не могутъ стрѣлами бить медвѣдей и лосей и ставятъ имъ капканы и силки. Напротивъ того, Айносы-островитяне, на зимней охотѣ, часто входятъ въ борьбу съ медвѣдями и убиваютъ ихъ стрѣлами и палицами. Изъ этихъ опасныхъ дуелей они часто выносятъ раны, которыя показываютъ съ гордостію. *Пирогги* суть выдолбленные сосновые стволы,

которые сидятъ отъ двѣнадцати до пятнадцати дюймовъ въ водѣ. Помѣщается въ *нирôгъ* отъ шести до семи человѣкъ; они ѣздятъ въ этихъ грубыхъ судахъ отъ 42° до 53° сѣв. шир.; проѣзжаютъ въ день по двѣнадцати льё, но не отходятъ отъ береговъ болѣе, чѣмъ на пистолетный выстрѣлъ, развѣ только для переѣзда съ одного острова на другой. Какъ ловятъ они китовъ, до сихъ поръ не извѣстно. Даже Крузенштернъ не говоритъ объ этомъ ни слова; но упоминаетъ, что они ловятъ сивучей и моржей. Не изъ этихъ ли животныхъ получаютъ жиръ, и не ошибся ли Лаперузь? Крузенштернъ замѣчаетъ, что даже Японцы въ его время не занимались китоловствомъ, хотя заливъ Анива очень богатъ китами. Японскій писатель Ринсифе тоже говорилъ, что они не умѣютъ ловить китовъ, но считаютъ ихъ своими благодѣтелями, потому что киты гонятъ къ берегу множество рыбы. Когда стали спрашивать жителей залива *Анивы* объ ихъ островѣ, они обрисовали его точно такъ же, какъ и западные ихъ соотечественники, принадлежащіе къ тому же племени; означили каждую станцію каботажнаго плаванія и сказали имя каждой. Удивительно, что они, какъ и прочіе Айносы, довольно хорошо знаютъ Амуръ, хотя живутъ отъ него далеко (болѣе полутора ста льё). Надобно полагать,

что рѣка эта часто бываетъ посѣщаема, хотя устье ея почти необитаемо. Безъ Амура, который, какъ и всѣ большія рѣки, есть главное средство сообщенія и безъ *Манчжуровъ*, которые здѣсь ведутъ сношеніе съ Западомъ, островитяне Мыса-Крильона не знали бы ни *Орочи*, ни Китайцевъ, ни Тунгузовъ. Надобно замѣтить, что тартарійскій берегъ отдѣленъ рѣкою Амуромъ и что онъ не посѣщается ни Китайцами ни Корейцами, можетъ быть, по причинѣ негостепріимныхъ горъ, или по незнанію, или наконецъ по причинамъ политическимъ.

Восточный берегъ, близкій къ ихъ берегу, оказался совершенно незнакомымъ племени, живущему около Мыса-Крильона. Но они очень хорошо знали островъ *Іезо* и называли его *Чиха* или *Чика*. Они получаютъ оттуда японскіе товары охотнѣе, чѣмъ китайскіе; это особенно слѣдуетъ приписать тому, что на южной оконечности острова *Іезо* давно уже существуетъ японская колонія, называемая *Мацмай*.

Лаперузъ замѣчаетъ, что окрестности Мыса-Крильона, съ жилищами на высотахъ около мыса, среди зеленѣющихъ холмовъ и ручейковъ, показались ему не безъ прелести. Онъ говоритъ, что Айносовъ на южной оконечности острова до трехъ тысячъ душъ. Всѣ же племена, найденныя экспедиціею

на всемъ тартарійскомъ берегу, едва ли могли бы доставить три сотни человѣкъ (*).

Туземцы Мыса-Крильонъ не знали названія *Иезо* и *Оку-Иезо*; свой островъ называли они *Шока*, и Лаперузъ сохранилъ ему это имя. Онъ полагалъ, что жители цѣпи Курильскихъ острововъ и жители *Иезо* и *Шока* принадлежать къ одному племени, по своему характеру и происхожденію, но отличны отъ жителей азійскаго материка, и что это не колонія, высланная съ континента. Однакожъ Клапротъ (въ *Asia polyglotta*, стр. 302) замѣчаетъ, что между нарѣчіями айно и самоподскими есть сходство; кромѣ того, есть сходство даже съ языками Сѣверной Азіи. Лаперузъ же утверждаетъ, что нарѣчіе на *Иезо*, *Шока* и на Курильскихъ островахъ происходитъ изъ одного корня; и это подтверждается ея филологическими розысканіями Клапрота, который сравнивалъ словарь айно—или курильскій южной оконечности Камчатки (обыкновенно называемый Курильской-Донаткой)

(*) Риттеръ (въ *Encyclopede, Asien*, Band. III, стр. 468) замѣчаетъ, что весь берегъ къ сѣверу отъ Кореи долженъ быть одною изъ пространѣйшихъ пустынь на Зѣмномъ Шарѣ, если принять въ соображеніе самое мѣстоположеніе, лежащее подъ негостепріимными широтами. На пространствѣ тысячи морскихъ миль по берегу, корабль въ триста тоннъ едва ли вынесъ бы себѣ достаточный грузъ.

съ словарями Курильцевъ и Айно, живущихъ на островѣ *Iezo* и на *Tarakaï* (*).

Сами себѣ они даютъ названіе *Айно*, то есть, людей; имя Курилецъ, вѣроятно, происходитъ, по словамъ Клапрота, отъ *куръ* или *гуру*, что значитъ то же человѣкъ или племя. Дѣйствительно, эти племена, разсѣянные по островамъ и разъединенныя бурнымъ моремъ, должны происходить отъ одного корня. Нельзя думать, чтобъ они могли сдѣлать *прямой переездъ* изъ Камчатки до *Щоки*, въ утлыхъ своихъ пирогахъ, по такимъ бурнымъ волнамъ, на разстояніи ста двадцати географическихъ миль; однакоже *постепенное распространеніе* съ одного острова на другой, изъ одного залива въ слѣдующій, вдоль цѣпи Курильской, кажется очень вѣроятнымъ. Также понятно, что туземцы могли пробраться къ Амуру, чрезъ *Iezo*, а потомъ вдоль большаго острова *Щока*.

Знаменитый Крузенштернъ довершилъ дѣло, начатое Лаперузомъ. 2-го мая 1805 года вошелъ онъ въ заливъ на сѣверной оконечности острова *Iezo* (*Iezo* или *Иезо*, по Клап-

(*) См. *Asia polyglotta*, стр. 300—315. См. также *Sankokf tsou han to sets*, соч. Ринсифе (Общій взглядъ на три государства), переводъ съ японо-китайскаго оригинала Клапрота. Парижъ, 1832—1838 г.—*Vocabulaire de la langue des Aïnos, de Kamtschatka, de Tarrakai et de Iezo*, 242—255.

роту, *Инсу* или *Энсо* по Броутону); этотъ заливъ онъ называлъ *Румянцевымъ*, возлѣ мыса *Румянцева* подъ $45^{\circ} 25' 50''$. Во многихъ мѣстахъ лежалъ еще плотный снѣгъ; не было ни малѣйшихъ признаковъ весны, ни зелени, ни листьевъ. Въ Камчаткѣ, говоритъ Крузенштернъ, въ это время гораздо теплѣе. Въ Западной Россіи, только въ Архангельскѣ, то есть, восемнадцатью градусами ближе къ сѣверу, погода такъ сурова въ апрѣлѣ, какъ здѣсь въ *май*. Русская экспедиція, только что вышедшая изъ Японіи (16 апрѣля 1805) и сказавшая тамъ, что имѣетъ намѣреніе пройти между Японіею и Кореей, должна была возбудить подозрѣніе въ японскомъ правительствѣ. Переводчикамъ предоставили объяснить Крузенштерну невозможность пройти между Японіей и *Иезо*, по проливу *Сангаръ*; ему сказали, что проливъ испещренъ утесами, шириною не болѣе трехъ японскихъ миль, то есть, всего одну морскую милю, и очень опасенъ. Приготовили императорское приказаніе Русскимъ о томъ, чтобы они нигдѣ не подходили къ японскимъ берегамъ, кромѣ случая бури, и тогда имъ подадутъ помощь. Между тѣмъ Крузенштернъ секретно получилъ позволеніе изслѣдовать сѣверо-западные берега Японіи, для безопасности дальнѣйшаго его плаванія; но за то онъ обѣщалъ не заходить въ Японію на воз-

вратномъ пути изъ Камчатки. По этому японскіе чиновники, находившіеся въ Румянцевомъ заливѣ въ качествѣ *блюстителей торговли*, настаивали, чтобы русскій корабль немедленно удалился. Главнаго изъ нихъ не могли уговорить принять какой нибудь подарокъ; онъ даже отказался отъ японскаго *закки* (которое высоко цѣнится въ этихъ мѣстахъ), потому что не хотѣлъ унижать свое достоинство, или потому, что не смѣлъ нарушить приказанія, которымъ рѣшительно запрещается принимать что либо отъ иностранцевъ. Этотъ Японецъ сообщилъ слѣдующія географическія свѣдѣнія.

Онъ назвалъ свой округъ *Ноцамбу* (по Клапроту *Носамбу*), и другой южный—*Соя*. Маленькій на западѣ островъ, на которомъ *Никъ-де-лангль*, назвалъ онъ *Тимо-ми*. Крузенштернъ опредѣлилъ положеніе двухъ острововъ *Тимо-ми* и *Тиши*. Проливъ, отдѣляющій эти острова отъ Большаго Іезо, по словамъ Японца, не болѣе пяти географическихъ миль (или восемнадцати морскихъ миль) въ ширину, а Іезо на такомъ же разстояніи отъ острова *Карафута*, который и видѣть можно при ясномъ небѣ. На этотъ разъ *Карафута* или *Крафто* означало тотъ островъ, который у Лаперуза называется *Шона*. На сѣверъ, говорилъ тотъ же Японецъ, *Крафто* отдѣляется отъ другой земли не-

большимъ проливомъ. Крафтѣ, по словамъ его, не болѣе половины *Иезо*; но онъ не зналъ сѣверной его части, которую Айно называютъ *Санданъ*, потому что Японцы успѣли изслѣдовать только южную. Тутъ, говорилъ онъ, стоятъ императорскія войска; онъ же показалъ *Мацмай* на югѣ и назвалъ на сѣверовостокѣ четыре Курильскихъ острова, которые будто бы принадлежатъ Японіи. Онъ называлъ еще другіе мысы, рѣки, и проч., означенные на японскихъ географическихъ картахъ. Первоначальные обитатели этихъ острововъ, называющіеся у Русскихъ *Мохнатymi* Курильцами, называютъ сами себя *Айно*; но они живутъ только на сѣверной оконечности *Иезо*, потому что южная, въ *Мацмай*, принадлежитъ непосредственно Японіи; подъ именемъ *Оку-Иезо* (Большой-Иезо), эти Айно разумѣютъ Южные Курильскіе-Острова.

Ни здѣсь, ни въ заливѣ Аяива, никто не зналъ именъ *Чика* или *Щока*, записанныхъ Лаперузомъ. *Щока* означаетъ, можетъ быть, только западный берегъ съ заливомъ *Делангль*; *Карафутто*—южную оконечность съ заливомъ Аяива, а *Санданъ* (у Айно) сѣверную оконечность того же острова, который у Крузенштерна по прежнему называется *Сахалинымъ*. Крузенштернъ узналъ еще отъ блюстителя японской торговли, что Айно на сѣверной оконечности *Иезо* могутъ доставить

только рыбу, неважные мѣхà, лисьи и волчьи шкуры; все это промѣниваютъ они на трубки, табакъ, рисъ, домашнюю посуду и разныя лаковыя вещи, получаемыя отъ Японцевъ; но что эта торговля производится только лѣтомъ, и что самъ онъ (блюститель) возвращается на зиму въ Мацмай къ своему семейству.

Заливъ Анива (Gama-gu-Aniwa), въ послѣдствіи посѣщенный Крузенштерномъ, далеко вдается въ берегъ, въ видѣ полумѣсяца, съ двумя рогами, мысомъ Крильономъ и мысомъ Анива. Внутри этого огромнаго залива есть небольшая бухта, при которой находится японская факторія (подъ 46° 36' сѣв. шир.). Открытіемъ ея и опредѣленіемъ ея положенія обязаны знаменитому русскому мореходцу. Отъ него узнали въ первый разъ, что Японцы проникли сюда.

Западный берегъ залива Анива, по словамъ Крузенштерна, очень гористъ. Горы во многихъ мѣстахъ были еще покрыты снѣгомъ. Передъ японскимъ селеніемъ, у бухты Крузенштерна, стоялъ на якорѣ японскій одномачтовый корабль, съ грузомъ сушеной рыбы. На вопросы, сдѣланные командиру этого корабля, онъ отвѣчалъ такими же географическими показаніями, какъ и блюститель торговли; онъ только прибавилъ, что корабль, сидящій въ водѣ на семь или восемь футовъ,

не пройдетъ по проливу на сѣверъ отъ *Сандана*. Онъ говорилъ, что японскимъ чиновникамъ, живущимъ въ этомъ мѣстѣ, поручено смотрѣть за торговлей съ *Айносами*, чтобъ эти островитяне не терпѣли обидъ и притѣсненій. Послѣ узнали отъ другаго японскаго мореходца, что торговля въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно важна для *Японцевъ*, которые получаютъ отсюда важнѣйшую статью своего продовольствія, сушеную рыбу; что прежде это была торговля свободная, но съ нѣкотораго времени японское правительство присвоило себѣ монополію и извлекаетъ изъ нея значительныя выгоды. Жители же должны платить очень дорого за предметы первой необходимости.

Стало быть, блюстители находились тутъ не съ тою цѣлю, въ которой признавались, хотя *Крузенштернъ* вообще замѣтилъ, что *Японцы* обходятся съ *Айносами* очень ласково. Когда *Русскіе* были въ *Крузенштерновой-бухтѣ*, японскія жилища казались вновь построенными; на одной рѣчкѣ насчитали восемь магазиновъ, наполненныхъ рыбой, солью и рисомъ. Японскіе чиновники выразили чрезвычайный ужасъ, когда увидѣли иностранцевъ. Всѣ они дрожали, вѣроятно боясь нападенія. Ихъ окружали дюжины двѣ *Японцевъ* и полсотни *Айно*. Десять плоскодонныхъ судовъ стояли въ рѣчкѣ. По сосѣдству

видно было только нѣсколько хижинъ туземцевъ: здѣшняя торговля должна употреблять ежедневно до десяти или двѣнадцати японскихъ каботажныхъ судовъ, отъ ста до ста двадцати тоннъ.

Но главный центръ японской торговли долженъ быть въ *Тамари-Анива*, гдѣ и факторія гораздо болѣе. Тутъ болѣе ста домовъ Айносовъ, и болѣе трехъ сотъ человѣкъ чистили и сушили рыбу. Пять небольшихъ судовъ съ мачтами и одна большая лодка, съ множествомъ лодочекъ, стояли въ портѣ, который не великъ, но безопасенъ. Равнина, на которой расположена колонія, пріятнѣе прочихъ мѣстъ на берегу; да и чиновники японскіе, жившіе тутъ, казались высокаго чина. Каждый изъ нихъ носилъ по двѣ сабли, а чиновники въ Крузенштерновой-бухтѣ носили по одной. Они не показали испуга и обошлись съ иностранцами привѣтливо и гостепріимно.

Въ заливѣ такъ много китовъ, что русскіе корабли принуждены были подвигаться впередъ съ большою осторожностію. Число китовъ еще болѣе увеличилось на востокъ отъ залива *Терильніа*. Разумѣется кашалотъ далѣ бы здѣсь значительныя выгоды, еслибъ Японцы принялись ловить этихъ водяныхъ гигантовъ, чего они до сихъ поръ не дѣлаютъ, хотя въ Японіи уже высоко цѣнятся

спермацетъ и сѣрый янтарь. Берега богаты устрицами, раками и рыбой. Въ обѣихъ факторіяхъ, болѣе четырехъ сотъ Айно заняты единственно чищеніемъ рыбы; ее такъ много, что во время отлива собираютъ ее цѣлыми корзинами.

По обѣимъ сторонамъ рѣчки стоятъ прекрасныя сосновыя рощи; они доставляютъ матеріалъ для постройки домовъ и судовъ.

Крузенштернъ полагаетъ, что это мѣсто превосходно для европейской колоніи; помѣстивъ здѣсь депо европейскихъ товаровъ, удобно было бы производить торговлю и съ Японцами и съ Китаемъ. Последнимъ такъ нужны мѣха и рыба, что сбытъ этихъ двухъ статей вѣренъ; къ этой торговлѣ присоединилась бы торговля европейскими товарами, которые покупала бы охотно Камчатка, хотя она можетъ платить только мѣхами. Все-го легче могутъ основать подобное заведеніе Англичане изъ Индіи или Испанцы съ Филиппинскихъ Острововъ; еще приличнѣе было бы оно Русскимъ, для пользы Камчатки, еслибъ недостатокъ народонаселенія въ Сибири и трудность сообщеній между Петербургомъ и Русскими Владѣніями въ Сѣверной Азіи не представляли препятствій къ выполненію такого проекта.

По мнѣнію Крузенштерна, можно овладѣть Аживою, не проливъ ни капли крови. При

хорошемъ вѣтрѣ, два судна съ двѣнадцатью пушками и шестьюдесятью матросами, могутъ отразить легко цѣлый японскій флотъ, еслибъ на немъ было даже до десяти тысячъ человекъ. Японцы не имѣютъ ни какого права на исключительное обладаніе *Сахалиномъ*; въ *Мацмай* у нихъ очень мало войска; переходъ сухимъ путемъ черезъ весь островъ изъ *Мацмая* къ сѣверной оконечности почти невозможенъ, потому что въ этой дикой странѣ нѣтъ вовсе дорогъ; а на сѣверѣ *Иезо*, какъ въ факторіи *Анивы*, нечего бояться сопротивленія.

На востокъ отъ залива *Анивы* тянется къ сѣверу цѣпь высокихъ горъ и проходитъ всю длину острова. Горы были еще покрыты снѣгомъ, 16 мая, когда Крузенштернъ огибалъ мысъ, до тѣхъ поръ неизвѣстный, нынѣ называемый *Ловѣнернъ*. За этимъ показался мысъ *Тонимъ*, и за нимъ *Мордвиновъ-Заливъ* подъ 46° 48' сѣв. шир. Прибрежные жители, Аїно здѣшнихъ мѣстъ, казались лучше сложенными и поворотливѣе своихъ южныхъ соотечественниковъ въ *Иезо* и около залива *Анива*; говорили они тѣмъ же языкомъ, одѣвались въ шкуры моржей, ловили какъ этихъ животныхъ, такъ и сивучей, доставляющихъ въ большомъ количествѣ жиръ, который туземцы продаютъ Японцамъ. Факторія *Анивы* отстоитъ

отсюда сухимъ путемъ на пять географическихъ миль. Домашняя утварь и мебель этихъ Айно куплена отъ Японцевъ. Восточный берегъ тянется отъ *Мордвинова Залива* прямо на сѣверъ, и представляетъ, при заливѣ *Терпнія*, опять выемку въ видѣ полу-мѣсяца.

Во внутренности острова горы продолжаютъ къ сѣверу. Самая высокая округленная вершина (подъ $47^{\circ} 33'$ сѣв. шир.) названа уже была Голландцами *Спенбергъ*; 20-го мая, часть ея была еще покрыта снѣгомъ. На восточномъ берегу, покрытомъ зеленью, разстилались равнины, богатая лѣсомъ. 21-го мая снѣгъ еще шелъ около мыса *Терпнія*, гдѣ Крузенштернъ бросилъ якорь, не смотря на неудобства этой стоянки.

На юго-востокъ отъ Мыса-Терпнія находится очень опасная утесистая мель, *Островъ-Роббенъ*, длиною въ тридцать пять географическихъ миль; на ней волны океана разбиваются съ страшною силою. На сѣверъ отъ этого острова, 26-го мая, видѣли только ледяное поле, исчезавшее въ отдаленіи. Отъ этого острова принуждены были идти на юго-востокъ, чтобы обойти огромныя ледяныя массы. Пройтись далѣе на сѣверъ было невозможно въ этотъ разъ; уже подъ 48° сѣв. широты представилось множество опасностей. Поэтому Крузенштернъ рѣшилъ

ся идти прямо въ Камчатку, мимо Курильскихъ Острововъ, и потомъ, въ теплое и болѣе благопріятное время, возвратиться опять къ Мысу Терпѣнія и дополнить съемку береговъ этого страннаго острова. Островъ Роббенъ и утесистая отмель опредѣлены точно въ эту первую поѣздку, и потомъ вычисленіе повѣрено во время второй. Сообщаемъ изъ путешествія Крузенштерна нѣсколько любопытныхъ подробностей объ *Айносахъ*, живущихъ на югѣ острова *Таракаи*.

Аино называются жители сѣверной оконечности острова. *Иезо* и жители южной оконечности острова *Сахалина* (*Шока* или *Таракаи*, по японски *Крафто*). Ростъ, сложеніе и языкъ доказываютъ, что оба племени происходятъ изъ одного корня. По этому-то старинные мореходы, незнавшіе Лаперузова Пролива, могли думать, что эти два народа составляютъ одинъ, къ которому принадлежатъ и косматые Курильцы, извѣстные съ 1739 года, со времени, когда Спангенбергъ посѣтилъ эти мѣста. Они почти одинаковаго роста, не болѣе пяти футовъ двухъ дюймовъ, почти совсѣмъ черные, съ густою и длинною бородою, съ вислобоченными черными волосами, почему (безъ бороды) они похожи на Камчадаловъ; однакоже черты ихъ лица гораздо правильнѣе. Старинное мнѣніе, что у нихъ волосы растутъ по всему тѣлу, не

подтверждено Крузенштерномъ; онъ называетъ его басней.

У женщинъ косы очень длинныя и совершенно черныя; лицомъ онѣ смуглы; губы окрашены въ синюю краску, руки татуированы, а грязь, которою онѣ покрыты, придаетъ имъ отвратительный видъ, хотя онѣ очень скромны и выраженіе ихъ лица не лишено нѣкотораго благородства. Въмѣсто жадности и любви къ грабежу, которыми обыкновенно отличаются жители острововъ Южнаго Океана, здѣсь встрѣчаешь услужливость и откровенность. Одежда ихъ изъ собачьихъ шкуръ и иногда изъ медвѣжьихъ. Также они употребляютъ грубую матерію изъ древесной коры, которую обшиваютъ сукномъ, а подъ нею носятъ легкую одежду Японцевъ. Мужчины носятъ серьги изъ латуни. Въ *Анивь* болѣе благосостоянія, чѣмъ на *Иезо*. Хижины, построенныя лучше тѣхъ, которыя стоятъ при *Румянцевомъ Заливѣ*, снабжены домашнею японскою утварью на восемь или на десять человѣкъ, показываютъ довольство и вообще несравненно удобнѣе временныхъ жилищъ у залива *Анивы* или на *Курильскихъ* островахъ, и въ *Камчаткѣ*.

Обыкновенно пьютъ снѣговую воду. Въ каждомъ домѣ есть молодой медвѣдь, котораго тамъ воспитываютъ и которому даютъ уголъ въ общей комнатѣ. Хотя онъ жилецъ

довольно неудобный, однакоже нельзя было уговорить ни одного домохозяина, чтобъ онъ продалъ своего медвѣдя. Преданіе (подтвержденное, какъ увидимъ послѣ, и новѣйшими путешественниками) о томъ, что этихъ медвѣдей кормятъ женщины—тоже басня.

У этихъ *Айносовъ* не найдено никакихъ слѣдовъ земледѣлія и скотоводства; они употребляютъ въ дѣло только собакъ и ѣздятъ на нихъ зимою въ санкахъ. Управление у нихъ патріархальное (*).

(*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ и по мнѣнію ученѣйшихъ географовъ, *Айносы* принадлежатъ къ монгольской породѣ и тянутся небольшими племенами не только въ *Иезо*, но въ *Таракаи* и на *Курильскихъ Островахъ*, почти до *Камчатки*. По японски они называются *Иезо*, по китайски—*Гіа-и*, то есть, *малые варвары*. Островъ, названный Европейцами *Иезо* по имени народа, въ немъ живущаго, содержитъ (какъ увѣряютъ Японцы), тысячу шесть сотъ селъ, раздѣленныхъ на шесть *куръ* или племенъ. Японскіе купцы часто посѣщаютъ эти села, для торговли съ *Айносами*. Они получаютъ это позволеніе, по поднесеніи подарковъ князю *Мат-су-мае*.

Островъ *Карафто* или *Карафутто*, котораго настоящее имя *Таракаи*, содержитъ, когда на немъ нѣтъ Китайцевъ, только двадцать два селенія *Айно*, которыхъ жители, какъ и всѣ *Айносы*, добры и дружелюбны, и живутъ такъ же, какъ *Айносы* на *Иезо*. Они поддерживаютъ дѣятельную торговлю съ Японцами и Манчжурами, и даже съ Русскими, занимающими большую часть *Курильскихъ Острововъ*, которые состоятъ подъ управленіемъ Русской Американской Компаніи.

Кромѣ *Иезо*, посѣщаютъ только одинъ изъ этихъ

Они всегда казались вполне довольны подарками, которые имъ доставались; всегда были чрезвычайно учтивы и готовы на всякую услугу; постоянно предлагали иностранцамъ свои лодки, безъ всякаго за то вознагражденія.

Число ихъ, весьма ограниченное на сѣверной оконечности Іезо, не превышало вось-

острововъ, называемый Японцами *Зи-сима*, то есть, тысяча острововъ, и носящій кромѣ того непереводимое имя *Кі-ита-зубъ*.

Ловля звѣрей, земноводныхъ и морскихъ, для добыванія мѣховъ, — главнѣйшее занятіе Айносовъ. Эти мѣха промѣниваютъ они на иностранныя произведенія, какъ-то, матеріи для обыкновенной одежды, шелковыя матеріи, трубки, табакъ, рисъ, японское вино или *заки* и пр. У Айносовъ нѣтъ храмовъ; божество ихъ называется *Камои*. Въ честь ему зажигаютъ они на горахъ и на берегу огромные огни; въ этомъ и состоитъ все богослуженіе. У этихъ *Іезо* или *Айносовъ*, по увѣренію Японцевъ, въ каждомъ селеніи самому почетному старику поручается управленіе дѣлами общины. Хотя умственные способности этихъ людей весьма мало развиты, однакоже они отличаются превосходнымъ характеромъ. Тѣ изъ нихъ, которые состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Японцами, съ особеннымъ участіемъ спрашиваютъ объ ихъ обычаяхъ и законахъ; вопросы объ этомъ слышны и отъ взрослыхъ и отъ дѣтей. «По этому, говоритъ одинъ японскій географъ, можно предполагать, что народъ этотъ пойдетъ все болѣе и болѣе къ образованію; въ слѣдствіе торговыхъ и мореходныхъ сношеній съ Японцами умъ его разовьется, и превосходныя качества его характера получатъ направленіе, благоприятное для его интересовъ.»

мидесяти душъ, въ восьми жилищахъ. Далѣе во внутреннейности острова не видно жилищъ, потому что эти племена живутъ рыболовствомъ: это главный ихъ промыслъ. Въ заливахъ *Крузенштерновомъ* и *Анивъ*, во время ловли, сходится отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, такъ что можетъ быть все это народонаселеніе, на обоихъ берегахъ Лаперузова Пролива, состоитъ не болѣе какъ изъ пяти сотъ человѣкъ.

Ниппонскія лѣтописи рассказываютъ объ удачныхъ походахъ до залива, которымъ сѣверъ Японіи отдѣляется отъ Іезо; однакоже Японцы основались на этомъ островѣ, и то въ одной южной части, не ранѣе половины VII вѣка (въ 659 году), или еще позже, если вѣрить одному японскому писателю, *Гаке-Сибей*, въ которомъ Зибольдъ не сомнѣвается. — Японцы должны были безпрестанно бороться съ дикими туземцами, и исторія умалчиваетъ о сношеніяхъ съ ними отъ IX до XV вѣка. Однакожъ, кажется, японское заведеніе продолжало существовать на югѣ Іезо; объ этомъ положительно говорятъ Іеронимъ Анжели и другіе іезуиты, которые посѣщали эти мѣста; но владычество Японцевъ утвердилось на небольшомъ углу Іезо, котораго величины они даже не подозрѣвали. Въ 1670 году на Іезо начались смуты; и въ японскихъ лѣтописяхъ, *Ванъ-ненъ-*

жи, можно прочесть, что «жители Иезо были преслѣдованы и побѣждены.» Съ тѣхъ поръ островъ Иезо управляется императорскимъ японскимъ губернаторомъ, который называется *Мацумай-но-ками*, то есть князь Мацумай (*).

Городъ *Мацумай*, резиденція его, сталъ центромъ туземной торговли съ Японіей. Въ концѣ XVIII вѣка Японцы распространили свое владычество на восточную часть этого острова и даже на южную острова Крафто (Сахалина). Японскій офицеръ, по имени Магами Ток-най, первый переѣхалъ съ Иезо на Крафто, въ іюль 1785 года, то есть, за два года до того, какъ Лаперузъ открылъ проливъ, раздѣляющій эти острова; этому-то офицеру обязана Японія всѣми свѣдѣніями объ этомъ замѣчательномъ островѣ, свѣдѣніями очень вѣрными. Черезъ нѣсколько лѣтъ японское правительство, котораго вниманіе было обращено на эти острова появленіемъ Лаперуза, Броутона и Лаксмана, поручило довѣреннымъ чиновникамъ осмотрѣть его и подчинить японскому управленію. Но

(*) Съ 1825 года Мацумай уступленъ князю *Симава* левное владѣніе; этотъ князь обязанъ черезъ каждые пять лѣтъ являться ко двору въ Иедо, подносить обыкновенные подарки (орлиные хвосты, шкуры выдръ и серебро) и принимать другіе подарки, въ замѣнъ привезенныхъ имъ.

распространенію заведеній и торговли японской на островахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Японіи, всего болѣе содѣйствовало появленіе Резанова, а въ слѣдъ за нимъ не мало помогли усиліямъ Японцевъ событія Хвостова и Давыдова, происходившія на Крафто и на Курильскихъ Островахъ. До тѣхъ поръ Японцы жили только въ городѣ Мацумаѣ и на югѣ острова Іезо; но съ тѣхъ поръ они распространились по всему острову, на обоихъ Курильскихъ Островахъ, выше названныхъ, и на югѣ Крафто. Для защиты своихъ подданныхъ въ этихъ мѣстахъ и главное—для удаленія иностранцевъ, японское правительство построило множество небольшихъ фортовъ и обсервационныхъ башенъ. Подобно туземцамъ (Айно), Японцы занимаются здѣсь ловлею или стараются извлечь всѣ возможные выгоды изъ моря. Для Японіи, гдѣ народонаселеніе, безпрестанно возрастающее, питается наиболѣе рыбою и рисомъ, привозъ сушеной или соленой рыбы изъ Іезо и изъ другихъ сѣверныхъ острововъ, гдѣ рыбы чрезвычайно много, оказывается и всегда будетъ сущою необходимостію. Другія произведенія моря доставляютъ японской казнѣ выгодныя статьи для торговли съ Китаемъ. По этому торговля Японіи съ сѣверными островами, доставляющая самый необходимый предметъ народнаго продовольствія,

гораздо для нея важнѣе торговли съ другими землями, отъ нея зависящими; даже важнѣе торговли съ Китаемъ, который доставляетъ только предметы роскоши и удовольствія. Ловля лосбсей, трески, сардинокъ, особенно богата въ этихъ мѣстахъ; также начинаютъ ловить тамъ китовъ, изъ которыхъ Японцы съ большою охотою пользуются мясомъ, чѣмъ ворванью. Другія вывозныя статьи суть мѣха, наприм. шкуры медвѣжьи, лисьи, выдръ, и пр., — орлиныя перья для стрѣлъ, которыя жители острова подносятъ князю Мацумая, какъ дань или какъ предметъ обмѣна. Кромѣ того вывозятъ лекарственныя снадобья, строевой лѣсъ, ворвань, икру и произведенія земли не столь важныя. Говорятъ, на островѣ Iezo есть богатая золотая руды; въ рѣкахъ его встрѣчаются частицы этого драгоцѣннаго металла; но открытіе рудниковъ строго запрещено сіюгуномъ. Золотой песокъ, находимый *Айносами*, приказано отдавать мацумайскому князю.

Привозъ ограничивается предметами, употребляющимися у Японцевъ въ домашнемъ обиходѣ, какъ напримѣръ, одеждой, домашнею утварью, съѣстными припасами (особенно рисомъ), табакомъ, *заки* и *соей*. Впрочемъ, давно уже *Айносы* употребляютъ двѣ послѣднія статьи; потому что, когда началь-

ники ихъ являются съ данью въ Мацумай, то для возвратныхъ подарковъ выбираютъ именно эти двѣ статьи, послѣ аудіенціи старшинъ и приличнаго имъ угощенія. Создавая новыя потребности, эта отрасль промышленности должна скоро получить огромное развитіе. Уже ввозъ табаку и заки въ Іезо очень значителенъ. Кромѣ того, туземцы охотно покупаютъ грубыя шерстяныя матеріи, горшки, фарфоръ и мѣдныя издѣлія, необходимыя для хозяйства, оружіе и недорогія лаковыя произведенія.

Торговля съ императорскими городами, то есть, Огозаки, Закаи, Іедо и Нагазаки, очень оживлена; она производится посредствомъ большихъ судовъ, построенныхъ для этой цѣли, съ кормою, которая гораздо выше чѣмъ у обыкновенныхъ кораблей. Эти суда называются *гоксенъ* (торговля съ северными судами). Часто посѣщаемые порты на Іезо суть: южные—Мацумай и Гакотаде; восточные—Акези и Немора; и на сѣверѣ—Сойя. Мацумай есть центръ торговли всего острова; тутъ живутъ агенты отъ казенной палаты изъ Нагазаки. Акери и Немора торгуютъ также съ Курильскими Островами, а Сойя съ южною частию острова Крафто, гдѣ находится, въ пунктѣ Сиранузи, богатѣе японское заведеніе. Во время лѣта японскіе рыболовы часто посѣщаютъ восточный берегъ Краф-

то; торговля же японская нечувствительно и мало-по-малу распространяется и по западному берегу. Особенно стараются не встрѣчаться съ купцами и чиновниками манчжурскими, которые имѣютъ большое заведеніе и складочный магазинъ въ Деренѣ, на правомъ берегу Амура, откуда китайское владычество распространяется на бѣдныхъ рыбаковъ, ничего неимѣющихъ, кромѣ сѣверныхъ оленей и кожъ, добываемыхъ звѣриною ловлею.

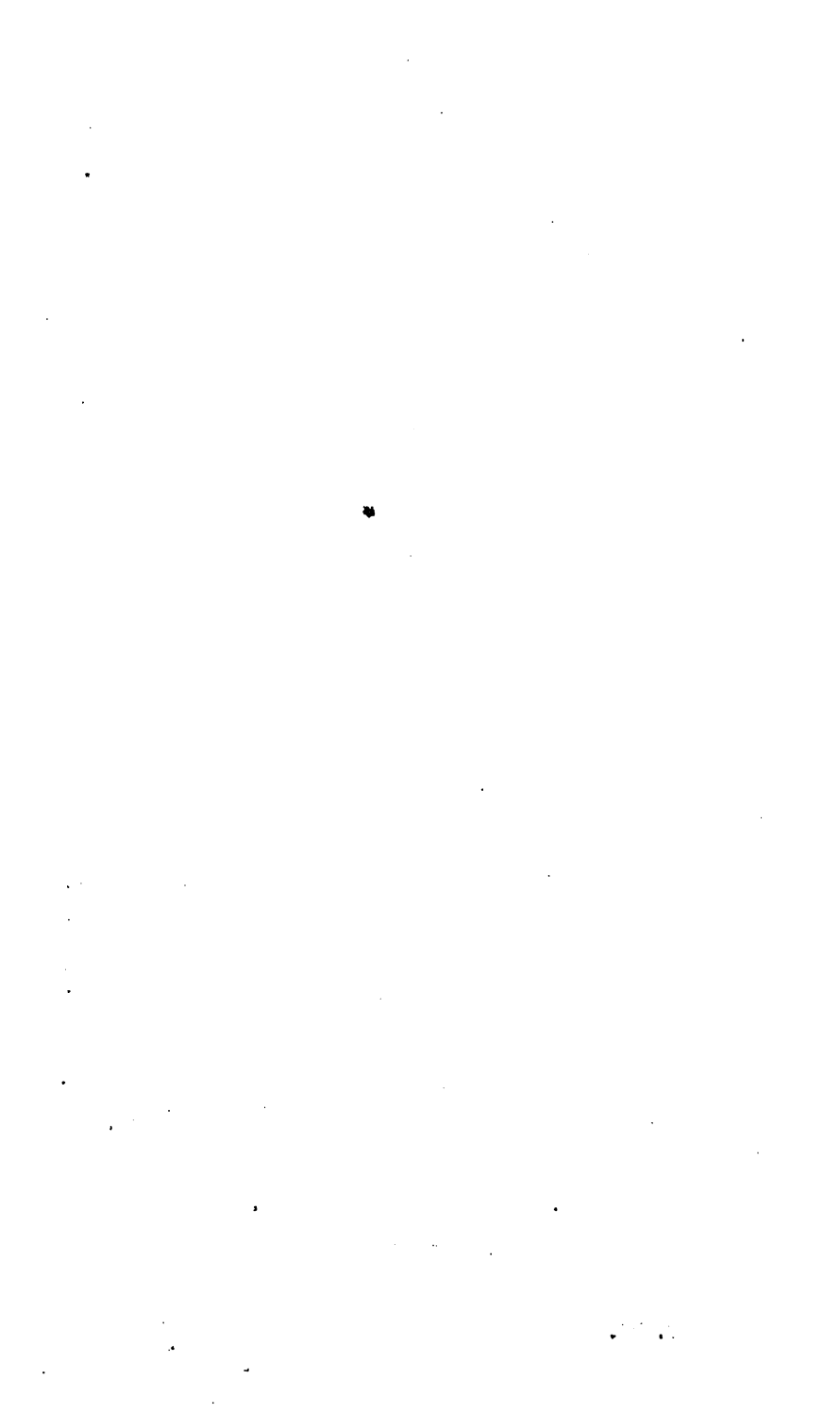
Жители Амура, которыхъ Японцы называютъ *Сантанъ* или *Саиданъ*, тоже торгуютъ съ Айносами на западномъ берегу Крафто. Они привозятъ свои товары на небольшихъ судахъ, кладутъ на берегъ и удаляются; Айносы рассматриваютъ товары, выбираютъ что понравилось, берутъ и замѣняютъ собственными своими произведеніями; такимъ образомъ совершается обмѣнъ, основанный на безпримѣрной честности и на взаимномъ довѣріи. Сантаны обыкновенно привозятъ шелковыя китайскія матеріи, извѣстныя въ Японіи подъ именемъ *Иезо низики*, — кораллы, голубые драгоцѣнные камни (*Крафто-тама*); Айносы отплачиваютъ имъ мѣхами. Также есть торговыя сношенія съ Урупомъ (восемнадцатый островъ по русскимъ картамъ); тутъ Японцы торгуютъ съ Русскими, и сколько извѣстно, эти сношенія ежегодно увеличиваются и усиливаются.

Всѣ пять провинцій на островѣ Іезо населены жителями, которые не знаютъ ни денегъ, ни нуждъ, и живутъ звѣриной охотой и рыбною ловлею. Одѣваются они въ шкуры звѣрей: медвѣдей, волковъ, лисицъ, бобровъ и пр., которыхъ убиваютъ стрѣлами. Однакоже, богатые жители Іезо добываютъ матеріи японскія и китайскія, которыя имъ даютъ въ обмѣнъ жители Крафто или Японцы изъ Мацмая. Кромѣ того они носятъ золотыя и серебряныя серьги и другія украшенія изъ пуговицъ и бусъ и даютъ дорогую цѣну за пестрыя и разноцвѣтныя матеріи. Они уважаютъ только одно право, — право старости, потому что въ случаѣ споровъ ихъ судятъ старики; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они нисколько не выше животныхъ. Здѣсь братъ можетъ жениться на сестрѣ, и каждый повинуется своей прихоти, не покоряясь ни какому закону. Фишеръ, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, прибавляетъ, основываясь на японскомъ сочиненіи, что во многихъ семействахъ женщины кормятъ грудью медвѣжатъ, чтобы зимою возможно было скушать лакомый кусочекъ и чтобы воспользоваться желчью животнаго, которую они считаютъ превосходнымъ средствомъ отъ болѣзней. Въ большей части селеній, обитаемыхъ Айносами и лежащихъ почти всегда на морскомъ

берегу, есть домъ, особенно выстроенный для торговли или производства обмѣновъ; чтобъ получить позволеніе на постройку такого дома, Айносы платятъ князю Мацумая подать кожами и сушеною рыбою.

Страна очень гориста; правильныхъ дорогъ вовсе нѣтъ; поэтому иностранцы не могутъ осматривать ее. Народъ, привыкшій къ такой тяжелой жизни, долженъ имѣть замѣчательную физическую силу. Мужчины занимаются охотой и рыбной ловлей; женщинамъ поручены всѣ домашнія работы. У Айносовъ одно оружіе, лукъ съ намазанными ядомъ стрѣлами; каждая рана смертельна; этимъ оружіемъ они одолеваютъ самыхъ огромныхъ звѣрей. Иногда употребляютъ они ножи и старыя сабли, привозимыя Японцами.

Посредствомъ торговли съ Айносами, Японцы иногда входятъ въ сношенія съ жителями русскихъ Курильскихъ острововъ. Эти Курильцы посѣщаютъ берега Иezo и ведутъ съ жителями острова Крафто значительный торгъ мѣхами. Японцы называютъ русскихъ Курильцевъ—*Оорусія* и уважаютъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ жителей острова Иezo.

ОСТРОВА ЛІУ-КІУ.

Сколько японское правительство старается не входить въ сношенія съ Китаемъ и другими державами, столько же покровительствуетъ оно распространенію торговли и колонизаціи на островахъ, лежащихъ на сѣверѣ и на югѣ имперіи. Острова Ліу-Кіу находятся подъ его покровительствомъ съ половины XV вѣка, хотя сношенія были въ это время нѣсколько разъ нарушаемы интригами Китайцевъ и разбоями самихъ Японцевъ. Іезу, основатель нынѣшней династіи сіогунувъ, умѣлъ воспользоваться благоприятною минутою и подчинилъ себѣ владѣтеля острововъ Ліу-Кіу, Чангъ-Шига. Безиорядки, происходившіе тогда въ Китаѣ, не дозволили тогдашнему императору подать помощь королю Ліу-Кіу. Торговля сношенія съ этими островитянами, которыхъ характеръ, религія и нравы очень сходны съ японскими, идутъ успѣшно; множество японскихъ учрежденій

образовалось на сѣверныхъ островахъ этой группы, въ Огозимѣ и Токузимѣ. Произведенія острововъ: лекарственныя снадобья, краски, янтарь, перламутръ, эмальированныя вазы, олово, киноварь, сѣра, сахаръ, шелковыя матеріи и родъ холста изъ листьевъ особеннаго рода банановаго дерева (*musa soscinea*) (*).

Ліу-Кіу платятъ дань и Китаю и Япоіи, а потому многія китайскія произведенія попадаютъ въ Япоію черезъ эти острова, и японскія произведенія, тѣмъ же путемъ, доходятъ до Китая. Драгоцѣнныя японскіе товары, поднесенные королемъ *Ліу-Кіу* китайскому императору, возбудили въ немъ желаніе покорить Япоію; дѣйствительно, въ началѣ XVII вѣка, онъ началъ войну съ Японцами, которая кончилась для него невыгодно. Нѣкоторые европейскіе товары тоже ввозятся въ Япоію черезъ острова *Ліу-Кіу*. Поэтому сацумскій князь имѣетъ контору (*Сатсума-языки*) въ Нагазаки, гдѣ покупаетъ товары голландскіе и китайскіе, привозимые этимъ путемъ. Открытіе порта *Напа* было бы во всѣхъ отношеніяхъ важнымъ приобрѣтеніемъ для европейской торговли; въ немъ можно учредить складочное мѣсто для всѣхъ

(*) Такого рода холстъ, превосходной работы, приготавливаютъ и на Филиппинскихъ Островахъ.

товаровъ, любимыхъ на японскихъ рынкахъ, потому что торговля Японцевъ на островахъ *Лиу-Киу* гораздо важнѣе китайской. Кромѣ того, портъ *Нана* былъ бы превосходною стоянкою для военныхъ кораблей, пароходовъ и китоловныхъ судовъ. Важность этой станціи еще болѣе увеличится, когда торговля между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ найдетъ себѣ дорогу по Тихому Океану.

Г. Макъ-Леодъ, медикъ на *Альцестъ*, даетъ вѣрное понятіе объ общемъ видѣ большаго острова *Лиу-Киу*, его климатѣ, произведеніяхъ и о характерѣ жителей (*).

«Одежда жителей *Лиу-Киу*, говоритъ Макъ-Леодъ, замѣчательна, какъ по простотѣ, такъ и по изяществу. Волоса ихъ, необыкновенно блестящаго чернаго цвѣта (они мажутъ волосы масломъ, добываемымъ изъ растений), приподняты на лбу и на затылкѣ и собраны на маковкѣ въ одинъ пучекъ. Очень стараются о томъ, чтобы какъ можно лучше вычесать голову. На косу надѣваютъ два кольца, называемыя *камезаки* и *узизаки*. Кольца дѣлаются изъ золота, серебра или мѣди, смотря по чину и состоянію людей; надъ *камезаки* дѣлается звѣздочка. Этотъ уборъ принимаютъ всѣми, отъ короля до самаго послѣд-

(*) Макъ-Леодъ посѣтилъ острова *Лиу-Киу* гораздо послѣ путешествія Зибольда въ Японію.

няго его подданнаго, съ удивительнымъ одуобразиємъ, и производитъ превосходный эффектъ. Въ десять лѣтъ, дѣти начинаютъ носить *узизаки*; въ пятнадцать, надѣваютъ и *камезаки*. Кромѣ чиновниковъ, которые надѣваютъ шапку при исполненіи своихъ обязанностей, всѣ жители никогда не покрываютъ головы, по крайней мѣрѣ въ хорошую погоду. Они носятъ родъ рубашки и шараваръ, а сверху длинную одежду съ широкими рукавами и съ широкимъ поясомъ. На ногахъ носятъ они сандалии, художественно сплетенныя изъ соломы. Качество матеріи, изъ которой сшита одежда, зависитъ отъ чина. Высшіе классы носятъ шелковыя матеріи разныхъ цвѣтовъ, съ поясомъ, который часто бываетъ вышитъ золотомъ. Низшій классъ вообще носитъ бумажную матерію темнаго цвѣта, иногда бѣлую, съ синеваатыми мушками.

«Высшій классъ (чиновники) раздѣляются на девять разрядовъ; разряды отличаются по шапкамъ; мы замѣтили ихъ четыре сорта. Одинъ членъ королевской фамилии носилъ шапку фіолетоваго цвѣта, съ цвѣткомъ ярко-желтымъ; цвѣта шапокъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: пурпуровый, желтый и наконецъ красный, назначенный для низшаго класса.

«О женскомъ нарядѣ мы почти ничего не

можемъ сказать. Говорятъ, что женщины высшаго класса носятъ просто широкія платья безъ пояса. Волосы распускаютъ онѣ по плечамъ или сбираютъ ихъ на лѣвой сторонѣ головы и завязываютъ лентой, около которой выются со всѣхъ сторонъ локоны. Женщины изъ простаго народа носятъ коротенькія юпки, похожія на шотландскія, а сверху короткое, но очень широкое платье.

«Островъ Ліу-Кіу лежитъ въ самомъ счастливомъ климатѣ. Во всѣ времена года, его освѣжаютъ морскіе вѣтры, и на немъ не бываетъ, какъ въ другихъ странахъ, ни душливаго жара, ни чрезмѣрной стужи. На немъ нѣтъ ни прудовъ, ни болотъ, источниковъ болѣзней; есть только ручьи и рѣчки. Жители наслаждаются здоровьемъ. Никогда не видали мы больныхъ и щедушныхъ, равно какъ и просящихъ милостыни.

«Зеленые равнины и прелестные пейзажи Тиіана и Жуанъ-Фернандеса, превосходно описанные въ путешествіи Ансона, здѣсь еще великолѣпнѣе, потому что труды земледѣльца придаютъ новую прелесть красотамъ природы. Съ вершины горъ видъ былъ во всѣ стороны живописный и очаровательный. Съ одной стороны, изъ среды океана возвышались острова, и скваъ прозрачную воду можно было видѣть коралловыя груды. На югѣ тянулся городъ *Нана-фу*; ниже его

суда, стоявшія на якорѣ, съ флагами, развѣвавшимися въ воздухѣ; а между городомъ и судами множество селъ, на рѣкахъ, орошавшихъ равнину. Около домовъ превосходная зелень самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. На востокѣ, столица *Кинтъ-Чингъ* привлекаетъ вниманіе оригинальною архитектурою домовъ и простотою ихъ положенія. Они стоятъ среди высокихъ деревьевъ, доставляющихъ имъ прохладу, и поднимаются одинъ надъ другимъ по уступамъ горы; на самой ея вершинѣ стоитъ дворецъ короля. Равнины между Кинтъ-Чингомъ и Напа-фу, на разстояніи нѣсколькихъ миль, устѣяны дачами. На сѣверѣ глазъ видитъ густые лѣса, которымъ нѣтъ предѣла.

«Недалеко отъ вершины, тропинка ведетъ путешественника въ небольшой лѣсъ. Войдя туда, чрезъ арку, сплетенную изъ древесныхъ вѣтвей, видишь себя въ лабиринтѣ, гдѣ тысячи дорожекъ и нѣтъ выхода. Есть небольшія живыя калитки; отоприте одну изъ нихъ, и вы увидите дворъ съ птицами и домъ и всѣ принадлежности фермы. Войдите въ домъ; вы найдете въ немъ цѣлое семейство, одно изъ той тысячи семействъ, которая расположена около лабиринта. Путешественникъ думаетъ, что находится въ пустынѣ, а въ самомъ дѣлѣ окруженъ большимъ, но невидимымъ селомъ.

«Природа щедро одарила своими благами островъ Ліу-чіу; почва и климатъ такъ хороши, что въ одно время и въ одномъ саду растутъ произведенія растительнаго царства, встрѣчаемыя обыкновенно въ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ странахъ. Здѣсь страна не только апельсиновъ и лимоновъ, но и индійскихъ банановъ и норвежской сосны, чая и сахарнаго тростника. Кромѣ этихъ рѣдкихъ выгодъ, на островѣ много рѣкъ и превосходныхъ портовъ; а лучше всего—счастливый характеръ, любезность и привѣтливость жителей этого острова.

«Жители Ліу-чіу очень невысоки ростомъ; мужчины не выше пяти футовъ. Почти всѣ животныя замѣчательны небольшимъ ростомъ, но превосходны въ своемъ родѣ. Быки рѣдко вѣсятъ болѣе трехъ сотъ съ половиною фунтовъ; но они жирны и крѣпки, и мясо ихъ вкусно. Козы и свиньи такого же рода. Живность побольше. Хотя мужчины низки ростомъ, однакоже, сильны, крѣпки и хорошо сложены. Мы не имѣли случая измѣрять ростъ женщинъ; но кажется, онѣ не выше мужчинъ.

«Островитяне эти вѣроятно переселились изъ Японіи и Кореи, потому что очень похожи на Корейцевъ, хотя черты ихъ нѣжнѣе и пріятнѣе. Они очевидно не китайскаго происхожденія, потому что не имѣютъ

странныхъ китайскихъ глазъ, составляющихъ главное отличіе этого народа. Китайцы, поселившіеся на островѣ, не соединялись бракомъ съ туземцами; оба народа сохранили свои оригинальныя черты. Еще менѣе похожи туземцы на Индѣйцевъ: они всѣ бѣлы, какъ южные Европейцы; даже тѣ, которые безпрестанно работаютъ на солнцѣ, загараютъ не болѣе испанскихъ или португальскихъ земледѣльцевъ.

«Китайскому языку учатся немногіе, какъ французскому въ Англіи; но бонзы, занимающіе въ то же время мѣсто школьныхъ учителей, учатъ дѣтей туземному языку, нарѣчію японскаго, вообще пріятному и гармоническому. Они произносятъ слова не съ такимъ трудомъ, какъ Китайцы, и языку не помогаютъ пальцами. Приказы правительства отдаются иногда на туземномъ, иногда на японскомъ языкѣ; но есть у нихъ книги и на китайскомъ.»

Въ 1842—43 годахъ, когда адмиралъ Сесиль находился въ этихъ мѣстахъ съ французской эскадрой, католическіе миссіонеры вздумали воспользоваться его присутствіемъ. Въ концѣ апрѣля 1844 года корветъ *Алкмена* отправился изъ Макао въ *Напу*, столицу острововъ *Лиу-Киу*, гдѣ бросилъ якорь въ началѣ мая. Онъ привезъ туда двухъ миссіонеровъ, которыхъ мѣстному начальству вы-

дали за переводчиковъ, и оставилъ ихъ тамъ, объявивъ, что придетъ еще разъ съ французскими военными кораблями, но въ мирныхъ видахъ. Король острововъ, изумленный появленіемъ *Алкмены* и объявленіемъ о прибытіи французской эскадры и поставленный въ затрудненіе особенно тѣмъ, что по отплытіи *Алкмены* миссіонеры объявили настоящее свое званіе, написалъ китайскому правительству о случившемся и просилъ инструкцій. Въ октябрѣ 1844 года императорскій комиссаръ потребовалъ объясненій отъ французскаго чрезвычайнаго посланника, г. Лагрене (того самаго, который долгое время былъ секретаремъ французскаго посольства при русскомъ дворѣ). Послѣ долгой переписки, послали въ *Hany* корветъ *Victorieuse*, въ 1846 году, и вывезли оттуда обоихъ миссіонеровъ. Почти въ то же время англійскій адмиралъ Кохранъ бросилъ якорь передъ *Напой* на кораблѣ *Agincourt*; и докторъ Беттельгеймъ, американскій миссіонеръ, (*) вышелъ на берегъ со всѣмъ своимъ семействомъ и началъ проповѣдывать методизмъ (въ апрѣлѣ 1846 г.). Ободренный примѣромъ Американцевъ, французскій адмиралъ приказалъ опять перевезти католическихъ мис-

(*) Въ *Chinese Repository* (янв. 1848 г.) увѣряютъ, что онъ принялъ англійское подданство.

сіонеровъ на острова Ліу-кіу, лѣтомъ 1847 года, на томъ же корветѣ *La Victorieuse*, который погибъ съ фрегатомъ *La Gloire* у корейскихъ береговъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, тоже перевозя другихъ католическихъ миссіонеровъ.

Объ участи миссіонеровъ немного извѣстно. Получено только письмо изъ Китая, гдѣ пишутъ: «Миссіонеры, оставленные на островахъ Ліу-кіу, находятся въ странномъ положеніи. Ихъ не мучать, даютъ имъ ѣсть; но избѣгаютъ разговора съ ними. Едва вздумаютъ они говорить, какъ присутствующіе за-тыкаютъ уши и бѣгутъ безъ оглядки!» Какъ бы ни были усердны и терпѣливы миссіонеры, имъ едва ли удастся сдѣлать что нибудь на островахъ Ліу-кіу.

Однакоже, назадъ тому пять или шесть лѣтъ, японскій сіюгунъ написалъ собственноручное письмо къ нидерландскому королю на голландскомъ языкѣ. Это показываетъ желаніе его войти въ сношеніе съ одною изъ европейскихъ націй; но отъ этого перваго шага до сближенія съ Европейцами—много еще разстоянія!

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

(Эта таблица составлена по Клапроту и Зинбольду (или лучше сказать, Гофману). Трудъ Гофмана, какъ позднѣйшій, внушаетъ наиболѣе довѣрія).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ *Зинъ-му* (завоевателя) до первой Корейской войны. (Отъ 667 до Р. Х. по 200 г. послѣ Р. Х.)

Микадо.

667 до Р. Х.	1	Зинъ-му.
581 —	2	Суи-сей.
548 —	3	Анъ-ней.
510 —	4	И токъ.
475 —	5	Ко-сео.
392 —	6	Ко-анъ.
290 —	7	Ко-реи.

Микадо.

214 до Р. Х.	8	Ко-генъ.
157 —	9	Кай-ква.
97 —	10	Сиу-зинъ.
29 —	11	Суи-нинъ.
71 по Р. Х.	12	Кей-ко.
113 —	13	Сей-му.
192 —	14	Циу-ци.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Съ первой Корейской войны до введенія буддизма въ Японію (съ 200 г. по Р. Х. до 572).

Микадо.

201 г. 15 Синъ-гу-кво-гу.
270—16 Во-синъ.
313—17 Нинъ-токъ.
400—18 Ли-цзю.
406—19 Фанъ-сію.
412—20 Инъ-кію.
424—21 Анъ-ко.
457—22 Ю-ліякъ.

Микадо.

480 г. 23 Сеп-нел.
485—24 Кенъ-со.
488—25 Нинъ-генъ.
499—26 Му-рець.
507—27 Кен-тан.
534—28 Анъ-канъ.
536—29 Сенъ-ква.
540—30 Кинъ-мем (или Кинъ-мію).

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Со времени введенія буддизма до установленія власти сіюгуновъ знаменитымъ Минамото-Іоритомо (съ 572 г. по Р. Х. до 1286 года.)

Микадо.

572 г. 31 Биндаць или Биндаць.
586—32 Ію-мен.
588—33 Сіу-зіунъ.
593—34 Сун-ко.
629—35 Сію-мен.
636—36 Кво-гокъ.
642—37 Ко-токъ.
655—38 Сан-мен.
662—39 Тенъ-ци.

Микадо.

673—40 Тенъ-му.
687—41 Ци-то.
697—42 Монъ-му.
708—43 Генъ-мен.
715—44 Генъ-сію.
724—45 Сію-му.
750—46 Ко-кенъ.
759—47 Охги-но-микото.
765—48 Сію-токъ.
771—49 Кво-нинъ.

782—50	Кванъ-му.	1012—67	Санъ-тео.
806—51	Фей-цей.	1017—68	Го-ици-тео.
810—52	Са-га.	1037—69	Го-сіу-зіакъ.
824—53	Зіунъ-ва.	1046—70	Го-рей-зенъ.
834—54	Нинъ міо.	1069—71	Го-санъ тео.
851—55	Монъ-токъ.	1073—72	Сяра-гава.
859—56	Сей-ва.	1087—73	Фори-гава.
877г. 57	Ю-зен.	1108—74	Тоба.
885—58	Кво-ко.	1124—75	Сіу-токъ.
888—59	Уда.	1142—76	Кинъ-іе.
898—60	Дай-го.	1156—77	Го-сира-гава.
931—61	Сіу-зіакъ.	1159—78	Ни-сіо.
949—62	Мура-камн.	1166—79	Рокъ-сіо.
968—63	Рей-зенъ.	1169—80	Така-кура.
970—64	Іенъ-іу.	1181—81	Анъ-токъ.
985—65	Ква-санъ.	1184—82	Го-тоба.
987—66	Ици-тео (или Ици-сіо).		

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Со времени наслѣдственности званія сіюгуповъ до сіюгуна Минамото-но іе-ясъ. (Съ 1286 года по Р. Х. до 1603 года).

Въ этомъ періодѣ, 95-й микадо (*Го-дай-го*) нѣсколько разъ принужденъ былъ обращаться въ бѣгство, во время междоусобныхъ войнъ, терзавшихъ Японію, и наконецъ основалъ столицу въ *Іозино* (въ *Яматѣ*).—96-й микадо, *Гво-гонъ*, и наслѣдники его, подъ №№ 97, 98, 99, 100 и 101, считаются похитителями; съ помощію сіюгуновъ, они заняли *Міяко*. Въ это время, продолжавшееся около шестидесяти лѣтъ, въ Японіи бы-

ло два императора или *микадо*: одинъ сѣверный, другой южный. Въ 1392 году южный микадо пріѣхалъ въ Міяко и помирился съ сѣвернымъ, которому выдалъ всѣ знаки власти: *шуръ* (или *дощечку*, говоритъ Клапротъ, какъ будто дощечка похожа на шаръ), *мечъ* и *зеркало*. (Эти три драгоценныя вещи—небеснаго происхожденія, по японскимъ понятіямъ). Похититель принялъ названіе *Тай-цзо-тенъ-о* и удалился въ монастырь.

Микадо.

Сіогуны.

1199 г. 83 Цуци-микадо.
1211— 84 (іупъ-токъ
1222— 85 Го-фери-гава.
1233— 86 Си-тео.
1243— 87 Го-сага.
1247— 88 Го-фукакуза.
1260— 89 Каме-яма.
1275— 90 Гуда.
1288— 91 Фузими.
1299— 92 Го-фузими.
1302— 93 Го-низіо.
1308— 94 Фана-зоно.
1319— 95 Го-дай-го.
1332— 96 Кво-гонъ (похититель).
1337— 97 Кво-міо.
1349— 98 Зо (или Сіу) кво.
1352— 99 Го-кво-гу.
1372—100 Го-іенъ-ю.
1383—101 Го-ко-мацу.
1413—102 Сіо-кво.
1429—103 Го-фана-зоно.
1465—104 Го-цуци-микадо.
1501—105 Го-казива-бара.

1186 г. 1 Минамотоно Іори-томо.
1202— 2 Минамотоно Іори-іе.
1203— 3 Минамотоно Сане-томо.
1220— 4 Фудзиварано Іори-цуне.
1224— 5 Фудзиварано Іори-цугу.
1252— 6 Мунетака синво.
1266— 7 Коре лзу синво.
1289— 8 Физа Акира синво.
1308— 9 Мори Куни синво.
1333—10 Мори Іози синво.
1334—11 Нори Іози синво.
1338—12 Минамотоно така-удзи.
1358—13 Іози Казі.
1368—14 Іози Мицу.
1394—15 Іози Моци.
1423—16 Іози Казу.
1428—17 Іози Норі.
1441—18 Іози Кацу.

1527—106 Го-нара ⁽¹⁾.
 1558—107 Огоки-маци.
 1587—108 Го-ю-сея

1449—19 Азикага Іозимаза.
 1472—20 Іози Физа.
 1490—21 Іози тане.
 1494—22 Іози-зуми.
 1521—23 Іози-фару.
 1546—24 Минамотоно іози
 Теру ⁽²⁾.
 1568—25 Іози-нага.
 1568—26 Минамотоно іози
 аки.
 1573—27 Таирано нобу на-
 га.
 1582—28 Санъ-фози ⁽³⁾.

(1) Въ царствованіе этого микадо и во времена сіогуна Іози-Фару, въ 1543 году, Японія открыта Португальцами. Черезъ нѣсколько лѣтъ тамъ уже появились христіане, но дѣйствія римско-католическихъ миссіонеровъ или, лучше сказать, іезуитовъ довели до того, что правительство рѣшилось истребить ихъ и съ новообращенными въ христіанство Японцами.

(2) Іози-Теру погибъ насильственною смертію въ 1565 году. Съ 1565 по 1568 годъ разные военачальники спорили о власти.—Въ 1568 году Іози-Гиеи сдѣлался сіогуномъ и принялъ имя Іози-нага; но умеръ въ девятomъ мѣсяцѣ того же года, а въ десятый сіогуномъ провозгласили Іози-аки. Въ хронологической таблицѣ Гофмана не показанъ Іози-нага; Гофманъ прямо переходитъ отъ 24 къ 26 сіогуну, безъ всякихъ толкованій или объясненій.

(3) Акици-но-мицу-федэ, который возсталъ противъ власти Нобу-нага и заставилъ его посягнуть на самоубійство, правилъ только двѣнадцать дней. Пользовался ли онъ титуломъ сіогуна?—Это невѣроятно Санъ-фо-си, третій сынъ Нобу-нага, безъ сомнѣнія былъ сіогуномъ, но принужденъ былъ передать верховную власть въ руки Фидеіюзи. У насъ Санъ-фо-си означенъ 28 сіогуномъ. Въ хронологической таблицѣ Гофмана переходъ отъ 27 къ 29 сіогуну ничѣмъ не объясненъ.

1586—29 Тоіо доми Фиде
іюзи (¹).

1591—30 Фиде цугу (²).

1598—31 Фиде іюри (³).

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

Отъ Минамото-Іе-язу (основателя нынѣшней династіи сіюгуновъ) до нашего времени (съ 1603 года по Р. Х. до 1822 г.).

Микадо.

Сіюгуны.

1612г. 109 Го-мидзуново.

1630—110 Меп-сіо.

1644—111 Го-кво-міо.

1603—32 Минамото-іе-язу.

1603—33 Фиде-тада.

1623—34 Іе-мицу.

(¹) Съ 1467 года въ Японіи начались непрерывныя междоусобныя войны. Тоіо-доми-Фиде-іюзи или Таико-сама возстановилъ миръ, снова нарушенный послѣ его смерти, въ 1598 году, борьбою, которая началась между Іе-ясомъ и другими претендентами на престолъ.

(²) Фиде-Цугу былъ сынъ брата Таика-Сама; послѣдній усыновилъ его и далъ ему часть въ управленіи государствомъ въ 1591 году. Кажется, Таико-Сама никогда не носилъ титулъ сіюгуна; онъ былъ *кванбакъ* (правитель); когда же удаленъ отъ дѣлъ, то титулъ кванбака передалъ своему питомцу, а самъ назвался Таико (см. Клапрота *Лѣтописи императоровъ, и пр.* стр. 403, прим.). Фиде-Цугу прогнѣвалъ отца жестокостію и дурнымъ поведеніемъ, былъ заключенъ въ храмъ, гдѣ и лишилъ себя жизни въ 1595 году.

(³) Это сынъ Таико-Сама, лишенный престола сіюгуномъ Іе-язу. И его вѣтъ въ хронологической таблицѣ доктора Гофмана, который перескакиваетъ отъ 30 къ 32 сіюгуну безъ объясненій.

1655—112	Го-саи.	1650—35	Іе-цуна.
1664—113	Рей-генъ.	1681—36	Цуна-іози.
1687—114	Фигаси-яма.	1709—37	Іе-нобу.
1710—115	Накано-микадо.	1713—38	Іе-цугу.
1726—116	Сакура-мац.	1716—39	Іози-муне.
1747—117	Мамо-соно.	1745—40	Іе-сиге.
1763—118	Го-сакура-мац.	1762—41	Іе-фару.
1771—119	Го-момо-соно.	1787—42	Іе-нари (3).
1780—120	Сенъ-то (1).		
1817—121	(или 123) Ку-сіо (2)		

(1) Имя 120-го микадо въ таблицѣ Гофмана поставлено въ скобкахъ. Но объясненія никакого нѣтъ. Клапротъ замѣчаетъ, что это не имя, а титулъ, даваемый обыкновенно каждому отказавшемуся отъ престола микадо.

(2) Ку-сіо, по таблицѣ Гофмана, 123 микадо, а не 121, но сто двадцать перваго и сто двадцать втораго микадо въ ней недостаетъ; этотъ недостатокъ тѣмъ замѣтнѣе, что Зибольдъ и Гофманъ говорятъ въ примѣчаніяхъ, предшествующихъ таблицѣ, что въ ней содержится 123 микадо. Клапротъ ставитъ Ку-сіо подъ № 121 и увѣряетъ, что онъ царствуетъ съ 1818 г. до нашего времени.

(3) Сіогунъ Іе-Нари правилъ государствомъ еще въ 1830 году. Зибольдъ (въ Опытѣ объ японской торговлѣ) мимоходомъ упоминаетъ, что новый сіогунъ вступилъ въ управленіе въ 1842 году.

ТАБЛИЦА МѢРЫ, ВѢСА И МОНЕТЪ. (*).

МѢРЫ ПРОТЯЖЕНІЯ.

Японскій футъ, *сази* или *сіякѣ*, слѣдуетъ считать единицею мѢры протяженія. По исчисленію Зибольда,

1 *сази* = 0,303 метра = 11 дюйм. 11 лині-
ячъ (англійскаго фута). Стало быть *сази*
почти или безъ малаго англійскій футъ.

Сази раздѣляется на 10 *сунѣ*, 100 *бунѣ* и
1000 *ринѣ*. 10 *ринѣ* = 1 *бунѣ* = 0,00303 метра.

10 *бунѣ* = 1 *сунѣ* = 0,0303 метра.

10 *сунѣ* = 1 *сіякѣ* = 0,303 —

6 *сіякѣ* и 3 *сунѣ* = 1 *кенѣ* (**) = 1,909 мет.

60 *кенѣ* = 1 *цѣо* или *мацѣ* (***) = 114,540 —

(*) При составленіи этой таблицы, г. Жансинъ преимуще-
ственно пользовался трудами Зибольда; но едва
ли Зибольдъ вѣренъ и заслуживаетъ довѣрія въ исчи-
сленіи *вѣса* и *монетѣ*.

(**) Также *иккенѣ*; Въ Децимѣ, *ики*.

(***) Слово въ слово значитъ *улица*.

36 *цзо* = 1 *ри* (китайск. *ли*) = 4123,44 мет.

28¹/₈ *ри* составляютъ градусъ, по вычисленіямъ японскихъ астрономовъ.

Старинная миля въ 50 *мацу* до сихъ поръ въ употребленіи въ нѣкоторыхъ провинціяхъ (*).

Также употребляются слѣдующія мѣры:

Зіоо (по китайски *чангъ*), родъ аршина для измѣренія матерій; въ немъ, по увѣренію Зибольда, содержится два *кена*.

Цуне-сази или *кузира-сази*, мѣра для тканей и портныхъ, содержитъ 379 сантиметровъ или 1 французскій футъ 2 дюйма.

Ге-сіакъ служитъ для измѣренія дерева. (Съ употребленіемъ этой мѣры соединено суевѣріе, какъ увѣряетъ Зибольдъ; но онъ не объясняетъ ни этого суевѣрія, ни что такое самая мѣра.)

Наконецъ *фиро* или *хиро*, соответствующее французскому туазу и брассу; Зибольдъ говоритъ, что въ *фиро* около пяти *сіакъ*.

(*) Прежде японская миля раздѣлялась на пятьдесятъ *мацу*, каждое *мацу* на шестьдесятъ *пу* или два шага, а *пу* дѣлилось на шесть *сіакъ* (футовъ) и пять *сунъ* (дюймовъ). Со времени Среднихъ Вѣковъ, миля содержитъ тридцать шесть *мацу* и одинъ *пу* въ шесть футовъ. Нынѣшняя японская миля равна шести китайскимъ *ли*; ею обыкновенно считаютъ на сѣверѣ Японіи.

МѢРЫ ПОВЕРХНОСТИ.

Пу или *иппу*, единица мѣръ поверхности, равняется квадратному кену или почти 3,644 квад. метрамъ.

Се—прямоугольный четырехугольникъ длиною въ шесть *пу*, шириною въ пять.

Рисовыя поля измѣряются *таномъ*. *Танъ* имѣетъ въ длину 20 *пу*, въ ширину 15, или 300 квад. *пу*. (*Иттанъ*, говоритъ *Зибольдъ*, есть правильное пространство, занимаемое рисовымъ полемъ, по японски *денъ-го*.)

Цю длиною въ шестьдесятъ *пу*, шириною въ 50; стало быть, поверхность его въ 3,000 квадратныхъ *пу*. Эти полевые мѣры введены при сѣюгуи Таико-гиде-Юзи, съ 1586 по 1590 годъ (*).

ВѢСЪ.

Монме есть единица вѣса и равняется, по *Зибольду*, 0,1750 граммы или $1\frac{3}{4}$ граммъ.

(*) Прежде употреблялись слѣдующія мѣры:

Се=36 квад. *пу*.

Танъ=360 квад. *пу*.

Цю = 3.600 квад. *пу*.

Монме раздѣляется на 10 *пунъ*.

Пунъ — — — 10 *ринъ*.

Ринъ — — — 10 *моо*.

Десять *монме* серебра составляютъ 1 *таэль* въ счетахъ голландской факторіи.

Сто *монме* или 1 *хякме* = 100 *таэламъ*.

Тысяча *монме* или 1 *икванъ-ме* = 100 *таэламъ*.

160 *монме* составляютъ японскій фунтъ, *кинъ*, вѣсящій почти 280 граммъ. *Кванме* вѣситъ $6\frac{1}{4}$ *кинъ* или $1\frac{3}{4}$ килограмма. Въ Японіи навьючиваютъ на лошадь 36 *кванме*, или около шестидесяти трехъ, *кило* (почти 130 фунтовъ).

МОНЕТА.

Монъ (*ицу-монъ*), самая меньшая монета, служитъ единицею для монетъ мѣдныхъ или желѣзныхъ. Монету *монъ* обыкновенно называютъ *зени* или *сенъ*. Она равна серебряному *ринъ*.

10 *монъ* или *ринъ* (*зіу-монъ*) равны одному *пунъ* и стоятъ 3, 5 сантима.

Въ провинціяхъ, принадлежащихъ императорскому вѣдомству, 96 *монъ* составляютъ одинъ *монме*. Въ другихъ провинціяхъ, цѣна этой монеты или выше или ниже. Есть

еенъ простые и двойные; тѣ и другіе круглой формы, съ дырою посрединѣ; ихъ называютъ, какъ четки, на одну нитку столько, сколько нужно, чтобы составить *монме*; потомъ соединяють по десяти такихъ связокъ въ одну, и такая большая связка составляетъ *десять монме*. Такая мелкая монета въ большомъ употребленіи въ Японіи, въ Китаѣ и во многихъ частяхъ Архипелага и Индо-Китая (*).

Зибольдъ говоритъ, что единица серебряныхъ монетъ называется *ryo*, *ryo жинъ*, а единица золотыхъ называется *ryo-кинъ*.

1 *ryo* серебромъ (*жинъ*) вѣситъ 4 *монме* 3 *пуна*. 10 *ryo* или 43 *монме* составляютъ *май*.

Золотой *ryo* равняется 60 серебрянымъ *монме*; это цѣнность *кобанга*; но торговая цѣнность *кобанга* измѣняется отъ 58 до 65 сереб. *монме*,

Главнѣйшія серебряныя монеты суть: *ита-кане* (металлическія полосы) и *кодама* (драгоцѣнные камешки).

Не смотря на старанія Зибольда и уче-

(*) По китайски она называется *ченъ*; у Европейцевъ извѣстна подъ названіемъ: *cache*, *cash*, *supéque* и пр.

ныхъ издателей *Chinese Repository*, нельзя войти въ подробный разборъ всѣхъ японскихъ монетъ, по сбивчивости и неполнотѣ извѣстій. Слѣдуетъ ограничиться необходимыми и вѣрными свѣдѣніями (*).

Въ Японіи ходятъ деньги золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя. — Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ ходятъ ассигнаціи (бумажныя деньги).

Японское нумизматическое сочиненіе *Кинъ-жинъ-цу-року* (Записка и рисунки золотыхъ и серебряныхъ монетъ), изданное въ Іедо въ 1822 году въ семи томахъ въ осьмушку, заключаетъ въ себѣ опытъ о древнихъ и нынѣшнихъ монетахъ, и описываетъ пятьсотъ пятьдесятъ сортовъ монетъ, изъ коихъ большая часть отпечатаны красками (это заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что раскраски не находимъ въ подобныхъ книгахъ, изданныхъ въ Китаѣ).

Всѣ монеты, какъ золотыя и серебряныя, такъ и мѣдныя, не выбиваются, а отливаются. Оконченность отдѣлки и чистота изображе-

(*) Любопытные могутъ не безъ пользы прочесть сочиненіе, изданное барономъ Шодуаромъ въ 1842 году въ С.-Петербургѣ: *Recueil des monnaies de la Chine, du Japon, de la Corée, d'Annam et de Java.*

ній на нѣкоторыхъ монетахъ принесли бы честь даже европейскимъ артистамъ.

О цѣнности бѣльшей части монетъ, находящихся въ обращеніи, ничего не извѣстно положительно.

Наибольшая золотая монета, *огобанъ*, стоитъ номинально 20 золотыхъ *рыо* или *кобанъговъ*, а съ промѣномъ, отъ 24 до 26; но она не въ ходу, а только идетъ на подарки.

Нынѣшній *кобанъ* или *кобангъ*, по расчету Зибольда, стоитъ $12\frac{1}{2}$ голландскихъ флориновъ или 26 франковъ 25 сант. французскою монетою (*).

Обѣ эти золотыя монеты очень тонки и имѣютъ эллиптическую форму; на нихъ, какъ и на многихъ другихъ золотыхъ и серебря-

(*) Въ французскомъ ученомъ календарѣ (*Annuaire du bureau des longitudes*) на 1848 годъ, *кобанъ* вышелъ въ 39 фр. 69 сантимовъ. Старый *кобанъ* означенъ тамъ въ 51 фр. 2½ сантима! Принявъ въ соображеніе съ одной стороны ученость и осторожность людей, которымъ французское правительство поручаетъ составленіе ежегоднаго *Annuaire du bureau des longitudes*, а съ другой, вѣрность и точность извѣстій Зибольда, котораго можно назвать самымъ добросовѣстнымъ путешественникомъ, поневолѣ подумаешь, что тутъ дѣло идетъ о какихъ нибудь двухъ совершенно разныхъ монетахъ. Такъ-то сбивчивы еще наши свѣдѣнія о Японіи!

ныхъ монетахъ, изображенъ гербъ микадо, то есть, цвѣтокъ и три листика дерева, которое Японцы называютъ *кири* (у нашихъ ботаниковъ *driandria*). Кемпферъ говоритъ объ этомъ изображеніи: «Листъ съ тремя распустившимися почками (*)».

Зибольдъ говоритъ, что есть кобаны совершенно круглые (*козіу-кинъ*).

Они въ обращеніи въ провинціи *Кан*.

Кромѣ этихъ монетъ существуютъ:

Ни-пу (полу-кобанъ);

Ици-пу (четверть кобана), и

Иссиу (шестнадцатая доля кобана).

Всѣ эти монеты золотыя.

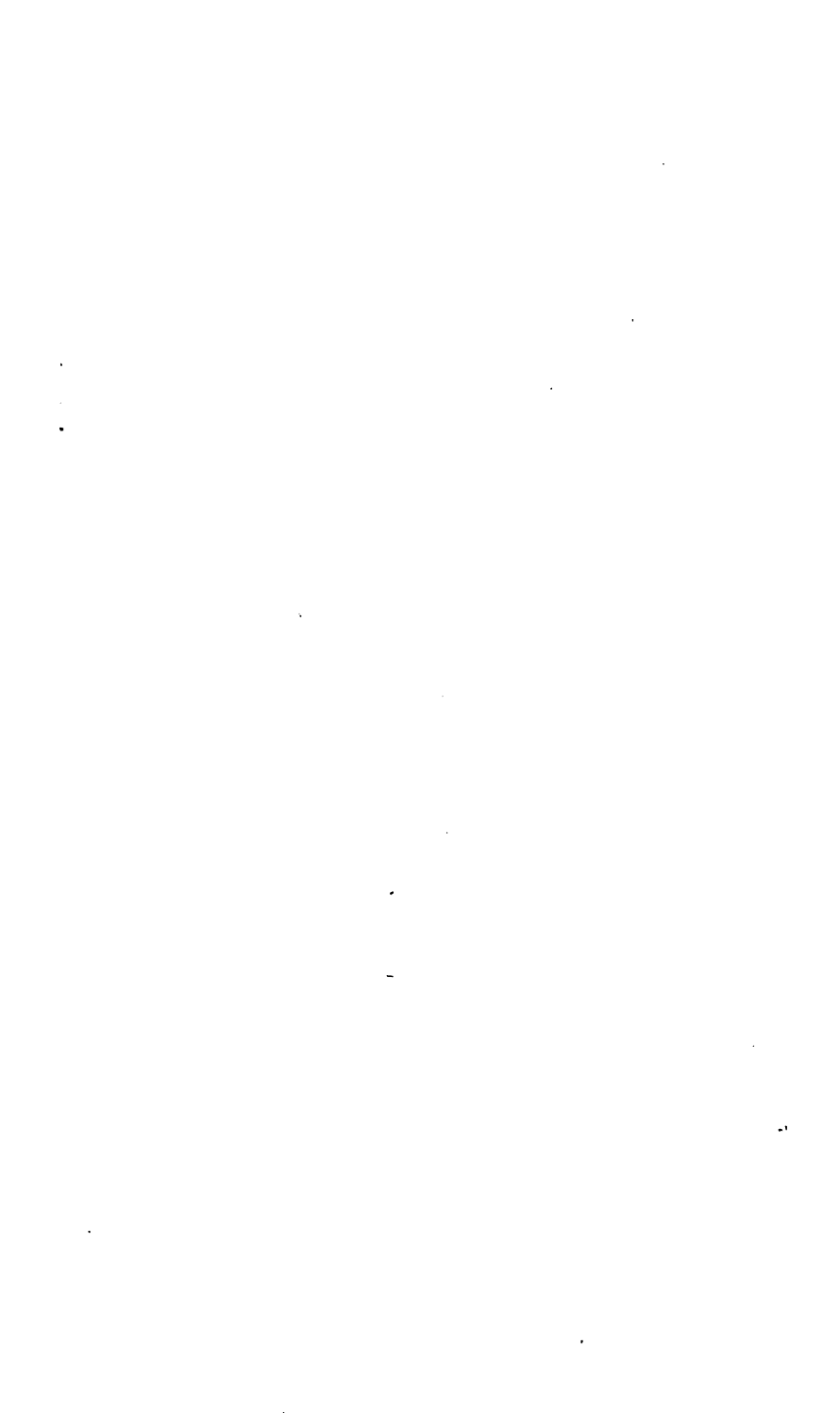
Есть также серебряныя монеты, цѣною въ восьмую и въ шестнадцатую долю кобана

Бумажныя деньги, имѣющія ходъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, вообще называются *фуда* или *сацъ* (листочки, маленькія таблетки).

Жинъ-сацъ (серебряные листочки) стоятъ 1 монме. Ассигнаціи меньшей цѣны называются *зени*. Есть ассигнаціи въ восьмую долю кобана; ихъ называютъ *га-гаки*. Въ атласѣ Зибольда есть изображеніе одной такой ас-

(*) См. Кемпфера, Томъ I, стр. 103.

сигнаціи (листъ II, изоб. 13 и 13а). Правительство всячески старается затруднить подѣлку этихъ бумагъ. Поддѣльвателямъ фальшивыхъ ассигнацій назначена смертная казнь, чему не слѣдуетъ удивляться: вездѣ, гдѣ существуетъ смертная казнь, вездѣ правительства этимъ средствомъ защищаютъ свою монету.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПОРОШОКЪ ДОЗІА И ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ЕГО КОБУ-ДАНЗИ.

(Это извѣстіе взято изъ сочиненій *Титсин-га*, который въ 1812 году скончался въ Парижѣ, по возвращеніи изъ Японіи, гдѣ прожилъ четырнадцать лѣтъ. Онъ превосходно зналъ по-японски и собралъ богатѣйшую коллекцію книгъ, гравюръ и разныхъ рѣдкостей японскихъ. Она, послѣ его неожиданной смерти, разошлась по разнымъ рукамъ; часть ея была похищена. Замѣчанія Титсинга о порошокѣ *Дозіа* тѣмъ любопытнѣе, что дѣло это до сихъ поръ остается спорнымъ и нерѣшеннымъ.)

Японцы хоронятъ мертвыхъ не такъ, какъ Европейцы: они не кладутъ ихъ въ гробы, сдѣланные по росту покойника, а прячутъ въ бочки въ три фута вышиною; діаметръ этихъ боченковъ на верху въ два съ половиною, а внизу въ два фута. Трудно понять, какъ можно согнуть трупъ въ такое поло-

женіе, когда члены, окоченѣвъ, не могутъ гнуться.

Японцы, которымъ я сообщалъ это замѣчаніе, отвѣчали мнѣ, что они доходятъ до этого результата посредствомъ особеннаго порошка, называемаго *dosia*.

Порошокъ этотъ всыпаютъ въ уши, ноздри и ротъ умершаго, и членамъ тѣла немедленно возвращается удивительная гибкость. Какъ мнѣ обѣщали сдѣлать опытъ въ моемъ присутствіи, то я и воздержался отъ опроверженій на счетъ факта, который казался мнѣ невѣроятнымъ (*).

Вотъ какой опытъ сдѣлали при мнѣ. Наступилъ октябрь 1783 года и холодъ былъ довольно чувствителенъ. Въ Децимѣ умеръ молодой Голландецъ; я поручилъ медику омыть трупъ и положить его на всю ночь на столъ на открытомъ воздухѣ, чтобы члены еще болѣе окрѣпли.

На другой день, многіе Японцы и слу-

(*) Когда Титсингъ жилъ въ Бенгаліи, онъ выслалъ въ письмѣ къ г де-Гинъ старшему, 12 марта 1788 г., нѣсколько неполныхъ подробностей о порошокѣ *dosia*. Письмо его, напечатанное въ *Journal des Savants*, попало въ лондонскій *Monthly-Review*, а потомъ перешло въ одинъ голландскій журналъ. Гровингенскій химикъ г. Фибоаль невполнѣ понялъ мысль Титсинга, и принялъ за достовѣрное то, что онъ описывалъ съ сомнѣніемъ.

жащіе при факторіи, въ томъ числѣ и я, пошли осматривать тѣло: оно было крѣпко, какъ кусокъ дерева. Одинъ изъ переводчиковъ, по имени Зенби, вынулъ *сантокъ* (бумажникъ) и досталъ изъ него продолговатую бумажку, съ грубымъ порошкомъ, похожимъ на песокъ: это былъ знаменитый *дозіа*. Онъ положилъ щепотку этого порошка въ уши, другую въ ноздри и ротъ, и скоро, отъ дѣйствія ли *дозіи* или отъ какого нибудь обмана, котораго однакоже я не замѣтилъ, руки, лежавшія крестомъ на груди, сами собою опустились, а черезъ двадцать минутъ (я держалъ часы въ рукѣ) тѣло получило гибкость.

Я приписывалъ это явленіе дѣйствию какого нибудь тончайшаго яда; но меня увѣряли, что порошокъ *дозіа* не только не ядовитъ, но даже очень полезенъ въ трудныхъ родахъ.

Я имѣлъ случай добыть славнаго порошка; для этого мнѣ пришлось посылать въ *Киццо* (девять провинцій), во всѣ храмы *Сингу*, которые исключительно имъ торгуютъ, потому что принадлежать къ ученію *Кобу-Даизи*, изобрѣтателя порошка. Дѣйствительно, послѣ смерти этого Кобу-Даизи, во второй годъ *ненго-зіо-ва* (по нашему 825 годъ

но Р. Х.) песокъ этотъ вошелъ въ употребленіе во всей Японіи. При этомъ первомъ поискѣ я могъ получить его только весьма малое количество, и то по особенной благоклонности жрецовъ: они никогда не отпускаютъ болѣе щепотки разомъ.

Однакоже, при отъѣздѣ въ 1784 году изъ Японіи, я вывезъ довольно значительное количество порошка дозіа. Часть его разложена была въ двадцати маленькихъ пакетцахъ, съ надписями красными буквами; остальное находилось въ небольшихъ мѣшечкахъ; но это былъ простой, невыдѣланный порошокъ, съ частичками золота; онъ вѣроятно не имѣлъ полной силы. Только въ одномъ пакетѣ находился порошокъ, очищенный химически, что необходимо для полного его дѣйствія, и этотъ порошокъ былъ совершенно бѣлый, какъ снѣгъ.

Изобрѣтеніе дозіи приписываютъ жрецу, по имени *Кобу-Данзи*; онъ узналъ свойства этого драгоцѣннаго минерала на горѣ *Кюнгосенъ* или *Кимбенсенъ*, въ провинціи *Ямотто*, въ которой много золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Онъ принесъ значительное количество этого порошка въ храмъ, гдѣ служилъ, на гору *Коясъ-анъ*.

Жрецы этого храма до сихъ поръ воспе-

ваютъ благодарственные гимны богамъ, допустившимъ Кобу-Даизи узнать свойства драгоцѣннаго порошка. Когда запасы его истощаются, жрецы идутъ за нимъ на гору Конгозенъ и переносятъ его въ муравленыхъ горшкахъ. Едва принесутъ новый запасъ, его кладутъ въ муравленный и золоченный тазъ, передъ идоломъ Даиници или Биронъ-санна: жрецы стоятъ кружкомъ передъ жертвенникомъ и, поворачивая между пальцами что-то въ родѣ четокъ, произносятъ въ продолженіи семи сутокъ, пѣснь, называемую *Гуо-міо-синго*; вотъ ея текстъ:

Онъ о бокіа Биронъ санна номака фодора мани
Фандо ма, зимбара фара, фаре тая вонъ. —

Жрецы увѣряютъ, будто бы послѣ этихъ продолжительныхъ взываній, въ песокъ слышится шопоть: всѣ нечистыя частицы выходятъ изъ сосуда сами собою. Остается въ немъ только чистый порошокъ дозіа, который и дѣлятъ между всѣми храмами *Сингу*.

Кобу-Даизи вывезъ эту пѣснь или гимнъ изъ Китая, куда онъ введенъ жрецомъ секты *Сіака*, пріѣхавшимъ изъ Малабара. Я не могъ добиться, чтобы мнѣ объяснили содержаніе гимна, и узналъ только слѣдующее: Солн-

це, по вѣрѣ синто или сектаторовъ первоначальнаго японскаго вѣрованія, называется *Фонсіо-Даизинъ*, *Даизингу* и *О-фируме-но микотто*; но жрецы Сингу называютъ его ма-лабарскимъ именемъ *Мака-Биронъ-санна-буцъ*, что значитъ: божество, разсѣивающее великій мракъ. Это названіе схоже съ японскимъ *Дай-мезъ-ніо-раи*.

Когда рыбаки занимаются своимъ дѣломъ на берегу морскомъ, они всегда поютъ этотъ гимнъ, думая, что безъ него они будутъ какъ заколдованные и вовсе ничего не поймаютъ.

Японцы, которыхъ я спрашивалъ о смыслѣ другихъ словъ, откровенно признавались мнѣ, что ни одного не понимаютъ, за исключеніемъ послѣдней фразы: *зимбара фара, фаре тая вонъ*. Когда японскій сластолюбецъ сытно покушалъ, то онъ охотно произноситъ эти слова, потому что они значатъ: *переполненное мое брюхо тяготитъ меня*. Но, вѣроятно, этого дѣлать не должно, потому что маленькихъ дѣтей увѣряютъ, что у нихъ тотчасъ скривится ротъ на сторону, если они осмѣлятся повторить эту богамъ противную фразу.

Кобу-Даизи нѣсколько разъ перемѣнялъ имена во время жизни. Всего дольше носилъ

имя *Сіоку-но-кукаи*; онъ родился въ *Фодо-но-кори*, въ провинціи Сануки. Отецъ его назывался Денко и происходилъ отъ Саеки; мать его—изъ знаменитой фамиліи Ато. Она родила своего сына, въ пятый годъ ненго-фоки (774 годъ по Р. Х.) въ царствованіе сорокъ девятого даири, Коненъ-Тенъ-о (*).

Новорожденного назвали *Фато-Моно*, что значитъ драгоценный камень.

Когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ, его начали учить ариѳметикѣ; онъ скоро выучился читать всякія книги, китайскія и японскія. Будучи восемнадцати лѣтъ, онъ зналъ уже всѣ важнѣйшія произведенія мудраго Кунфу-цзы.

Учителемъ его былъ родной его дядя, по матери; *Фіозанъ-Даибу-ото-но-Отари*. Подъ руководствомъ такого опытнаго наставника, онъ успѣвалъ удивительно; но ему очень хотѣлось изучить сочиненія *Сіяко*: ученый бонзъ этой секты, по имени Самонъ-Гузо, жившій въ Ивабути, доставилъ ему случай удовлетворить это желаніе (**).

(*) Титсингъ употребляетъ здѣсь слово *даири* (духовный дворъ) вмѣсто *микадо* (духовнаго императора).

(**) Сектаторы *сіяко* дѣлятся на восемь сектъ:

Дѣйствительно, отъ Самонъ-Гусо узналъ онъ объясненія гимна, посвященнаго боже-
ству Кокузо-гу-музи. Въ награду за его рев-

1. *Ріецы*, которымъ приказано наблюдать пять осо-
быхъ правилъ.

2. *Кусіа*.

3. *Зіозимы*.

4. *Фоссо*.

5. *Санроны*.

6. *Сингоны*, принадлежащіе собственно къ сектѣ
Кобу.

7. *Теидаи*, которыхъ ученіе во многомъ очень похо-
же на секту сингомовъ.

8. *Кейгоны*.

Въ Ниппонъ-о-даи-ице-ранъ сказано, что король Фіак-
санъ, въ третій годъ царствованія тридцатаго даири,
Кинъ-мен-тенъ-о, отправилъ посольство, которое везло
въ подарокъ изображеніе божества Сіяки, и вмѣстѣ
съ нимъ тосаны или значки, которые носятъ съ пра-
вой и съ лѣвой стороны около верховнаго жреца, тен-
гаи или зонтикъ, и книгу съ гимнами. Такимъ обра-
зомъ секта Сіяки проникла въ Японію.

Хотя она распространилась по всей Японіи, однакожъ
лишилась уваженія и поддерживается только полити-
ческими причинами. Напримѣръ: даири, у котораго
нѣсколько сыновей, принужденъ дать каждому изъ
нихъ по провинціи; но, не имѣя возможности испол-
нить это, онъ назначаетъ ихъ верховными жрецами
въ главнѣйшіе храмы Сіяки; они не могутъ жеваться,
но ведутъ блестящую жизнь. Дѣйствительно, многіе
князья даютъ этимъ храмамъ значительные доходы.

ность, учитель позволилъ ему, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, брить голову (*).

Въ началѣ прошедшаго вѣка, князь Фицена, Мац-даира-синтаро, приказалъ разрушить въ своихъ владѣніяхъ всѣ храмы Сіаки, за исключеніемъ восьми. Земли, принадлежавшія къ этимъ храмамъ, оставлены жрецамъ на прокормленіе. Металлическихъ идоловъ растопили, деревянныхъ бросили въ море. Два деревянные идола выбросило волнами на берегъ у Нагазаки; ихъ подняли съ особеннымъ уваженіемъ и до сихъ поръ сохраняютъ въ храмѣ Аузенси.

(*) Жрецы Синто, приверженцы первоначальной японской религіи, не брѣютъ головы; жрецы Сіаки совершенно бриты и ихъ называютъ въ насмѣшку *ками-нага* (людьми съ длинными волосами). Имъ не позволяется являться ко двору микадо. Когда они хотятъ посѣтить храмъ въ ІIZE, то должны прежде помолиться въ ту сторону, гдѣ рѣка Мія-гава и потомъ надѣтъ парикъ: безъ этого ихъ никакъ не впустятъ въ храмъ.

Презрѣніе къ этой сектѣ доходитъ до того, что когда говорятъ о нихъ при дворѣ микадо или въ храмѣ ІIZE, то употребляютъ особыя выраженія, которыя показываютъ насмѣшку.

Такъ, вмѣсто *сіако*, говорятъ *накаго* (прозвище, данное ему на смѣхъ).

Вмѣсто *кио* (книга священныхъ гимновъ) употребляютъ слово *соне-гами* (раскрашенная бумага).

То, башня ихъ храма, прозвана *Арарати*.

Дера (храмъ) называютъ *кавари-буци* (черепичная крыша). Прежде храмы Сіаки и тюрьмы покрывались

Подъ именемъ *Кукаи*, которое онъ скоро переимѣнилъ на новое, *Сіоку*, онъ достигъ до полнаго, совершеннаго знанія ученія *санронъ* (*).

Въ это время Гоніо отправился въ провинцію *Иэуми* и уединился въ храмъ *Маки-ново-яма-Дера*. Въ четырнадцатый годъ царствованія *нянь-хао-чжень-юань* (995 годъ по

черепицею; а храмъ *Синто* и прочія зданія — деревянными досками.

Зинъ-муру, умершіе, называются *навару*, то есть, столкнутые съ мѣста.

Вмѣсто слова *нику* (говядина) употребляютъ *таке*, что значитъ грибъ.

Вмѣсто *янна-и* (больные) говорятъ *яссуми*, то есть, сидящіе дома.

Наку (плакать) передѣлано въ *зувотаруру* (поливать соленою влагою).

Тге (кровь) измѣнено въ *азе* (потъ).

Когда хотятъ сказать, что приверженца *Сіаки* поколотили (*уцу* или *такаку*), то говорятъ, *назуру* (его поласкали).

Наконецъ, слово *фака* (могила) замѣняется словомъ *цутіи-куре* (куча земли) — и пр.

(*) Въ ученіи *санронъ* три секты:

1-я *Тюронъ*.

2-я *Сіюни-монронъ*.

3-я *Фиакронъ*.

Между этими тремя сектами почти нѣтъ различія.

Р. Х.) Кобу-Даизи былъ избранъ верховнымъ жрецомъ въ храмъ Фодаизи, въ Меако, и принялъ имя *Сіоку-но-кукаи*. Достигнувъ до этого высшаго званія, онъ рѣшился отправиться въ Китай.

Въ Ниппонъ-о-даи-ице-ранъ видно, что Гуань-минъ-тянь послалъ въ Китай, въ двадцатый годъ царствованія нянь-хао-чжень-юань (804 г. по Р. Х.), посольство, состоявшее изъ Фонсаваро-но-кадо-но-маро, перваго посла, Изигавано-мице-мазу, втораго посла, и Суга-вара-но-сейко, третьяго посла. Секретаремъ этого посольства былъ Азано-но-катори. Всѣ три посла были ученые перваго разряда: они взяли съ собою двухъ жрецовъ, Тенгу и Кукаи, для разбора религіозныхъ ученій въ Китаѣ.

Составитель жизнеописанія Кобу-Даизи утверждаетъ, что этотъ жрецъ ѣздилъ съ другимъ посольствомъ, именно съ тѣмъ, которое посылалъ въ Китай Гуань-му, въ пятый мѣсяцъ двадцать третьяго года нянь-хао-чжень-юань. Посолъ назывался Корокъ-даибу фузивара. Они пустились въ западное море изъ Огозаки и достигли до береговъ провинціи Косіу въ восьмой мѣсяцъ. Въ Китаѣ управлялъ тогда императоръ Дэ-цзунъ. Посла продолжительнаго путешествія по сухо-

му пути, они прибыли въ двѣнадцатый мѣсяцъ къ императорскому двору въ царствованіе Чжень-юань, и получили квартиры по императорскому повелѣнію въ улицѣ Синіобо, гдѣ они заняли предназначенный имъ домъ.

По отъѣздѣ посла, Кобу остался въ Китаѣ. Императоръ приказалъ дать ему квартиру въ храмѣ Сани-ми-іози и дозволилъ ему посѣщать всѣ придворные храмы. Кобу встрѣтилъ въ храмѣ Сіорузи жреца, по имени Кигуа-Азари, искуснѣйшаго ученика Коци-Санзу. Этотъ жрецъ милостиво принялъ желаніе Кобу—узнать тайны ученія Сіяки, и приказалъ своимъ ученикамъ обращаться съ гостемъ съ тѣмъ уваженіемъ и почтеніемъ, какія слѣдуютъ потомку славнаго. Сан-си-Бозать-су.

Въ седьмой мѣсяцъ Кобу объяснилъ гимнъ, посвященный божеству Конго-каи-даи-манъ, и дошелъ до такого совершенства, что въ восьмомъ мѣсяцѣ получилъ имя Денбо-Азари. Тогда его произвели въ верховные жрецы, и въ знакъ радости онъ далъ пиръ пяти-стамъ своимъ товарищамъ. Азари при этомъ случаѣ подарилъ ему книги гимновъ Конго Тіогіо, Даиницгіо, Зосицгіо и нѣсколько другихъ. Также онъ подарилъ ему изображенія боговъ (мандера), нарисованныя на

длинныхъ свиткахъ, и всѣ принадлежности, необходимыя для совершенія жертвоприношеній.

Азари сказали ему слѣдующее: «Поелику ты чловѣкъ весьма ученый и постоянно занимаешься наукой, я дарю тебѣ всѣ мои книги, всѣ мои рукописи и жреческія украшенія.»

Кобу принялъ подарки съ живѣйшею благодарностью и впоследствии вывезъ ихъ въ Японію; онъ молилъ боговъ, чтобы они сохранили его во время переѣзда, потому что отъ опаснаго морскаго путешествія зависѣло благо имперіи. Къ этому онъ прибавилъ, что одного недостаетъ ему: молодости. Онъ чувствовалъ, что по старости лѣтъ не можетъ исполнить долга въ отношеніи къ богамъ.

Азари сказалъ Кобу, что недостаточно словесныхъ объясненій о формахъ жертвоприношеній, и что надобно прибѣгнуть къ помощи императорскихъ живописцевъ. Живописецъ Лиссокъ, при помощи десяти товарищей, вѣрно изобразилъ главнѣйшія церемоніи. Ютпозинъ, императорскій литейщикъ, сдѣлалъ предметы, необходимыя для совершенія жертвоприношеній. Болѣе двадцати извѣстнѣйшихъ писцовъ принялись переписывать всѣ книги гимновъ, какъ публичныя,

такъ и хранившіяся у частныхъ людей, и эти драгоцѣнныя рукописи были подарены Сіоку-но-Кукаи.

Одинъ разъ, когда онъ находился въ гостяхъ у верховнаго жреца Фаціо-сансо, послѣдній разсказалъ ему, что съ юныхъ лѣтъ отправился онъ изъ отечества своего Каи-Финкокъ (собственно Фанніа) и прошелъ по всему Индостану, умоляя Сіаку распространить его ученіе по всему міру. Уже мольбы его исполнились въ Китаѣ, и онъ хотѣлъ переѣхать въ Японію, съ намѣреніемъ распространять то же ученіе. Встрѣча съ Сіоку-но-Кукаи останавливаетъ его, потому что японскій ученый жрецъ рѣшился посвятить себя тому же дѣлу. По этому онъ поднесъ ему книгу Кеигонъ-рокъ-фара-міецкію, переводъ съ индійскаго на китайскій языкъ, и вмѣстѣ съ нею, всѣ рукописи, сочиненныя имъ во время путешествій. *Кукаи* принялъ эти новыя подарки съ новою, невыразимою благодарностію.

Въ третій мѣсяцъ перваго года царствованія Юань-хо (806 г. по Р. Х.) Кукаи возвратился въ Японію и вышелъ на берегъ въ первый годъ юань-хо-даидо, при пятьдесятъ первомъ даири, Физіо-тенъ-о. Во время перѣзда, съ нимъ ѣхалъ Фатибана-но-фая-нари,

извѣстный даже въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ красивымъ почеркомъ.

Тутъ - то Кукаи принялъ имя Кубу или Кобу.

Новое ученіе быстро распространялось по имперіи. Даири вообразилъ, что переводъ книгъ Сіаки на японскій языкъ будетъ дѣломъ знаменитымъ. По этому, Кобу издалъ сперва изъ книгъ гимновъ Даи-мецъ-гіо, потомъ Бодаи-синронъ, и наконецъ Сіу-сіу-синронъ. Размышленія надъ писаніями собственной его секты и многихъ другихъ привели его къ замѣчанію, что у человѣчества четыре бича, а именно:

1. *Сигокфъ* (адъ),
2. *Гаки* (женщина),
3. *Тіикузіо* (развращенный человѣкъ) и
4. *Сіура* (война).

Кобу сочинилъ книгу подъ названіемъ *Сіу-Тіу-Синронъ*, въ которой содержатся нѣсколько правилъ ученія Сіаки.

Вотъ два основныя изъ этихъ правилъ:

Ізіо-ти-іо-зинъ: душа грѣшника послѣ смерти переходитъ въ тѣло барана.

Таинъ-даи-зіо-зинъ: Кто съ пламеннымъ усердіемъ предается ученію *Даи-зіо* (то есть,

тому, что есть самое возвышенное въ учв-
ніи Сіяки), тотъ получить особенную награ-
ду, а именно: душа его перейдетъ въ тѣло
одного изъ лучшихъ и почтеннѣйшихъ жре-
цовъ секты Сіяки.

Въ седьмой годъ нянь-хао-коринъ (816 г.
по Р. Х.) Кобу совершилъ путешествіе въ
провинцію Кино-куни, чтобы сыскать тамъ
мѣсто, удобное для построенія храма. Ему
понравилась особенно гора Коюзанъ, и онъ
выстроилъ на ней храмъ, который носитъ
названіе Конго-Бузи.

Въ одиннадцатомъ году (820 по Р. Х.) дай-
ри, торжественнымъ актомъ, далъ ему зва-
ніе *Денто-Дай-Фузи* и кромѣ того, подарилъ
въ первый мѣсяцъ четырнадцатаго года (823
г.) храмъ Фози въ Меако. Знаменитый жрецъ
приказалъ выстроить въ этомъ храмѣ *кантіо-
инъ* (капище для своихъ учениковъ). Все въ
этомъ мѣстѣ было устроено какъ въ храмѣ
Сиріози въ Китаѣ. Въ храмѣ Фози хранятся
до сихъ поръ, какъ драгоценности, жрече-
скія одежды, которыя онъ получилъ отъ учи-
теля своего Ки-куа и съ которыми онъ не
разставался.

Въ первый годъ царствованія ненго-фанъ-тіо
(824-й по христіанскому численію) про-

славленному жрецу поднесли новый титулъ. *Зозу.*

Во второй годъ (825 по Р. Х.) онъ перемѣнилъ названіе храма *Сингуанси*, находившагося въ провинціи Ямасиро, на горѣ Факаво, и назвалъ его *Синго-коксо-сингузи*. Дайри подарилъ ему это зданіе.

Въ первый годъ царствованія ненго-зіо-ва (834 г.) онъ получилъ отъ дайри Ниммю-тенъ-о, позволеніе построить во внутренности его двора храмъ *Сингу-инъ*, на подобіе того, который существуетъ на императорскомъ дворѣ въ Китаѣ. Для этого отдали жрецу Мандера-дозіо зданіе, гдѣ жили счетоводы. Въ этомъ храмѣ ежегодно, съ восьмагаго до четырнадцатаго дня перваго мѣсяца, произносятся молитвы за благо народа.

Въ первый мѣсяцъ втораго года (835), по его же просьбѣ, назначили трехъ учителей, изъ которыхъ одинъ объясняетъ книгу Даймецъ-гіо, другой—книгу Кенго-тіокіо, а третій—Сіоміо.

Кобу скончался въ двадцать первый день третьяго мѣсяца, въ храмѣ Конго-гузи.

Ученики Кобу совершали на могилѣ его непрерывныя приношенія и поставили надгробный памятникъ. Черезъ четыре дня,

даири послалъ придворнаго похороннаго церемоніймейстера для приношенія жертвъ на могилу, и принялъ на себя издержки погребенія. Надгробное слово, сочиненное старымъ даири *Физіо-тенъ-о*, содержало исчисленіе добродѣтелей усопшаго.

Разсказываютъ, что Кобу могъ писать разомъ пять разныхъ бумагъ; для этого онъ бралъ кисточку въ зубы, двѣ въ руки и двѣ ногами. Одинъ разъ онъ взялся поправить *гакфъ* (надпись) на западныхъ воротахъ двора даири (*).

Когда отняли лѣса, онъ замѣтилъ, что забылъ точку въ надписи; взялъ кисточку и бросилъ ее такъ ловко въ надпись, что точка явилась тамъ, гдѣ ея не доставало. Это

(*) *Гакфомъ* называется дощечка, на которой пишутъ слова. Во дворѣ даири такія дощечки висятъ надъ каждымъ воротами. Онѣ также висятъ у храмовъ; даже бываютъ надъ дверьми частныхъ домовъ.

Въ Ниппонъ-о-даи-ици-ранъ сказано, что пятьдесятъ второй даири, Сагатенъ-о, далъ приказаніе, въ четвертый мѣсяцъ девятаго года нянь-хао-ко-нинъ (818 г. по Р. Х.) возобновить всѣ *гакфы* на дворѣ. Онъ самъ поправлялъ надписи на сѣверныхъ воротахъ.

Татевана писалъ на восточныхъ, а Кобу на южныхъ и на воротахъ Дацутенмонъ инъ.

искусство изумило даири и всѣхъ его приближенныхъ особъ.

По возвращеніи изъ Китая, Кобу привезъ восемьдесятъ отломковъ отъ главнаго истукана, нѣсколько вещей, которыя Индусы употребляютъ для богослуженія, четыреста шестьдесятъ одну книгу и множество рѣдкостей.

Въ десятый мѣсяцъ двадцать перваго года вянъ-хао-иньи (921 г. по Р. Х.), шестидесятый даири, *Дам-го-тенъ-о*, отправилъ посольство въ храмъ *Конго Бузи*, чтобы почитать Кобу титуломъ Даизи. Съ тѣхъ поръ его называютъ Кобу-Даизи. Память его въ такомъ почтеніи, что при отъѣздѣ моемъ изъ Японіи, въ ноябрѣ 1783 года, выставили на О-фато (на большой лѣстницѣ порта Нагазаки) приказаніе справлять праздникъ въ честь его, по всей имперіи. Праздникъ назначили въ двадцать первый день третьяго мѣсяца слѣдующаго года, черезъ 950 лѣтъ послѣ смерти Кобу-Даизи.

Къ запискѣ Титсинга слѣдуетъ прибавить то, что говоритъ о порошокѣ дозіа Французъ Шарпантье-Коссиньи, въ *Путешествіи*
т. II.

своемъ въ Бенгалію, которое напечатано въ 1799 году Коссиньи имѣлъ случай видѣть Титсинга въ Бенгаліи и получилъ отъ него нѣсколько пакетцевъ знаменитаго порошка. Онъ состоялъ изъ сѣроватаго вещества, похожаго на пепелъ, съ примѣсью мельчайшихъ камешковъ, изъ которыхъ самый большой былъ не болѣе булавочной головки. Эти камешки или совершенно прозрачныя, или полупрозрачныя, или разноцвѣтные. Десятую долю порошка *дозіа* составляли расплющенные осколки, синіе или темно-зеленыя съ одной стороны. Коссиньи разсматривалъ ихъ въ увеличительное стекло, и полагаетъ, что это осколки пиритовъ. Разложить порошокъ оказалось невозможнымъ. Коссиньи считаетъ его искусственно составленнымъ, посредствомъ смѣшенія расплющенныхъ камешковъ. Отъ сильнаго зажигательнаго стекла порошокъ не расплавился, а только почернѣлъ.

Не узнавъ ничего положительнаго о составѣ порошка, Коссиньи пробовалъ его дѣйствіе на совершенно окоченѣвшихъ трупахъ и говорить:

«Ни какими трудами и ни какими усиліями не могъ я согнуть въ этихъ трупахъ ни одного члена, хотя наивно ждалъ дѣйствія

порошка четверть часа, полчаса и даже часъ.... Кромѣ того, я самъ принималъ порошокъ *дозіа* и не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшей перемѣны, ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Онъ ни чѣмъ не пахнетъ и похожъ на песокъ, то есть, вовсе безвкусе-
сень.»

По этому Косиньи полагаетъ, что вся сила порошка состоитъ въ суевѣріи Японцевъ, которое мастерски поддерживается людьми, сбывающими *дозіа* за дорогую цѣну. Нѣтъ сомнѣнія, что японскіе жрецы никогда не откроютъ состава порошка, чтобы не лишиться значительнаго дохода.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЯПОНИИ.

	<i>Стр.</i>
Нравы и обычаи Японцевъ	1
Общественное состояніе и частная жизнь	—
Характеръ Японцевъ	37
Японская мнѳологія и религіозныя секты въ Япо- нии	59
Языкъ японскій.—Азбука.—Литература и поэзія	81
Науки въ Японіи.	99
Искусства и мануфактуры у Японцевъ.	115
Торговля и мореплаваніе	127
Усилія Европейцевъ вступить въ сношенія съ Япо- ніею.	153
Японскія заведенія на югѣ и сѣверѣ Японіи	227
Іезо и сосѣднія земли	229
Острова Ліу-Кіу.	259
Хронологическая таблица.	269
Таблица мѣры, вѣса и монетъ.	277
Приложеніе: Порошокъ-дозіа и изобрѣтатель его Кобу-Данзи	287